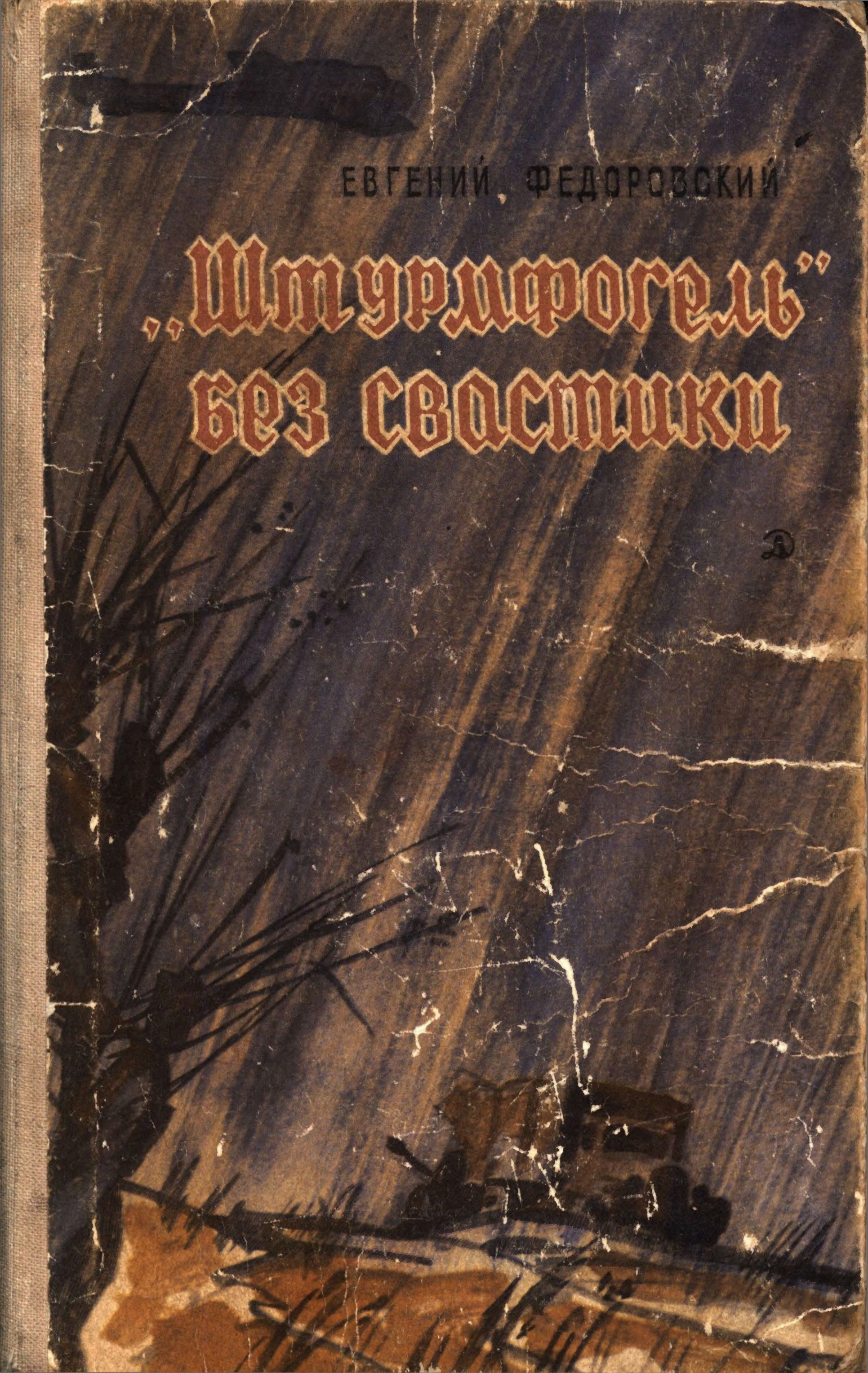

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВСКИЙ
„Штурмфогель" без свастики

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВСКИЙ

„Штурмфогель" без свастики

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1976

Р 2
Ф 33

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

На рассвете 14 мая 1944 года американская „летающая крепость“ была внезапно атакована таинственным истребителем.

Единственный оставшийся в живых хвостовой стрелок Свен Мета показал: „Из полусумрака вынырнул самолет. Он стремительно сблизился с нашей машиной и короткой очередью поджег ее. Когда самолет проскочил вверх, я заметил, что у моторов нет обычных винтов, из них вырывалось лишь красно-голубое пламя. В какое-то мгновение послышался резкий свист, и все смолкло. Уже раскрыв парашют, я увидел, что наша „крепость“ развалилась, пожираемая огнем“.

Так впервые гитлеровцы применили в бою свой реактивный истребитель „Ме-262 Штурмфогель“ („Альбатрос“).

Этот самолет мог бы появиться на фронте гораздо раньше, если бы не целый ряд самых разных и, разумеется, не случайных обстоятельств. О них и рассказывается в этой повести.

РИСУНКИ Б. ДОЛЯ

Ф $\frac{70803-406}{М101(03)76}$ Без объявл.

ПРОЛОГ

По кремнистой дороге Кастилии шел военный грузовик с германскими летчиками. Они возвращались из Валенсии, где проводили краткосрочный отпуск. Бодрые, загорелые, молодые, они орали «Милую пташку» и неохотно прервали песню, когда увидели на дороге молодого человека с поднятой рукой. Шофер затормозил. У парня была типичная физиономия северянина — белобрысый, светлоглазый, с конопушками на тонком, прямом носу. Он был одет в полувоенный френч, солдатские брюки. За спиной болтался ранец из рыжей телячьей шкуры, какие носят баварские горные стрелки.

Узнав соотечественника, летчики ухватили его за руки и легко втянули к себе в кузов. Оказалось, моло-

дой человек ехал в ту же часть к Мельдерсу [1], куда направлялись и летчики.

Дымящийся от зноя аэродром был почти пуст. Истребители ушли на задание. Солдаты-марокканцы из аэродромной охраны на раскаленных камнях пекли просяные лепешки и лениво отгоняли больших зеленых мух. Чуть поодаль у бочек с водой толпились техники. Они охлаждали воду, бросая в бочку заиндевелые баллоны со сжатым воздухом. Если кто-нибудь опускался в воду, то сразу выскакивал, будто ошпаренный кипятком.

Новичок подошел к длинному морщинистому механику, который отчаянно растирал полотенцем рыжую грудь. Механику было лет под сорок. Чем-то он напоминал Жана Габена, уже завоевывающего славу на экранах Европы.

Очевидно, новичок заинтересовал механика.

— Примите душ, вода холодная, как в Шпрее,— посоветовал он.— Вы сразу почувствуете себя ангелом.

Новичок покачал головой.

— Вы к нам?

— Да. Направлен после школы Лилиенталя.

— О, туда попадал далеко не каждый! — Механик присвистнул и оценивающе оглядел молодого человека.— Я знал кое-кого из школы Лилиенталя: все сынки богатых папаш, что с толстыми кошельками.

— Мои родители погибли на пароходе «Витторио», когда плыли в Америку.

— В двадцать восьмом?

— Вы слышали о катастрофе?

— Как же! Об этом писали все газеты. Они были коммивояжеры?

— Нет. Искатели счастья.

Механик помолчал, думая о чем-то своем, а потом глуховато проговорил:

— Тогда многие искали счастья...

Механик подал жилистую руку:

— Меня зовут Карл Гехорсман...

— Пауль Пихт.

---

[1] Мельдерс Вернер — командир соединения истребителей, действовавших в составе фашистского легиона «Кондор» в период гражданской войны в Испании в 1936—1939 годах.

— Вы были у Коссовски?

— Я только что приехал.

— Начальник секретной службы. Когда нет командира, то заменяет его. Вон его палатка...

Подойдя к пятнистой камуфлированной палатке, молодой человек откинул полог и вытянулся перед рослым, средних лет капитаном, у которого вдоль виска до скулы алел глубокий шрам. Коссовски изнывал от жары, его тонкая бязевая рубашка потемнела от пота.

Парень положил на раскладной столик свои документы и спросил:

— Надо полагать, вам обо мне сообщили?

Коссовски промолчал. Он долго рассматривал документы и наконец откинулся на спинку стула. Его зеленоватые, глубоко посаженные глаза впились в лицо прибывшего:

— Рекомендации у вас веские... Но почему вы захотели попасть именно в Испанию?

— Хочется узнать, на что я способен, господин Коссовски.

— Понимаю. А вот как вы в семнадцать лет научились летать на боевых самолетах, не понимаю.

— Когда у вас в кармане ни пфеннига, и никого не осталось дома, и вы в какой-то дыре в Швеции...

— Там вы стали личным механиком генерала Удета?

— Да. Он и ввел меня в школу Лилиенталя.

— Почему же вы не остались с Удетом?

— Хочу заработать офицерское звание на фронте!

— Прекрасный ответ,— суховато проговорил Коссовски.

Он снова уткнулся в документы. Повертел в руках диплом об окончании летной школы. Он не привык доверять первому впечатлению.

— Двадцать два года...— в раздумье проговорил он и вдруг резко опустил руку с дипломом на столик, отчего тот жалобно пискнул.— Идите. Я подумаю о вашем назначении.

Коссовски встал, пропустил новичка вперед и тоже вышел из палатки. На аэродром возвращались истребители. Они показались из-за невысоких холмов. Шли вразброд. Двукрылые «хейнкели», похожие на

майских жуков. Разгоняясь на планировании, они заходили на посадку и, приземляясь, делали «козла» [1].

— Пилоты измотаны боем,— проговорил новичок.

— Такое и вам предстоит,— усмехнулся Коссовски.

— Благодарю вас, господин Коссовски. Ни о чем так не мечтаю, как побывать в настоящем деле.

Один из истребителей с дымящимся мотором косо промчался по аэродрому, сбил крылом пустую бочку из-под бензина, развернулся, взвихрив пыль, и замер. Техники бросились к самолету. Пилот поднял на лоб разбитые очки, расстегнул привязные ремни, попытался встать, но не смог.

Гехорсман, растолкав остальных, вытащил его из кабины:

— Опять вы лезли в самое пекло!

— Красные ощипали меня, как гуся,— вяло пробормотал пилот, стягивая шлем с большой мокрой головы.

Толпа окружила его, но, когда подошел Коссовски, техники расступились.

— Что случилось, Альберт? — спросил Коссовски.

— У красных тоже появились бипланы. Мы сначала думали, что это макаронники на своих «фиатах», а это были республиканцы. Хватились, но поздно. Задали они нам головомойку. Едва ноги унесли.

— Вы родились в сорочке,— проговорил новичок, рассматривая пробоины.

Летчик оглянулся и вдруг раскинул руки:

— Пауль! Глазам своим не верю! Откуда ты?

Новичок и пилот стиснули друг друга в объятиях.

— Вы знакомы, Альберт? — удивился Коссовски.

— Еще со Швеции, Зигфрид! — ответил летчик радостно.— Дети рейха собираются вместе!..

---

[1] Делать «козла» — на жаргоне летчиков: неправильно садиться. Самолет, не совсем погасив скорость, при соприкосновении с землей подпрыгивает, делает «козла».

Глава первая

НАКАНУНЕ ЭРЫ

В марте 1939 года была решена судьба Испанской республики. На Пиренеях воцарился Франко. Все приличные люди разъехались по курортам. Модным считалось Средиземное море. О политике уже не говорили. Политика приелась. Фашисты? Геринг на яхте плывет по Рейну. Гейдрих фехтует в Антверпене. Гиммлер собирает астрологов... Светские люди. Тишина. Душно. Респектабельная Европа купалась, томилась, лелеяла равновесие.

Но свастика напрягала щупальца. Фашизм ковал цепи для глобуса. Готовились к новым войнам фельдмаршалы и фельдфебели, фюреры и гаулейтеры, банкиры, промышленники, инженеры...

1

В солнечный и тихий день 30 июня 1939 года над бетонной полосой испытательного аэродрома в Ростоке пронесся с необычным свистом маленький самолетик. Он только взлетел и сразу пошел на посадку. Свист как будто захлебнулся. Кончилось топливо.

Из тесной кабины выбрался летчик, сорвал с головы шлем и ударил им по фюзеляжу.

— Я жив! — закричал он подбегающим техникам и механикам.

Тут же по полевому телефону набрали номер главного конструктора.

Хейнкель схватил трубку:

— Ну как, Варзиц?

— Я рад сообщить вам, доктор, что ваш «сто семьдесят шестой» впервые в мире совершил ракетный полет!

— Как вы себя чувствуете?

— Я жив, жив!

— Сколько вы продержались, Варзиц?

— Пятьдесят секунд.

— Я немедленно сообщаю в Берлин, Варзиц. Приготовьте самолет к двум часам.

Хейнкель быстро связался с отделом вооружений министерства авиации и попросил соединить его с генерал-директором люфтваффе [1], старым своим другом Эрнстом Удетом.

— Дорогой генерал! — воскликнул он, услышав в трубке ворчливый голос Удета.— Я поднял свой «сто семьдесят шестой» в воздух! Очень прошу вас сегодня же посмотреть на него в небе.

— Зачем спешить, доктор? — спросил Удет недовольно, но тут знаменитый пилот, очевидно, понял нетерпение Хейнкеля и, помолчав с минуту, бросил: — Ладно. Ждите.

Во второй половине дня Варзиц еще раз поднял свой маленький самолетик.

Машина с короткими, будто срезанными крыльями, на маленьких, как у детской коляски, шасси взвыла так оглушительно, что механики зажали уши. Ог-

[1] Люфтваффе — военно-воздушные силы фашистской Германии.

недышащей ракетой «Хе-176» пронесся по аэродрому и взмыл вверх.

Эрнст Хейнкель, владелец и главный конструктор всемирно известной фирмы «Эрнст Хейнкель АГ», не мог скрыть своего торжества. Его реактивное детище — первое в Германии — увидело наконец небо. Он был настолько захлестнут ощущением удачи, что не заметил настроения Эрнста Удета.

Удет, хмурясь, слушал Хейнкеля и позевывал. Прославленный ас первой мировой войны уважал доктора и обычно подолгу беседовал с ним о разных авиационных проблемах. Но на этот раз он, ведающий новым вооружением люфтваффе и теснейшим образом связанный с авиапромышленниками, не хотел понять Хейнкеля, который расхвастался этим маленьким, ужасно свистящим попрыгунчиком.

Было жарко и душно. Удет изнемогал. На крепких, коротких ногах он прошелся по полосе и оглянулся на Хейнкеля. Но Хейнкель, сверкая единственным глазом, любовался полетом своего самолета. Своего. А Удет отвечал перед Герингом за оснащение всего военно-воздушного флота, и для него одного рейхсмаршал придумал и форму, и редкостный чин — генерал-директор люфтваффе.

И Удет не мог, как Эрнст Хейнкель, восторгаться этим крошечным недоноском, пусть хоть и с реактивным двигателем.

— И это все? — спросил он, когда самолетик пронесся мимо них, отчаянно тормозя.

Хейнкель с удивлением уставился на Удета. Его большой, вислый нос начал багроветь, задергалось веко кривого глаза.

— Право, доктор, вы настоящий энтузиаст.— Удет положил руку на плечо конструктора.— Но, боюсь, меня эти прыжки — вы не обижайтесь, если я назову их лягушачьими,— не привели в восторг. Впрочем, поздравьте Варзица. Он — храбрец.

— Разве вы не хотите поздравить его лично?.. Он был бы счастлив,— пробормотал Хейнкель.

— Простите, доктор. Я слишком долго ждал, когда же наконец ваш лягушонок оторвется от земли. Я спешу. До свидания.

Хейнкель неумело вскинул руку в нацистском при-

ветствии, как обиженный ребенок, посмотрел вслед квадратной генеральской спине, резко повернулся и, подталкиваемый сухим горячим ветром заработавших винтов, по-старчески засеменил к дожидавшемуся поодаль Варзицу.

— Эти люди не заметят и божественного перста истории,— проговорил он, и Варзиц расценил эту фразу, как невольно вырвавшееся извинение.

И хотя Хейнкель мог не извиняться перед собственным летчиком-испытателем этой заранее придуманной фразой, он действительно оправдывался, что не сумел объяснить Удету невероятность происшедшего.

— Все же сегодня великий день, доктор,— сказал Варзиц.

Летчик был взволнован неожиданным доверием Хейнкеля. Эта вспышка откровенности значила для него больше, чем само участие в решающем испытании реактивного самолета. Она заслонила собой и напряжение страшного пятидесятисекундного полета, и фантастичность перспектив, открывшихся ему там, наверху.

Но Хейнкель уже понял, что в раздражении сказал ненужную, очевидно, опасную фразу.

— Я уверен, Варзиц, ОН нас поймет,— напыжившись, проговорил Хейнкель,— и ОН оценит наши усилия. Так что будем работать дальше.

Хейнкель, хотя и был уже стар, не утратил энергии. Не раз жизнь ставила его в отчаянные положения, но милостивая судьба спасала от банкротства, как это произошло в страшную инфляцию после первой мировой войны и в кризис тридцатых годов. В первый раз выручил Хейнкеля богатый поклонник авиации, во второй — советский заказ на изобретенные им катапульты и летающие лодки.

Три года назад конструктор создал двухмоторный «Хейнкель-111». Машина стала основным бомбардировщиком люфтваффе, оправдала себя в Испании. Но тут престарелого конструктора увлекла работа над реактивным истребителем. Он сделал две модели — «Хе-176» и «Хе-178». Первый истребитель — «Хейнкель-176» — он и демонстрировал генерал-директору Удету.

Однако генерал сегодня не понял Хейнкеля.

— Ну что ж, мы еще посмотрим, кто кого,— погрозил Хейнкель генеральскому самолету, уходящему в знойную дымку июньского дня.

В это время Удет, не заглянув, как обычно, в пилотскую «Зибеля», прошел в задний отсек, отделанный под «походный бар».

— Пусть штурвал берет второй, а ты приготовь мне бренди,— сказал он шеф-пилоту Паулю Пихту.

Ледяное бренди вернуло генералу утраченную бодрость. Раздражение исчезло. К тому же самолет взлетел, а в воздухе Удет всегда чувствовал себя лучше.

— Ты видел эту лягушку, Пауль?

— Видел, господин генерал,— ответил адъютант.

— Недоносок без пропеллера. Дурацкая работа. Еще бренди, Пауль!

Огладив любовным взглядом пятиярусную батарею бутылок, самую полную, как утверждали знатоки, коллекцию бренди в мире, Удет снова с тоскливой горечью подумал: никогда, нет, никогда не вкусить ему сполна всю крепость напитка, заключенного в этих бутылках. С тех пор как он перестал летать, опьянение приходило к нему тусклым, земным.

Удет взглянул на адъютанта. Тот сосредоточенно готовил новую смесь из бренди и лимонного сока.

Прямого, иногда даже грубоватого генерала устраивал этот молодой человек — умный, расторопный, преданный. С ним Удета свела судьба в Швеции. Пихт хотел добыть офицерский чин в бою, и Удету пришлось согласиться с его просьбой — послать в Испанию, хотя серебряные погоны адъютанту Удета были обеспечены и без этого риска. Но Удет сам был таким же отчаянным и не любил покровительства. Разумеется, Пихта испытывали в разных учреждениях, Пихта проверяли. Генерал-полковнику, впоследствии генерал-директору люфтваффе, заместителю самого Геринга, полагался шеф-пилот и адъютант с более высоким чином и положением, но Удет умел ценить и храбрость, и преданность, и ту особую любовь к авиации, которая сроднила их обоих — старого и молодого.

— А ты что скажешь, Пауль? — спросил Удет, принимая от Пихта новый стакан.

— Что вас интересует, господин генерал?

— Брось ты этот официальный тон, чинуша не-

счастный! «Господин генерал, господин генерал»! А что у генерала на душе, ты-то знаешь, господин адъютант? Молчишь! А ведь ты меня помнишь другим, Пауль. Ты помнишь, как обнимал меня Линдберг? Ты видел, как надулся этот старый попугай Хейнкель, когда я сел в Италии, установив новый мировой рекорд на его дурацкой машине! Ведь это было в прошлом году, Пауль! В прошлом году!

Да, в прошлом году Хейнкель построил новый истребитель «Хе-100». Это была аэродинамичная и маневренная машина. По скорости она превосходила хваленый «Мессершмитт-109». Хейнкель рассчитал машину на двигатель с водяным охлаждением, но отказался от радиаторов нормального типа. Охлаждающая жидкость проходила через сложную систему устройств, расположенных в двойной обшивке крыльев. Удет промчался на «Хе-100» с невиданной скоростью, но сразу после полета высказал конструктору свое мнение со всей прямотой: «Эта капризная белоручка на фронте летать не будет. Если ослабнут одна-две заклепки в крыльях или, не дай бог, пуля прошьет крыло, то жидкость испарится и двигатель выйдет из строя. Самолет будет обречен». С тех пор между Удетом и Хейнкелем, как говорится, пробежала кошка.

Слушая хвастливые жалобы Удета, Пауль Пихт привычно подумал о том, что вовсе не нужно особой проницательности, чтобы разглядеть смятенную душу генерал-директора.

Для многих коллег Удета его неожиданное возвышение казалось трудно объяснимым капризом Геринга. Не поддался же в самом деле «Железный Герман» сентиментальной привязанности к старому однокашнику еще с первой мировой войны по эскадрилье Рихтгофена? Деловые качества? Но Удет совсем не похож на дирижера величайшего авиапромышленного оркестра, призванного прославить могущественный военно-воздушный флот Германии.

Нет, не Удет нужен был Герингу. Только его имя, имя национального героя Германии, всемирно известного воздушного аса. Удет — хорошая реклама для немецкой авиации. Удет — удобный, проверенный посредник между новым руководством люфтваффе и авиапромышленниками. Удет, наконец, послушный ис-

полнитель воли и замыслов Геринга. «Железный Герман» не погнушался использовать его и как «противовес» хитрому, пронырливому, иногда чрезмерно энергичному Мильху[1] — второму своему заместителю, генерал-инспектору люфтваффе.

Удет, разумеется, уже осознал и покорно принял уготованную ему роль. Отказаться от нее он мог, лишь признавшись в измене нацизму. Но, как виделось Пихту, его начальник не очень страдал от иллюзорности нынешней своей власти. Его бесило расставание со своей прежней артистической властью над толпой. «Акробат воздуха» не привык, чтобы боялись его, он привык, чтобы боялись за него. Он властвовал над людьми, рождая у них страх за себя, царил, рисуясь бесстрашием, снисходя к филистерскому обожанию. Категорический приказ Геринга, запрещавший ему самому испытывать новые модели и участвовать в спортивных полетах, застал Удета врасплох. Он почти физически ощутил, как ему опалили крылья.

Удет припомнил добродушное сияние на широком лице Геринга. Руки толстяка были сцеплены на животе, а большие пальцы, как пулеметы, выставлены вперед.

«Я ничего не понимаю в производстве больших самолетов, Герман,— сказал Удет.— Это дело не по мне. Лучше отказаться сейчас...»

Большие пальцы выстрелили. Геринг встал, укоризна раздула его щеки.

«Не беда, Эрнст. Положись на людей. Нам нужны твои идеи. Это — главное!..»

— Люди, идеи...— проворчал Удет, вспомнив этот эпизод, и вдруг в упор, как будто впервые, посмотрел на своего адъютанта.— О чем ты думаешь, Пауль?

— О Стокгольме, господин генерал, о ваших гастролях...

...Стокгольм в конце двадцатых годов был европейской ярмаркой, европейским перекрестком. Сюда съезжались из голодной Европы злые, предприимчивые и

---

[1] Фельдмаршал Мильх — заместитель Геринга, после самоубийства Эрнста Удета руководил вооружением люфтваффе. В 1935 году, будучи статс-секретарем министерства авиации, выступил против истребителя «МЕ-109». Ныне почетный член правления западногерманского концерна «Клекнер».

азартные юнцы. Юный Пауль Пихт стоял в толпе, задрав голову. А в небе носился белый самолетик.

Самолет разворачивался так низко, что крылом касался травы. На траве лежал женский головной платок. Крючок на конце крыла цеплял красный шелк и уносил его ввысь. И вот уже подхваченный ветром он спускался к толпе из поднебесья. Тысячи рук тянулись к платку. Тысячи глоток вопили: «Удет, Удет!..»

— В Стокгольме я понял, что должен летать,— задумчиво проговорил Пихт.

— Да, Стокгольм...— довольно улыбнулся Удет.— Оглушительный успех. Я был отличным летчиком, Пауль!

— Германия вами гордится, господин генерал.

— Германия не дает мне летать!

— Вы должны ценить заботу рейхсмаршала...

— Да, да, Пауль, я был сердечно тронут. Герман проявил истинно братские чувства...

— Вы нужны рейху, генерал. Ваш опыт...

— Мой опыт? — взорвался Удет.— Что толку в моем опыте, если я не могу взять в руки штурвал? Ты видел этого мальчишку Варзица, Пауль? Зеленый трусливый сопляк! Он вылез из кабины белый, как мельничная мышь. Но как он смотрел на меня! Как на инвалида, Пауль, как на последнего жалкого инвалида! Налей мне двойную!

Разливая бренди, Пихт невольно представил себе элегантного, широкоплечего Удета, вылезающего из «Хейнкеля-176». Да, будь сегодня на месте Варзица Удет, обстановка на аэродроме была бы иной. «Король скорости» сразу бы оценил удивительные возможности реактивного двигателя. Теперь же Удет увидел в затее Хейнкеля лишь грубое посягательство на те устои воздухоплавания, которые были освящены им самим.

— А как тебе понравилась эта прыгающая лягушка, эта скорлупа с крылышками, а, Пауль? Доктор носится с ней, как будто и в самом деле снес золотое яйцо.

— Вы хотите услышать мое неофициальное мнение, господин генерал?

— Я хочу знать твое мнение, Пауль, и катись ты еще раз к черту со своей официальностью!

— Я очень уважаю заслуги доктора Хейнкеля пе-

ред немецкой авиацией, но считаю, что в данном случае ему изменило чувство ответственности перед немецким народом. «Хейнкель-176» — машина несерьезная. Мне бы не хотелось так думать, мой генерал, но, видно, у доктора рыльце в пушку, если он взялся за разные фокусы. Его дело — бомбардировщики.

— Да, ты прав, Пауль. Геринг не устает мне твердить: бомбардировщики, бомбардировщики. Но я же говорил Герману: мое дело — истребители. Скорость, скорость, скорость! А ведь у Хейнкеля были весьма приличные истребители. У него всегда не ладилось дело с шасси, но зато какая рама! И в этой новой машине что-то есть, Пауль, что-то в ней есть!

— Новый двигатель. Реактивная тяга. Но это пока лишь идея, лишенная всякого практического применения. Пятьдесят полетных секунд никого не убедят.

— Спасибо, Пауль. Ты прав. Завтра же позвоню Хейнкелю и наложу запрет на дальнейшие работы над этим выродком.

— Не торопитесь, мой генерал. Реактивный двигатель — безусловное новшество в авиации. Пусть пока бесполезное. Но стоит ли вам брать на себя незавидную роль врага технического прогресса? При вашей должности это вам не к лицу. Что, если показать машину фюреру? Она развлечет его. Наш фюрер обожает всякие технические курьезы. Ну, и если старик Хейнкель докажет полезность своего детища в будущей войне...

— Ты молодчина, Пауль! Сообщи Хейнкелю, чтобы он притащил свою лягушку в Рехлин. А теперь помоги мне подняться. Скоро Берлин. Я хочу сам посадить «Зибель»...

2

3 июля 1939 года на имперский испытательный полигон в Рехлине прибыл Гитлер. Его сопровождали Геринг, Кейтель, Йодль, Мильх, Удет, начальник штаба люфтваффе Йошоннек и командир отряда испытателей Франке. Гитлер сбросил легкий плащ на руки адъютанта Энгеля и остался в коричневом френче, черном галстуке и черных брюках — традиционном костюме члена нацистской партии.

Из ангара техники вывели маленький самолетик. Вся носовая часть фюзеляжа была застеклена, и сквозь плексиглас виднелись ручка управления, крохотное сиденье для пилота, сектор управления двигателем.

Удет толкнул шасси носком сапога — самолетик заметно покачнулся.

— Мой фюрер, «Хе-176» три дня назад я наблюдал в полете,— торопливо начал он, подумав, что этим жестом выразил свое отношение к новинке, которая может вдруг и понравиться Гитлеру.— Проектировать ее начал уважаемый доктор Хейнкель два года назад. Внутри фюзеляжа установлен жидкостно-реактивный двигатель, который работает на метаноле с перекисью водорода...

Гитлер с сомнением потрогал крылья:

— Какой размах?

— Пять метров.

— Диаметр фюзеляжа?

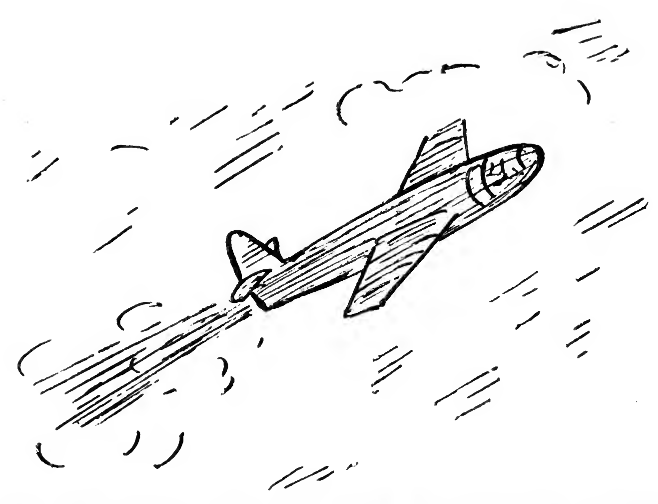
— Максимальный — восемьдесят сантиметров.

— Как же умещается летчик?

— Ему в кабине вполне удобно,— выкатился вперед Хейнкель и махнул Варзицу.

Летчик, откинув колпак, вскочил в кабину. Эта кабина в случае аварии сбрасывалась, и Варзиц незаметно скользнул взглядом в сторону спасительного рычага.

По аэродрому пронесся свист запущенного двигателя. Из хвоста малютки вырвалось длинное белое пламя. Самолет помчался по бетонке. В небе летчик развернулся и пролетел над аэродромом.

Геринг и Удет покосились на Гитлера, стараясь угадать, какое впечатление произвел на фюрера полет. Но Гитлер, привычно поигрывая пальцами на отвороте френча, оставался спокойным.

Вскоре запас топлива и окислителя кончился. Самолет остановился посреди аэродрома, и его отбуксировали в ангар. Варзиц отрапортовал об окончании полета.

— Сколько вы заплатите летчику за это испытание? — спросил Гитлер Хейнкеля.

— По высшей ставке, мой фюрер.

— Поздравляю, обер-лейтенант,— сказал Гитлер.

— Я думаю, нам следует поздравить пилота с чином капитана,— проговорил Мильх.

Гитлер пожал руку Варзицу.

— Ну, что вы думаете об этой штуке, капитан?

— Я убежден, что через год или два только немногие военные самолеты будут иметь винты и моторы внутреннего сгорания,— горячо ответил Варзиц.

Гитлер поморщился. Он не любил предсказаний. Предсказывать, предвидеть — привилегия фюрера. Он повернулся к Удету:

— Выдайте капитану Варзицу двадцать тысяч марок из специального фонда. А теперь послушаем Хейнкеля. Почему вы отказались от пропеллера?

— История авиации — история борьбы за скорость,— затараторил Хейнкель.— Скорость поршневых самолетов стала затухать. Из мотора уже ничего нельзя выжать, а у реактивного самолета неиссякаемый запас скорости, за ним будущее.

— Объясните!

— Враг скорости — сопротивление воздуха. Чтобы это сопротивление победить, нужно увеличить мощность моторов, следовательно, вес самих моторов, баков с горючим, фюзеляжа...

— Надо поднять самолет выше, в разреженное пространство,— указал Гитлер.

Вопреки обыкновению, беседа Гитлера не заинтересовала.

— В других странах делают реактивные самолеты?

— Пока нет, но, насколько мне известно, над созданием реактивных двигателей работают Уиттл и Гриффит в Англии, Ледок — во Франции, Цандер, Победоносцев, Люлька, Меркулов — в России... Кстати, именно Россия, очевидно, продвинулась в этой работе особенно далеко...

Но что-то мешало Гитлеру относиться всерьез к «детской коляске».

— Кажется, вы были удостоены в прошлом году Национального приза за искусство и науку?

— Да, мой фюрер.

— Вместе с Мессершмиттом,— подсказал Удет.

Гитлер протянул Хейнкелю руку:

— Благодарю, доктор. Вашу машину мы поставим в Музей авиации [1]...

3

Ранним утром 28 августа, выйдя на дежурство, Пихт застал в приемной генерал-директора постоянного представителя фирмы «Эрнст Хейнкель АГ» в Берлине Пфистермайстера.

---

[1] Гитлер действительно сдержал слово. «Хе-176» вместо ангара перекочевал в Музей авиации и сгорел во время бомбежки Берлина через шесть лет после описываемого события.

— А ведь я жду именно вас, господин Пихт. И новость, которую я хочу вам сообщить, должна вас порадовать,— зарокотал Пфистермайстер, оставляя в покое золотую цепочку пенсне, которой поигрывал минуту назад, и выпрямляясь перед адъютантом Удета.

— Весьма признателен. Чем могу служить?

— Вы, конечно, знаете, что наша фирма испытывает сейчас новую модель — уже «Хе-178» с турбореактивным двигателем. Так вот, вчера Варзиц на этой машине продержался в воздухе целых семь минут! Теперь уже никто не вправе сомневаться в том, что доктор Хейнкель открыл новую эру в самолетостроении. Совершил, так сказать, скачок в новое качество.

— На этот счет я бы хотел узнать мнение Мессершмитта.

— Вы известный шутник, господин Пихт,— позволил себе рассмеяться Пфистермайстер, стараясь перейти на менее официальный тон.— Но согласитесь, что дело нешуточное.

— Да, здесь можно урвать солидный заказ.

— Не «урвать», господин Пихт! Когда же министерство научится толково распоряжаться кредитами?!

— Надеюсь, генерал-директор уже извещен о вчерашней сенсации? — спросил Пауль.

— Доктор звонил ему, но с Берлином дали связь только поздно ночью, и доктор боится, что генерал-директор со сна мог не понять истинного значения события.

— Вот этого ночного звонка генерал и не простит реактивной авиации...

— Послушайте, господин Пихт,— доверительно приглушая голос, произнес Пфистермайстер,— господин доктор уполномочил меня вручить вам этот конверт. Не удивляйтесь. Это премия, которую заслужили вчера энтузиасты реактивной тяги.

— Боюсь, мои заслуги в этой области очень скромны. И потом, дорогой Пфистермайстер, я же не ведаю заказами. Я даже не даю советов по этой части.

— И все же, Пауль, вы могли бы принести совершенно неоценимую пользу этому великому начинанию.

— А именно?..

— Вы лучше меня знаете, что, прослышав об успехах нашей фирмы, и другие конструкторы попытаются

воспользоваться новаторскими идеями доктора Хейнкеля. Их усилия, малоценные с точки зрения технической и научной, однако, создадут ненужную, я бы сказал, вредную для нашей империи обстановку конкурентной борьбы, затруднят обмен ценной информацией. Интересы нации требуют концентрированных усилий для скорейшего создания серийного реактивного истребителя. Эта задача по плечу только нашей фирме. Доказательства налицо.

Увлекшийся Пфистермайстер протянул было руку к столу за конвертом, наглядным свидетельством успехов фирмы «Эрнст Хейнкель АГ», но конверта на столе уже не было.

— Можете не продолжать, мой любезный Пфистермайстер. Я умею ценить доверие, хотя и не считаю себя человеком доверчивым. Убежден, что и вы знаете истинную цену доверия. Я подумаю о вашем предложении. Интересы отдельных предпринимателей, безусловно, вступают в данном случае в конфликт с интересами нации... И закон остается законом.

— Надеюсь, что ваши раздумья не повредят интересам нации,— чуть улыбнулся Пфистермайстер.— Господин доктор собирается приехать в Берлин, и я надеюсь видеть вас в числе его гостей.

— Прошу выразить мою признательность доктору Хейнкелю,— произнес Пихт, провожая Пфистермайстера к выходу.

Оставшись один, Пихт стал думать над сообщенной ему новостью, но пронзительный телефонный звонок прервал его размышления. Междугородная станция сообщила, что связь с Аугсбургом установлена и заказанный разговор может состояться через две минуты.

4

— Господин директор, вас вызывает Берлин.

Мессершмитт поднял тяжелую черную трубку, поворочал языком. Так делает спринтер, разминаясь перед стартом.

— Мессершмитт слушает... Я это предчувствовал. Вот как! Семь минут? Понимаю... Вполне официально? Рад. Жду... Ценю... До свидания.

Мессершмитт положил трубку, легко (окрыленно,

записал бы его секретарь) поднялся с кресла, подошел к огромной, во всю стену, витрине. За прозрачным, ни пылинки, стеклом выровнялись, как на параде, призы — массивные литые кубки с немецких ярмарок, элегантные парижские статуэтки, фарфоровые, с позолотой вазы итальянских и швейцарских мэрий, кожаные тисненые бювары — свидетельства о рекордах. «Вся жизнь на ладони»,— с удовольствием подумал Мессершмитт, вышагивая вдоль витрины.

Он взял в руки последний, самый ценный, отобранный у Хейнкеля кубок: за мировой рекорд скорости — 755 километров в час. Рекорд, установленный на его лучшей модели — «Ме-109Е» — каких-нибудь четыре месяца назад.

«И все это только прелюдия, красивая прелюдия, не больше,— подумал Мессершмитт.— Настоящая авиация лишь зарождается. И первое слово скажу я».

Он позвонил секретарю и попросил немедленно вызвать профессора Зандлера.

Вилли Мессершмитт старался казаться угрюмым. При разговоре он глядел на собеседника исподлобья. Почти двухметрового роста, худой, большеголовый, тонкогубый, с угловатыми скулами, он вызывал невольную робость у своих служащих.

Увидев в 1910 году первый аэроплан Блерио, он, мальчишка, поклялся, когда вырастет, делать такие же самолеты. Будучи студентом, Мессершмитт клянчил деньги у богатых фабрикантов, изобретал, учился, терпел неудачи, подчас голодал, но шел напролом. Мастерская, заводик, завод, концерн... «Мать Германия, в блеске стали на твою мы защиту встали. Сыновьям своим громом труб ответь, за тебя мы хотим умереть...» Теперь тысячи пилотов с этой песней устремляются в небо на его, Мессершмитта, самолетах.

Четыре года назад сошел с конвейера «Мессершмитт-109» — самый удачный истребитель из всех, построенных ранее. На нем стоял мотор Юнкерса «Юмо-210» мощностью 610 лошадиных сил. Но воздушные бои в Испании заставили конструктора улучшить машину. Требовалась скорость — Мессершмитт установил двигатель «Даймлер-Бенц» мощностью 1100 лошадиных сил, заменив мелкокалиберный пулемет автоматической пушкой.

Но когда в пикировании «Мессершмитт-109Е» попал во флаттер [1], конструктор впервые понял, что поршневой самолет исчерпал себя: дальнейший прогресс был невозможен. Выход из тупика открывал реактивный самолет.

Тогда Мессершмитт переманил от Хейнкеля профессора Зандлера — специалиста по реактивной технике и аэродинамике крыла. В своей фирме он организовал специальный отдел и выделил для него испытательный аэродром в Лехфельде, неподалеку от Аугсбурга.

Теперь он ожидал, когда оттуда приедет Зандлер, конструктор и начальник этого отдела.

Профессор Зандлер вошел в кабинет с неестественно натянутым лицом. Чувствовалось, что перед дверью он не без труда придал ему выражение равнодушной заинтересованности. Обычно сутулый, сейчас профессор старался держаться прямо.

«Трусит,— решил Мессершмитт,— трусит, оттого и пыжится. А чего трусит?»

— Послушайте, профессор,— начал Мессершмитт, не присаживаясь и не предлагая сесть Зандлеру,— что-то вы давно не приходили ко мне с новыми идеями. Устали? Или не верите в проект?

— Господин директор...

— Вы не уверены в идее или в возможности ее экономного решения? Или вас тяготит отсутствие официальной поддержки?

— Господин директор...

— Или вы боитесь, что нас обгонят?.. Нас обогнали, Зандлер. Обогнали на год, а может, и на два. Вчера, Зандлер, ваш старый приятель доктор Хейнкель добился своего. Его новый истребитель — реактивный истребитель, Зандлер,— продержался в воздухе целых семь минут!

— Вы шутите, господин директор. Этого не может быть!

— Почему же, Зандлер? Не обещал ли Хейнкель подождать, пока вы раскачаетесь?

— Господин директор, я убежден...

---

[1] Флаттер — непроизвольная тряска самолета, которая возникает при скорости, не рассчитанной для данной конструкции машины.

— Ну вот что, Зандлер. Машина, которую испытывает Хейнкель, не вызвала восторга в Берлине. Это просто кузнечик. Прыг-скок. Прыг-скок. Кузнечик, Зандлер. Но это кузнечик с реактивным двигателем. Вот так-то, господин профессор.

— Значит, первое слово уже сказано?

— Это не слово, Зандлер. Это шепот. Его пока никто не расслышал. Хейнкель, как всегда, поторопился. Ему придется свернуть это дело. Заказа он не получит.— Мессершмитт позволил себе усмехнуться.— Мне только что позвонили из Берлина, Иоганн. Нам предлагают форсировать разработку проекта реактивного самолета. Но пока мы не вылезем из пеленок — никаких субсидий! На наш риск. Завтра, Иоганн, вы представите мне вашу — я подчеркиваю: вашу, а не финансового директора,— проектную смету.

— Хорошо, я представлю вам смету.

— Идите, Иоганн. Да, постойте. Вы понимаете, конечно, что до начала летных испытаний о характере проекта не должен знать никто. Я повторяю: никто, кроме инженеров вашего бюро.

— Я полагаю, что господин оберштурмфюрер Зейц по долгу службы...

— Господин Зандлер, что-то я не помню приказа о переводе Зейца в ваше конструкторское бюро.

— Должен ли я понимать это...

— Вы должны торопиться, профессор. За нами гонится История!

— Я свободен? — спросил Зандлер.

— До свидания. Впрочем, а как мы назовем свой самолет?

— Об этом еще рано думать...

— Нет. Мы придумаем ему имя сейчас.— Мессершмитт отмерил несколько крупных шагов.— Придумал! Мы назовем его «Штурмфогель»! «Альбатрос»! «Буревестник»! «Буря-птица»!..

Глядя в спину уходящему Зандлеру, Мессершмитт очень явственно представил себе, как десятки конструкторов из разных стран лихорадочно, наперегонки, разрабатывают идею применения реактивной тяги для самолетов... Десятки конструкторов... И русские в том числе... Русские!

5

31 августа 1939 года Хейнкель приехал в Берлин и пригласил Удета пообедать в ресторане «Хорхер». «По старой дружбе»,— сказал Хейнкель.

Удет не нашел сил отказаться. Он пришел в ресторан возбужденный, запальчивый и пил по-старому, не пьянея. Азартно, громко вспоминал волнующие моменты былых полетов.

Хейнкель вяло поддакивал. Он ждал, когда генерал заговорит о его реактивных истребителях. Но Удет упорно сворачивал с сегодняшнего дня в блистательное прошлое. Обед затягивался.

Уже глубоко за полночь Хейнкель, видя, что генерал начинает повторяться, сказал:

— Генерал, видит бог, как я люблю вас. И любя и зная вас, я не могу понять, чем же не понравились вам мои «сто семьдесят шестой и восьмой»?

— Доктор, вы назвали меня генералом, и я вам отвечу как генерал. То, что ваши «сто семьдесят шестой и восьмой» не умеют летать, неважно: придет время — научатся, верю. Но они не умеют стрелять. И не научатся.

— Дайте срок. Научим и стрелять.— Хейнкель почувствовал, как ярость клубком подкатила к горлу. «Какое чудовищное недомыслие! И этот человек руководит вооружением страны!»

— В это не верю. Но, допустим, они будут стрелять. Когда? В кого?

— Я выпущу их в серию через два года!

— Фантастика, доктор! Я повторяю: нам нужны только те самолеты, которые смогут сегодня принять участие в военных действиях.— Удет с удовольствием следил, как ухоженное лицо Хейнкеля покрывалось пятнами.

— Реактивные истребители изменят весь ход воздушных сражений. С такими самолетами Германия выиграет войну у любого противника.

— Германия выиграет войну у любого противника и без ваших редкостных чудо-истребителей. Но, доктор, не без помощи ваших великолепных бомбардировщиков. Массированный бомбовый удар станет нашим главным козырем в *этой* войне.

— Вы мне льстите, генерал. Но вы недооцениваете быстроты технического прогресса. Вы не верите в конструкторов. Еще неизвестно, какие сюрпризы они преподнесут к началу этой войны.

— Сюрпризов больше не будет, доктор. Разрешите сверить наши часы. На моих — три часа три минуты... Так вот, эта война начнется ровно через двенадцать минут! — Удет торжествующе засмеялся. Наклонившись к Хейнкелю, он прошептал: — Наконец-то поляки напали на нас! Мы вынуждены защищаться! Выпьем за победу в этой войне, доктор!

— Это будет большая война, генерал.

— Быстрая война, доктор!

Глава вторая

АСЫ НАЧИНАЮТ ВОЙНУ

Заканчивалось знойное лето. Приближался первый месяц осени. Во второй половине августа 1939 года к себе в Оберзальцберг Гитлер созвал высших командиров вермахта, люфтваффе и военно-морского флота. Фюрер заявил о своем решении осуществить операцию «Вейсс». Кто-то осторожно намекнул, что нападение на Польшу не подготовлено с дипломатической точки зрения.

— Ерунда! Я дам пропагандистский повод к войне. Победителя не спрашивают, сказал он правду или нет... Важно не право, а победа. Руководители Запада — черви. Я видел их в Мюнхене.— Гитлер обвел всех присутствующих пронзительным взглядом своих серых, с красноватыми прожилками глаз.— Наша сила — в подвижности и жестокости. Чингисхан с полным сознанием и легким сердцем погнал на смерть миллионы детей и женщин. Однако история видит в нем лишь великого основателя государства. Мне безразлично, что говорит обо мне одряхлевшая западная цивилизация. Я отдал приказ — и расстреляю каждого, кто скажет лишь слово критики... Польша будет обезлюжена и населена немцами. А в дальнейшем, господа, с Россией случится то же самое, что я проделаю с Польшей... Итак, вперед на врага! Встречу отпразднуем в Варшаве!

Через девять дней переодетые в польскую форму уголовники во главе с эсэсовцем Отто Скорцени напали на германскую радиостанцию в пограничном немецком городе Глейвице.

1

Поздно вечером капитан Альберт Вайдеман, командир 7-го авиаотряда 4-го воздушного флота люфтваффе, получил секретный пакет. Сонно жмурясь, он вскрыл конверт, минуту сидел молча и вдруг с силой хлопнул ладонью по колену:

— Началось! — Он схватил телефонную трубку: — Всех командиров отрядов, инженеров и пилотов — в штурманскую! Срочно!..

Вайдеман быстро натянул брюки и куртку.

— Друзья! — торжественно начал он, входя в штурманскую комнату и останавливаясь перед застывшими в приветствии летчиками.— Рядом с нами Польша. Завтра утром Германия начинает войну. Первый воздушный флот Кессельринга из Померании и Пруссии и наш, четвертый, совершат массированный налет. Тысяча пятьсот машин поднимутся в воздух. Цель — завоевать господство в воздухе, разгромить все польские аэродромы, атаковать заводы, железнодорожные станции, разогнать кавалерию. Мосты не уничтожать. Они пригодятся нашим танкам. Наша группа действует как штурмовая по направлениям — Ченстохов, Петроков, Радом. Техникам приготовить машины к трем ноль-ноль.

Круто повернувшись, он вышел из штурманской.

Оставалось два часа на отдых. Не раздеваясь, он лег, закрыл глаза. Ровными толчками стучало сердце. Голова работала четко. По освещенному аэродромными огнями потолку скользили тени, как будто это двигались стрелки на приборной доске.

Издалека донесся мелодичный бой. Часы на ратуше Намслау двенадцатью ударами возвестили о начале сентября, первом дне осени, первом дне второй мировой войны...

Без четверти четыре авиагруппа Вайдемана взлетела и развернулась к востоку.

Над самой землей Вайдеман вывел самолет из пике.

Над самой землей Вайдеман вывел самолет из пике.

На ровном ржаном поле валялись трупы лошадей и всадников. Одна лошадь, обезумев от страха, неслась по жнивью, сшибая снопы. У ее копыт, зацепившись ногой за стремя, болтался легионер. Вайдеман полез в высоту. В этот момент он увидел, как навстречу лошади, дымя сизыми выхлопами, мчались танки с белыми крестами на бортах. Танкисты, высунувшись из люков, стреляли по лошади из парабеллумов.

Под Ченстоховом группа обрушилась на польский аэродром. В березовой роще белели цистерны с горючим, а у длинных ангаров и кирпичных мастерских рядами стояли самолеты. Сверху хорошо было видно, как техники стягивали с моторов чехлы; коноводы запрягали лошадей в брички-бензозаправщики; зенитчики, еще не очнувшись от сна, бежали к пулеметам.

Через минуту аэродром скрылся в дыму и огне. Истребители тройками сваливались с неба, стреляя из всех пулеметов. Только одному польскому пилоту удалось добраться до своего самолета и запустить мотор. Он вырвал машину из костра пылающих истребителей и сразу пошел на взлет, на верную смерть — один против шестидесяти.

Аэродром пылал. Горели ангары, горели цистерны, горели самолеты, так и не успевшие взлететь.

Над самой землей проплыли пять трехмоторных «юнкерсов». Флагман развернулся навстречу черному дыму и нацелился на посадку.

«Юнкерсы» садились, тормозя изо всех сил. В конце полосы распахивались дверцы, и на ходу спрыгивали автоматчики, рассыпались цепью, расстреливали тех, кто еще был жив на аэродроме.

Вайдеман повернул свой отряд к Петрокову.

2

Конструктор Иоганн Зандлер даже для немца был великолепным образцом аккуратности. В кабинет он приходил ровно в восемь утра, и за три года работы у Мессершмитта еще не было дня, чтобы он опоздал. Он носил несколько старомодные, чуть ли не кайзеровские усы, но костюмы выбирал вполне современные, как и сорочки и галстуки. Фигурой он походил на длинного и прямого, как шток, англичанина. Не хватало лишь

трубки. Он курил сигареты. Курил одну за другой, жадно и быстро, до головокружения. У себя в кабинете он был предоставлен самому себе. Сюда никто не имел права заходить, кроме оберштурмфюрера[1] Вальтера Зейца, отвечающего за безопасность и секретность всех работ, которые ведутся на испытательном аэродроме в Лехфельде. В этом кабинете Зандлер не склонялся над чертежной доской, не делал расчетов. Здесь он только думал.

Лицо у Зандлера было землисто-серое, под бесцветными глазами — темные, набухшие мешки. Сердце и почки давно требовали лечения. Но Зандлер не находил для этого времени. Он мерил кабинет длинными ногами и курил. Когда уставал, садился в кресло. Когда в горле начинало саднить, он брал из сейфа бутылку крепкого старого пива «Штарбиер», выпивал бокал и снова затягивался сигаретой.

Сегодня он думал о том же, что занимало его вчера и год назад. О самолетах с ракетным и турбореактивным двигателями. Фантазия рисовала ему эти самолеты, один причудливей другого, не похожие на те, что летают сейчас.

Коллега Зандлера — Оберт, первым понявший гениальность открытий Циолковского, калужского учителя физики, не смог их реализовать. После Циолковского появилось много работ. Но все на бумаге, в моделях. Зандлер хотел создать реактивный самолет в металле.

В прошлом Зандлер усматривал горький и роковой парадокс — о могучей движущей силе ракет люди знали гораздо раньше, чем изобрели паровую машину или воздушный шар. Еще за двести пятьдесят лет до нашей эры философ Герон Александрийский проводил опыты над реактивной турбиной. В 1780 году магараджа Майсура применял ракеты против англичан. Английский полковник Вильям Конгрив бомбардировал Булонь и Копенгаген реактивными снарядами. Хайрем Максим, конструктор пулемета и аэроплана с паровой машиной, тоже думал о реактивных двигателях.

---

[1] Оберштурмфюрер — офицерский должностной чин в гитлеровских вооруженных отрядах национал-социалистской партии «Шутстаффель» — СС.

Зандлер вспоминал слова Циолковского о том, что есть вещи и дела, не вовремя рожденные. Но известно, что многие великие начинания воспринимались как несвоевременные и, не находя сочувствия у современников, гасли... Так «несвоевременными» оказались железные дороги. Комиссии известных ученых и специалистов находили их даже вредными и губительными. Пароход сочли игрушкой, и не кто-нибудь, а сам Наполеон.

Зандлер с успехом справился с планером реактивного самолета, применив стреловидное крыло. Но не было надежного двигателя, и это обстоятельство сводило его, Зандлера, труд к бессмыслице.

Иногда Зандлер завидовал Охайну, молодому изобретателю реактивного двигателя «Хес», его стремительной карьере, его упорству, смелым экспериментам, на которые сам он никогда бы не отважился. Но Охайн работал у Хейнкеля... Теперь же начатое Хейнкелем дело ловко перехватил Мессершмитт.

«Кто-то сильно помог господину Мессершмитту,— подумал Зандлер.— С точки зрения интересов рейха, надо бы поддержать Хейнкеля. Ведь он бьется над реактивным самолетом и двигателем четыре года. И, конечно, не подумает продать Мессершмитту документацию своей реактивной машины. Двигатель придется искать другой...»

Телефонный звонок прервал размышления Зандлера.

— Доброе утро, профессор,— раздался в трубке густой, хорошо поставленный голос оберштурмфюрера СС Вальтера Зейца.— Извините за беспокойство. Поздравляю с началом войны. Сегодня на рассвете мы ответили на удар поляков. Повсюду наши войска одерживают победу.

— Хорошо, господин Зейц,— как можно приветливей отозвался Зандлер, стараясь скрыть раздражение.

Оберштурмфюрер Вальтер Зейц был в Лехфельде не только представителем гестапо, но и арбайтсфюрером [1] нацистской партии, и Зандлер, подавляя странную тревогу, пытался относиться к нему как можно предупре-

[1] Арбайтсфюрер — представитель нацистской партии на предприятии, отвечающий за выполнение плана и воспитание рабочих в фашистском духе.

дительней. Но в душе Зандлера Зейц вызывал злость. Арбайтсфюрер умел задавать такие вопросы, над которыми бился сам конструктор. И когда Зандлер ответить не мог, Зейц поджимал губы и снова задавал нечто вроде: «А скажите, профессор, не задумывались ли вы над тем, что скоростной истребитель теряет маневренность?»

Зандлер хорошо знал, что на скорости около тысячи километров в час маневр чрезвычайно затруднителен. Система воздушных тормозов, позволяющая резко убавить скорость, одновременно отнимала мощность у двигателя, лишенного воздушного напора. Это вело к потере высоты, к плохой управляемости — словом, к ухудшению боевых качеств машины. Как помирить маневренность со скоростью, Зандлер еще не знал.

— Я вам не помешал, профессор? — спросил Зейц, появляясь в дверях.

— Нет, господин Зейц. Сегодня по случаю победы можно отдохнуть.

Полнолицый, широкоплечий, голубоглазый оберштурмфюрер был олицетворением того строя, который установился в Германии пять с половиной лет назад. Зейц принадлежал к гвардии СС, элите элит. Заплечных дел мастера формировались из людишек помельче, их не пускали в парадные империи. А такие белокурые, смелые и сильные, без примеси чужеродной крови, ведущие свое начало от древних германцев, составляют цвет нации, гордость империи.

Для Зейца служба заключалась в простом выполнении приказов и инструкций. Это делал он всегда точно, предупредительно и как-то весело. Зандлер завидовал его способности ни о чем не думать, обходить опасные повороты, смотреть на жизнь легко и беззаботно.

Зейц протянул Зандлеру дорогую гаванскую сигару.

— Это наш первый трофей, профессор,— важно проговорил оберштурмфюрер.— На днях моряки захватили польское судно из Гаваны. У бедняг испортилась рация, и они, ничего не зная о войне, спокойно зашли из Атлантики в наш Кильский канал.

— Господин Зейц,— проговорил Зандлер, срывая с сигары золотой ободок,— на днях я был у Мессершмит-

та, и главный конструктор приказал мне форсировать работы над реактивным самолетом.

— Я знаю об этом,— многозначительно ответил Зейц, усаживаясь в кресло.

— Хочу посоветоваться с вами относительно философского обоснования этой работы...

— Да, да,— подбодрил профессора Зейц.

Зандлер достал из стола книжку в синем переплете. На обложке белел крест, воцаренный над пылающей землей.

— Послушайте, что пишет один человек: «Страна, потерявшая господство в воздухе, увидит себя подвергающейся воздушным нападениям без возможности реагировать на них с какой-нибудь степенью эффективности; эти повторные, непрекращающиеся нападения, поражающие страну в наиболее сложные и чувствительные части, несмотря на действие ее сухопутных и морских сил, должны неизбежно привести страну к убеждению, что все бесполезно и всякая надежда погибла. А это убеждение и означает поражение...»

— Кто это написал?

— Итальянский генерал Джулио Дуэ.

— Ну, это еще не авторитет,— протянул Зейц.

— Но послушайте дальше: «Я хочу только сделать упор на одном моменте, а именно на силе морального эффекта... не достаточно ли будет появления одного только неприятельского самолета, чтобы вызвать страшную панику?.. Может быть, это произойдет еще прежде, чем сухопутная армия успеет закончить мобилизацию, а флот — выйти в море».

— Вот это превосходная идея! — воскликнул Зейц.

— Стало быть, я правильно понял, что стремительная скорость нового самолета дает моральный эффект и на первых порах отодвигает проблему маневренности в бою?

Зейц догадался, что профессор ловко обошел его, хотел поспорить, но потом подумал: «В конце концов, стоит ли спорить о цыпленке, если он еще не вылупился из яйца». Вслух Зейц произнес:

— Безусловно, профессор. Вы меня очень заинтересовали, я непременно прочитаю генерала Дуэ,— и, хотя был в штатском, четко, по-военному, повернулся и вышел.

3

28 сентября капитан Коссовски впервые изменил тому железному регламенту, которому подчинялось каждое его движение в утренние часы. Когда он попросил жену принести ему «Фолькишер беобахтер», та в изумлении всплеснула руками:

— Зигфрид, ведь ты еще не брился! Неужели новое назначение так на тебя подействовало?

Но Коссовски не счел необходимым объяснять супруге, чем вызвано это отступление от правил. После трехлетней разлуки он так и не смог вновь привыкнуть к фрау Эльзе как к человеку, с которым следует делиться своими мыслями. Три года в Испании отучили его вообще поверять свои мысли кому бы то ни было. Жена не могла составить исключения. Вот, может быть, сын, когда подрастет... Но сначала нужно воспитать в нем те качества, которые он ценил в себе,— сдержанность, твердость духа, верность раз и навсегда утвержденным принципам.

Он развернул газету и сразу увидел то, что искал,— декрет о создании Главного имперского управления безопасности. Значит, слухи, упорно циркулирующие в салоне Китти, где собирались по вечерам люди, хорошо осведомленные о тайных делах рейха, были справедливы. Гейдрих [1] добился своего. Отныне в его руках почти все рычаги незримого управления рейхом — гестапо, СД, СС, полиция, жандармерия. Теперь уж он доберется и до Канариса [2] — абвер остался единственной тайной силой, неподвластной ему.

Коссовски отложил газету и направился в ванную.

Через час зеленый армейский «оппель» доставил его к массивному серому зданию на Кайзервильгельмштрассе, где располагалось министерство авиации. Вывеска «Форшунгсамт» у пятого подъезда извещала прохожих, что здесь расположилось некое научно-исследовательское управление министерства.

Но мало кто даже из летчиков знал, что под этой

---

[1] Гейдрих — начальник Главного имперского управления безопасности. Убит чешскими патриотами в Праге в 1942 году.

[2] Канарис — руководитель военной разведки и контрразведки гитлеровской Германии — абвера. Повешен после неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 года.

вывеской скрывается служба разведки и контрразведки люфтваффе.

Коссовски поднялся на третий этаж и вошел в приемную своего нового шефа — Эвальда фон Регенбаха. Капитан был бы никудышным разведчиком, если бы, готовясь принять новое назначение, не изучил биографию и характеристику человека, под началом которого ему предстояло служить. Все, что он узнал о Регенбахе, не оставляло места для иллюзий. Коссовски понимал, что придется работать за двоих. Своему посту в «Форшунгсамте» Регенбах был целиком обязан связям. Одна из его аристократических теток была близкой приятельницей рейхсмаршала. Сам Геринг подписал Регенбаху направление на высшие курсы штабных офицеров люфтваффе. До этого Эвальд баловался журналистикой, писал либеральные статейки.

Впрочем, по всем отзывам, нынешний Регенбах, известный среди друзей под именем Эви, был всего лишь избалованным светским бездельником, тяготившимся службой и делившим свое время между театром и ипподромом.

Подтянутый и прямой, с четкими, тонкими чертами лица, будто выточенного из дорогого камня, Эви принадлежал к высшим аристократическим кругам. Его жена блистала на всех дипломатических раутах. Да, капитану Коссовски, сыну безземельного юнкера, нелегко будет найти общий язык с «милым Эви».

Открывая дверь кабинета, Коссовски хорошо представил себе, с какой снисходительной миной встретит его новый шеф.

— Я рад, что вы будете работать у нас,— заметил Регенбах, когда Коссовски, поздоровавшись, сел в предложенное ему кресло.— Нам нужны опытные люди, понюхавшие пороху. Боюсь только, что после испанских приключений вам покажется у нас смертельно скучно. Мы же, в сущности, бюрократическая организация. Пишем разные справки. Шпионов ловят Канарис и Гейдрих, а с нами лишь консультируются...

— К сожалению, следует ожидать, что в условиях военного времени активность вражеской разведки увеличится. Работы хватит и для нас,— заметил Коссовски.

— Ну, эта война ненадолго. С поляками мы уже

расправились, а стоит нажать на французов, как они вместе с Англией запросят мира. Впрочем, прогнозы — не моя стихия. Вечно я попадаю впросак! — засмеялся Регенбах.— Надо ввести вас в курс дела. Мы поручаем вам совершенно новый участок работы. Она даже как-то связана с нашим официальным наименованием.

— Слушаю вас,— проговорил Коссовски.

— Наши блистательные конструкторы изобрели какой-то новый самолетный мотор. Не пойму, в чем там дело, но кажется, он вовсе без пропеллера. Ну, бог с ним. Важно, что мы тут утерли нос всем американским эдисонам. Пригодится ли эта штука на войне, никто не знает. Но так или иначе, в министерстве создали новый секретный отдел. Как же он называется?..— Регенбах порылся в бумагах: — Ага. Отдел реактивных исследований. Ну, а раз есть отдел, да еще сверхсекретный, надо его охранять от вражеской агентуры, для чего и существует на свете капитан... Зигфрид Коссовски. Узнайте, капитан, кто с этим моторным делом связан. Таких, наверное, еще немного. Запросите на них досье. Ну и что еще? Если поймаете шпиона, покажите, пожалуйста, мне. Стыдно сказать, два года в контрразведке — и ни одного живого шпиона в глаза не видел.

Регенбах встал, и Коссовски понял, что аудиенция с начальством, оказавшаяся, как он и предполагал, сплошным балаганом, окончена.

4

После взятия Варшавы Альберт Вайдеман получил отпуск.

Посмотреть бомбардировку польской столицы прилетал сам Гитлер. Эскадры люфтваффе в парадном строю, с журналистами и кинооператорами на борту сыпали на город тысячи фугасных и зажигательных бомб, испепеляя город.

А уже через два дня Вайдеман смотрел хроникальный фильм, который педантично рассказывал о гибели одной из старейших европейских столиц. Кадр, запечатлевший эскадру бомбардировщиков «Хе-111» над пылающей Варшавой, стал рекламным плакатом фирмы «Эрнст Хейнкель АГ».

Командиру седьмого отряда четвертого воздушного флота в Польше делать было нечего.

В купе поезда Варшава — Берлин Вайдеман увидел скучающего фельдфебеля. Тот глядел в окно на опустевшие осенние поля, на промокшие деревушки с остроконечными крышами костелов.

Фельдфебелю было лет тридцать. Вайдеман обратил внимание на его поседевшую голову. «Белый, как пудель»,— подумал Вайдеман, забрасывая чемодан на полку.

Фельдфебель вскочил перед офицером, щелкнул каблуками.

— Эрих Хайдте,— первым представился он, как и положено по уставу.

— Фронтовик? — спросил Вайдеман, польщенный служебным рвением фельдфебеля.

— Стрелок-радист на «дорнье», господин капитан.

— Отвоевались?

— Получил отпуск и медаль в придачу. За геройскую кампанию.

— Сегодня мы все герои. Задавили поляков,— усмехнулся Вайдеман.—Приедем домой в ореоле славы. С окровавленными мечами.— Он пропел несколько тактов из вагнеровского марша: — Трум-бум-бум-бум.

— Наш командир разогнал польский эскадрон, как куропаток. Весь экипаж получил отпуск.

Откровенное хвастовство не понравилось Вайдеману.

— Жена будет рада,— сухо заметил он.

— Бобыль. Осталась только сестра Ютта,— ответил фельдфебель, доставая из внутреннего кармана френча любительский снимок и протягивая его Вайдеману.

Со снимка на Вайдемана пристально смотрела длинноволосая девушка в черном свитере.

— Хороший снимок,— сказал Вайдеман.

— Сам делал. У меня к фотографии пристрастие. Разобьем Англию, куплю себе приличное фотоателье...

Поезд с грохотом помчался через Одер. В купе вошел проводник-немец, сменивший поляка. Проводник выбросил руку в нацистском приветствии и объявил:

— Граница рейха! — И тут же поспешно добавил: — Бывшая граница рейха.

5

Чуть ли не первым человеком, которого Вайдеман увидел на берлинском вокзале, был оберштурмфюрер Вальтер Зейц. С Зейцем свела его судьба еще десять лет назад в Швеции. Оба были горячи, молоды, беспечны. И одиноки. Оба не знали ни родительской опеки, ни родительской любви. В карманах редко звенели кроны, но жизнь после берлинской дороговизны все же казалась сытной и приятной.

Вайдеман работал в сборочной мастерской — филиале завода Юнкерса в Упсале — и готов был подняться в воздух на любом гробу: лишь бы платили. Зейц сидел в конторе— разбирал рекламации, которые иногда поступали из шведского министерства транспорта, и заодно помогал заезжим немцам устраивать разные коммерческие и не совсем коммерческие дела.

Третьим в их холостяцкой компании был Пауль Пихт, пожалуй самый энергичный и пронырливый. Пихт задумывался о карьере, когда Вальтер и Альберт не помышляли ни о чем, кроме девочек. Накопив немного денег, Пихт все их, не моргнув глазом, ловко всунул шеф-инженеру, и тот назначил его главным механиком авиамастерской. А когда в Швецию на гастроли прилетел прославленный Удет, Пихт первым понял, где можно поживиться. Он мыл, чистил и скреб самолет Удета, как свой собственный мотоцикл, а когда в моторе что-то забарахлило и выступления могли сорваться, он двадцать часов копался с двигателем, пока все не отладил. И главное, отказался от платы. Сделал вид, что старался только из любви к лучшему немецкому летчику. И не прогадал. Удет взял его с собой личным механиком.

Зейц и Вайдеман долго еще оставались в Швеции, пока фюрер не бросил клич сынам фатерланда: «Немцы, объединяйтесь!»

Теперь уж повезло Зейцу. Один из его старых клиентов был вхож к Гейдриху. Зейца взяли в училище СС. А Вайдеман попал в летную школу в Дрездене. Оттуда в Испанию в истребительный отряд Мельдерса.

— Ну, а где ты сейчас? — спросил Вайдеман, когда приятели зашли в кафе на привокзальной площади и сели за столик.

— Я работаю у Мессершмитта,— скромно ответил Зейц.— Становлюсь провинциалом.

Ему не хотелось посвящать Альберта в свои дела.

— Женился?

— Один как перст,— притворно вздохнул Зейц.— Видимо, не суждено... А ты?

— Та же история. Гарнизонная жизнь не располагает к устройству семейных очагов. Ты видел Пауля Пихта? — неожиданно спросил Вайдеман.

— Вы же вместе долго воевали в Испании! Я там пробыл совсем немного.

— Да, он молодчага. Схватил крест.

— За что?

— Представляешь, его обстреляли республиканцы, и он вынужден был сесть на их территорию. Он чудом выбрался из кабины. Уже готов был стреляться — не сдаваться же в плен! — как его спас сам Мельдерс. Сел рядом, засунул его в кабину и взлетел перед самым носом республиканцев. Мельдерсу — Рыцарский крест, Пихту — Железный. И что любопытно, Мельдерс потом стал таскать его всюду за собой. И не давал много летать. Вдруг собьют, и нельзя будет похвастаться: «Да-да, это тот самый Пихт, которого я выкрал у республиканцев». Сейчас Пауль, как и раньше, под крылышком Удета. Ходит в адъютантах.

— Хотелось бы увидеть его, отпраздновать Польшу.

Вайдеман простился с Зейцем, вышел из кафе и окинул взглядом площадь: искал такси.

Шагах в двадцати от него в черный лимузин садился тот самый фельдфебель Хайдте, сосед по купе.

Вайдеман кинулся к машине — может, по дороге. Но фельдфебель не заметил его. Лимузин сорвался с места, чуть не обдав Вайдемана фонтаном брызг. Лицо человека за рулем показалось Вайдеману знакомым.

Всю дорогу до отеля он вспоминал, где же видел это холеное лицо, мягкое, упрямое и безразличное. И только входя в вестибюль отеля, Вайдеман понял, что встречался с этим человеком в министерстве авиации. Человек беседовал с ним перед Испанией, когда Вайдеман оформлялся в легион «Кондор». Майор Регенбах, фон Регенбах. Контрразведчик. Значит, предчувствия не обманули его. Вместе с ним в одном купе ехал человек из «Форшунгсамта»...

6

Когда Вайдеман вышел, Зейц заказал еще одну чашку кофе и уставился на аквариум, где резвились золотые рыбки.

— Любуетесь вуалехвостами? Легкомысленные создания. Предпочитаю собак.

Зейц обернулся. К столику, снимая котелок из жесткого фетра, подходил пожилой господин в теплом ворсистом пальто.

— Разрешите?..

На соседний стул старик положил зонт и щелчком подозвал кельнера.

— Яйцо всмятку, пирожное и кофе...— И мягко добавил: — Не торопитесь?

Зейц подтянулся, напряг спину, готовясь вскочить для приветствия, но, увидев штандартенфюрера СС в штатском и поняв, что в данной обстановке шеф не ждет от него громогласного усердия, чуть-чуть приподнялся.

— Сидите, сидите, Зейц. Я нарочно пригласил вас сюда, а не на Альбертпринцштрассе. Будем считать наш разговор всего лишь отеческим поучением. Ведь у вас не было отца, который мог бы своим советом указать верный путь.

— Мой путь указан фюрером,— тихо ответил Зейц.

Собеседник кивнул.

— Но вы уже успели немало накуролесить, Зейц. Боюсь, что мне следовало бы внимательнее изучить некоторые страницы вашего жизнеописания. Ничто не проходит бесследно, Зейц. Ничто.

Зейц молчал.

— Оставим пока прошлое в стороне. Думаю, вы сами при случае расскажете мне все, и подробно. Но я вас не тороплю. Мне нужна ваша преданность сегодня. Услуги, которые потребуются от вас, носят особый характер. Отныне вы будете посылать донесения лично мне. Наша уверенность в секретности работ, которые ведутся в Лехфельде, должна быть абсолютной. Мы стоим на пороге великих открытий в области военной техники. Эти открытия коренным образом могут повлиять на войны, которые придется вести Германии. Но, к

сожалению, мы не вправе доверять даже тем, кто эти открытия делает. Мы не вправе доверять никому, Зейц. Вам ясно?

— Я ручаюсь, что на заводах Мессершмитта нет ни одного еврея и ни одного коммуниста.

— При чем здесь евреи, Зейц?! Этого еще не хватало! Нельзя доверять никому. Вот список лиц, которые меня особенно интересуют. Не спускайте с них глаз. Обо всем мало-мальски особенном немедленно извещайте меня.

Зейц взял список и тут же с недоумением поднял глаза на собеседника:

— Как, сам главный?..

— Разумеется.

Вторым за Мессершмиттом в списке стоял Иоганн Зандлер.

— Надеюсь, вы запомнили всех, Зейц?

Штандартенфюрер забрал список у ошеломленного Зейца и медленным, вялым взглядом обвел кафе.

К столику подбежал пинчер и встал на задние лапы. Улыбнувшись, штандартенфюрер положил на нос собаки кусочек пирожного. Пинчер вскинул голову и поймал пирожное пастью.

— Эта собака — моя любовь,—проговорил Клейн и, увидев молодую женщину в норковой шубке, поклонился: — Добрый день, фрау Регенбах.

Женщина обворожительно улыбнулась:

— Зизи не успокоится, пока вы ее не погладите, доктор.

Она надела на пинчера ошейник и вышла.

— И вот еще о чем я хотел попросить вас, Зейц,— проговорил штандартенфюрер, задумчиво глядя вслед фрау Регенбах.— Поищите себе невесту. Все люди вашего возраста нуждаются в верной подруге. Добрый семьянин нравится толпе. А работать с людьми — большое искусство, Зейц. Вам нужно иметь своих людей среди рабочих, среди техников, летчиков, инженеров. Это разные люди, Зейц. Но все они люди. Не будьте слишком грубым, слишком упрямым, слишком мягким, а главное, слишком умным. Излишек всегда опасен. Грубость раздражает людей. Упрямство — отталкивает. Мягкость вызывает презрение...

Штандартенфюрер Клейн помолчал и неожиданно попросил:

— А теперь, Зейц, расскажите мне о своих друзьях. О своих старых друзьях. О Вайдемане, Коссовски, Пихте...

Глава третья

КРЕЩЕННЫЕ ОГНЕМ

10 января 1940 года возле небольшого бельгийского городка Мешелен у реки Маас совершил вынужденную посадку германский связной самолет «Ме-108». Летевшие на этой машине майоры Хейнманс и Рейнбергер везли с собой документы особой важности — распоряжения по планам вторжения во Францию, Бельгию и Голландию. Незадачливые летчики часть документов уничтожили, но остальные попали в руки бельгийских пограничников и скоро стали известны командованию союзников — Англии и Франции, которые после нападения на Польшу находились в состоянии войны с Германией. Один из документов содержал директиву командующего вторым воздушным флотом генерала Фельми о взаимодействии с соседним третьим флотом и другими подразделениями люфтваффе. Из него явствовало, что направление главного удара по Франции выбрано через Бельгию и Голландию.

В сложившейся обстановке гитлеровское командование было вынуждено перенести сроки нападения. Гитлер, взбешенный потерей документов, отстранил от должности генерала Фельми и заменил его генерал-полковником Кессельрингом, получившим Рыцарский крест за польскую кампанию. Непосредственного виновника утраты секретных оперативных документов майора Рейнбергера заочно приговорили к смертной казни.

Пока генеральный штаб лихорадочно переделывал план нападения на Францию, Гитлер приказал двинуть войска в Данию и Норвегию. К марту фашистские самолеты, вторгаясь в воздушное пространство этих государств, закончили аэрофотосъемку всех важных объектов. Часть сведений добыл опытный шпион, военно-воздушный атташе Германии в Осло капитан Шпиллер. В начале апреля германские войска, поддержанные с

воздуха авиацией, высадились в портах побережья от Осло до Бергена. Малые государства капитулировали. Дания раньше. Норвегия позже. Наступила очередь Франции.

1

Весной авиагруппу Вайдемана перебросили на западную границу. Весна шла дружно. Уже в конце апреля в Голландии наступили на редкость солнечные, теплые дни. Море было тихим. Туманы жались к берегам, скрывая дамбы.

Но в ночь на 8 мая вдруг поползли тучи, пошел мелкий дождь. Он трудолюбиво обмывал и без того чистенькие черепичные крыши, асфальтированные дорожки, поля цветов.

В полночь осоловевшие от безделья голландские пограничные посты были разбужены тяжелым воем самолетов. Пока тормошили спящих телефонистов, пока дежурные офицеры дозванивались до своих начальников, гул прекратился. Самолеты ушли.

Часовые плотнее закутались в дождевики. Разошлись по еще не остывшим постелям зенитчики, успокоились дежурные офицеры.

И тут из низких туч посыпались парашютисты. Они приземлялись на аэродромах Гааги и Роттердама, Дордрехта и Моердьяка, захватывали мосты через Маас, Лек и Ваал, проникали в расположение войсковых частей, артиллерии, бесшумно снимали часовых.

И снова донесся тяжелый, утробный гул самолетов. И снова стих... На захваченные парашютистами аэродромы стали спускаться многоместные десантные планеры.

— Придержи штурвал, Шверин, я включу посадочную фару,— проговорил Вайдеман, который вел одну из этих машин.— Давно не летал на фанерных катафалках.

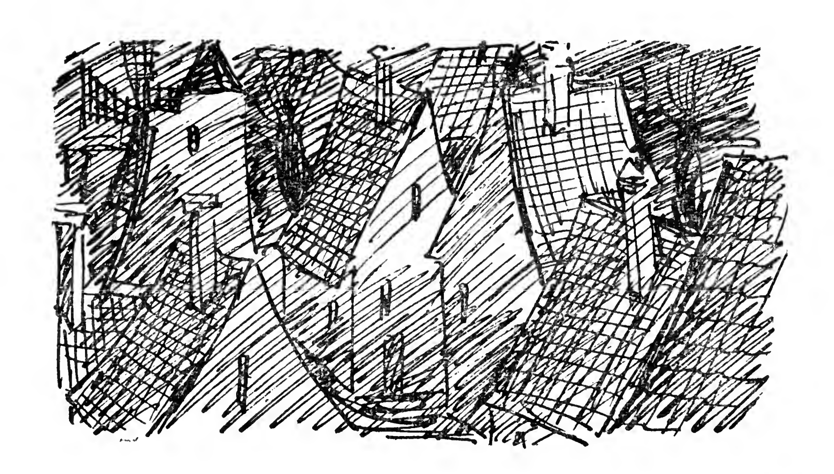
— Включатель слева от триммеров элерона,— сказал Шверин.

— Нашел.— Вайдеман включил фару.

Желтовато-синий свет уперся в стену плотного, непробиваемого тумана. Слева и справа скользили в тучах пучки света других планеров.

— Вот уж сядем им на загривок! — заржал Шверин.

«Разбойник»,— подумал Вайдеман, покосившись на развеселившегося второго пилота.

Он прислушался к тишине. Транспортные «юнкерсы» уже ушли за новым десантом. Были слышны только короткие вскрики на земле, поскрипывание деревянного фюзеляжа да возня Шверина на правом сиденье. Вайдеман открыл форточку и старался отыскать на приближающейся земле посадочную полосу.

Авиагруппа должна была вместе с десантниками захватить аэродром в Маастрихте, где базировались лучшие английские истребители «спитфайры», и перегнать их на германский аэродром под Аахен.

— Лейтенант! — крикнул Вайдеман стоящему в дверях пилотской кабины командиру парашютистов.— Сколько у тебя солдат?

— Сто двадцать.

— А на аэродроме, наверное, не меньше трех тысяч голландцев?

— Не меньше,— усмехнулся лейтенант.

— Они вышвырнут вас, как щенков.

— Пари! Эти кролики разбегутся при первых же выстрелах.

Планер вынырнул из туч. На земле уже горел какой-то дом и освещал широкую равнину. Вайдеман потянул штурвал на себя, стараясь погасить скорость. По днищу планера захлестала мокрая трава, толстые шины колес коснулись земли и сильно заскрипели на твердом, укатанном поле.

Солдаты выпрыгнули из планера и скрылись в темноте. Повсюду белели успевшие намокнуть шелковые полотнища парашютов. Где-то недалеко шла беспорядочная стрельба.

Вайдеман надел стальной шлем, достал из-под сиденья автомат и вышел наружу. Зябко поеживаясь, подошли пилоты и техники других планеров.

— Вот что, ребята,— сказал Вайдеман,— под огонь не лезьте, обойдутся без нас. Важно угнать «спитфайры». Никто не летал на них?

— Откуда же?!

— Учтите, машина капризная. Чуть перетянешь ручку — сваливается в штопор без предупреждения. Взлет обычный, только разбег побольше. Потяжелей. На посадке задирайте нос повыше, а то расшибете лбы.

Из темноты выскочил ефрейтор с окровавленной рукой, засунутой за отворот плаща.

— Аэродром наш! — крикнул он.

Около дороги ждал грузовик. Пилоты набились в кузов, а Вайдеман и Шверин залезли в кабину. Вдали шел бой. Пунктирными линиями прорезали темноту трассирующие пули автоматов. Гулко толкали воздух взрывы гранат. Иногда взлетали белые ракеты и меркли, запутавшись в кромке низких туч. Несколько раненых сидели у дороги, перевязывали друг друга индивидуальными пакетами.

— Эй! — крикнул один из них.

Шофер затормозил.

— Поторапливайтесь! Голландцы очухались и нажимают на аэродром!

Минут через десять грузовик подкатил к накрытым брезентом истребителям. Пилоты помогли техникам расчехлить моторы.

— Дьяволы! — выругался Шверин.— Они слили бензин.

Пока разыскивали бензозаправщик, бой приблизился к самой границе аэродрома. Тогда отряд парашютистов проник в тыл голландским войскам и открыл стрельбу. Голландцы отступили.

Летчики спокойно вытянули на полосу неуклюжие «спитфайры», запустили моторы и взлетели, взяв курс на восток.

В кабине Вайдеман ощутил чужой, резкий запах ацетона. Некоторое время он дышал ртом. На приборной доске система обозначений была английской, и пришлось мысленно переводить ее в метрическую. Самолет набрал скорость, и Вайдеман, пробив облачность, даже зажмурился от света, который сразу залил всю кабину. На востоке уже рассвело, и вот-вот собиралось показаться солнце. Внизу колыхались желтоватые облака. «Спитфайры» выскакивали из них, качаясь с крыла на крыло.

2

В ночь на 10 мая 1940 года у самолетов 51-й бомбардировочной эскадры были закрашены опознавательные знаки люфтваффе. Летчики этой эскадры отличались особым усердием, но даже им не сообщили о цели полета и маршруте. Они вышли из своих казарм в

абсолютной темноте, надели парашюты, заняли места в кабинах и по радио доложили о готовности на флагманский корабль командиру эскадры полковнику Йозефу Каммхуберу [1].

— Превосходно, друзья! — бодро проговорил Каммхубер.— Держитесь ко мне тесней. Не рассыпайтесь. Навигационных огней не зажигать. Бомбить по моей команде. Я скажу одно слово: «Этуаль». По-французски это «звезда». Через пять минут полета поворачиваем обратно.

Взревели моторы. Прожекторы на мгновение осветили взлетную полосу. Самолеты, тяжело груженные бомбами, оторвались от земли. Штурманы догадались, что они летят к границе Франции. На картах они привычно чертили курс, вели счисление по времени и скорости полета, передавали летчикам записки с поправками.

И вот в тишину эфира ворвался веселый голос Каммхубера:

— Этуаль!

Руки привычно легли на рычаги бомболюков. Самолеты подбросило вверх — так бывает всегда, когда они освобождаются от груза бомб.

Бомбы со свистом понеслись вниз и врезались в крыши спящих домов.

Так погиб немецкий город Фрейбург. Пропагандистский повод к нападению на Францию был обеспечен. Геббельс объявил о злодейском нападении противника на мирный германский город.

В пять часов тридцать минут того же дня танковая группа Клейста ринулась через Люксембург и Арденны на Седан и Амьен к Ла-Маншу. Группа армии фон Бока вторглась в Голландию и Бельгию, отвлекая на себя основные силы французов. Группа армии фон Лееба ударила по линии Мажино.

Через семь дней премьер-министр Франции маршал Петен запросил перемирия. Оно было подписано в том же самом Компьенском лесу в специально привезен-

---

[1] Впоследствии Каммхубер командовал дивизией ночных бомбардировщиков, затем пятым воздушным флотом на северном участке советско-германского фронта. После войны он стал инспектором военно-воздушных сил ФРГ, одним из первых генералов бундесвера.

ном сюда по распоряжению Гитлера салон-вагоне маршала Фоша, в котором совершалась церемония подписания перемирия в 1918 году.

...Веяло теплом. С аэродрома в Ле-Бурже Пауль Пихт, прилетевший с генералом Удетом на парад по случаю победы над Францией, сразу же поехал в центр Парижа. Он оставил машину на набережной Сены, неподалеку от Эйфелевой башни. В Париже он был всего один раз, вскоре после войны в Испании. Но он так много знал об этом городе, что все казалось давно знакомым — и бесчисленные кафе, где беспечные и шумные французы проводили время за чашкой кофе или бутылкой дешевого кислого вина, и каштаны, посаженные вдоль широких тротуаров, и запах миндаля, и заводик великого авиатора Блерио на берегу Сены, и громадное подземелье Пантеона, освещенное голубым светом, с могилами Вольтера и Руссо, Робеспьера и Жореса, и собор Парижской богоматери с химерами, которые зло и печально смотрели с высоты на плотно текущую толпу.

Пихт всмотрелся в мелькающие лица. Нет, парижане остались парижанами. Война как будто прошла мимо них. Он вступил на подъемник Эйфелевой башни и приказал служителю поднять его наверх. Когда он сошел с лифта на балкон, то услышал вой высотных ветров. Парижское небо словно сердилось на чужаков из воинственной северной страны. Башня раскачивалась. Город и далекие окраины казались зыбкими, неустойчивыми, как и пол, исшарканный миллионами ног.

На верхний балкон башни поднялась группа офицеров. Среди них Пихт увидел Коссовски и начальника отдела «Форшунгсамта» Эвальда фон Регенбаха.

— А где же ваш всемогущий шеф? — пожимая руку Пихта, проговорил Регенбах.

— Он уехал с Мильхом в штаб-квартиру фюрера.

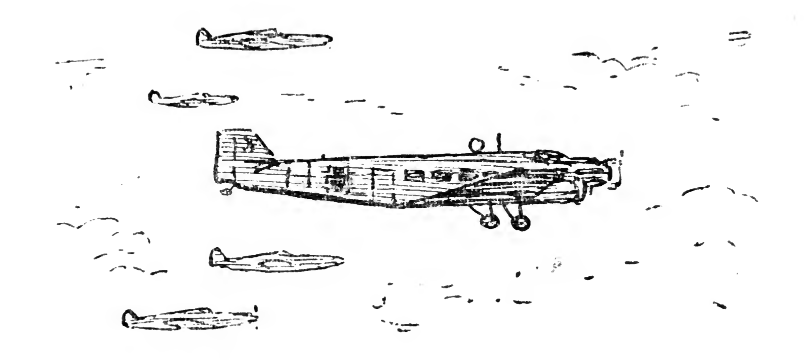
— Разве фюрер уже в Париже?

— Нет, но его ждут с часу на час.

— Кстати, Пауль,— вмешался Коссовски,— ты не видел Вайдемана? Он тоже будет на параде. И Зейц.

— Вот уж действительно собираются старые друзья,— улыбнулся Пихт.

— Ты где остановился?

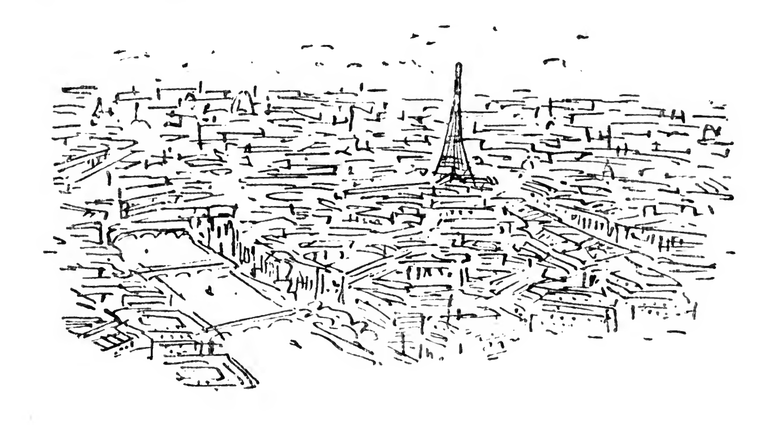
— В «Тюдоре». Там отвели генерал-директору апартаменты.

— Вот как! — воскликнул Коссовски.— Мы тоже там остановились. И Вайдеман, и Зейц...

В небе послышался гул моторов. Над Парижем в сопровождении «мессершмиттов» пролетел трехмоторный «юнкерс». Он заложил вираж, сделал круг, словно накинув петлю на шумный и беспечный город. Это летел Гитлер.

— Скажите, Коссовски, что вы думаете об Удете и его окружении? — спросил Регенбах, когда Пихт, простившись, спустился вниз.— Кажется, генерал много пьет и заметно поглупел.

— При всей прямоте, даже пьяный, Удет не скажет и не сделает ничего компрометирующего. Он абсолютно лоялен.

— Может быть, может быть, капитан. Но меня интересует не генерал, а его умный адъютант. Вы, я заметил, лично знакомы с Пихтом? Расскажите мне о нем. Давно хотел порыться в картотеке, но сейчас решил, что ваш проницательный ум, Коссовски, откроет мне больше любых характеристик. Вы друзья?

— Мы встречались в Испании. Там Пихт воевал вместе с известными вам Мельдерсом и Вайдеманом. Там и удостоен Железного креста.

— Храбро воевал?

— Не видел. Я ведь в боях не участвовал. А по их словам, они все орлы. Как вы заметили, Пихт исключительно приятный в общении человек. С теми, кто ему полезен. С посторонними и подчиненными он резок, даже, пожалуй, нагл. Впрочем, наглость импонирует некоторым политикам, как развязность — дамам.

— Женат?

— Холост.

— Родители живы?

— Воспитанник сиротского дома в Бремене. Его родители погибли на пароходе «Витторио» в двадцать восьмом.

— Вы интересовались списками пассажиров?

— Конечно. Среди пассажиров были Якоб и Элеонора Пихты.

— С Удетом он познакомился в Испании?

— Нет. В Стокгольме, когда Удет был на гастролях в Швеции. Удет взял Пихта к себе механиком, ввел в клуб Лилиенталя и научил летать.

— Он хороший летчик?

— Его хвалил Вайдеман.

Регенбах рассмеялся:

— Лоялен?

— Безусловно. Партии обязан своей карьерой. И характер у него истинного наци. Ницшеанский тип, если хотите. Обожает фюрера и поклоняется ему. На мой взгляд, искренне. А почему бы нет?

Регенбах не ответил. Он задумчиво разглядывал Париж. Вдруг он снова повернулся к Коссовски:

— Вы знаете о том, Зигфрид, как ловко Пихт топит Хейнкеля? Хейнкеля не любит Гиммлер.

— Почему топит?

— Подслушанный мною разговор...

— Вы считаете, Пихт работает на гестапо?

— Я спрашиваю вас.

— Ну что ж, коль скоро он не работает на нас, должен же он на кого-то работать. Ведь кто-то приставил его к Удету.

— Вы мудры, Зигфрид. Но ведь мог бы он работать и на нас. Не правда ли? Как часто вы с ним встречаетесь?

— У нас мало общих знакомых,— ответил Коссовски.

— Напрасно. Таких людей не следует выпускать из поля зрения.

Коссовски вспомнил, как совсем зеленым предстал перед ним Пихт в Испании. Нечто вроде близости даже возникло потом. Но после случая с полковником Штейнертом — связным адмирала Канариса — дружба как-то расклеилась. «Штейнерт, Штейнерт, царство тебе небесное...»

3

Пихт увидел Вайдемана на параде в честь победы над Францией. Вечером они договорились встретиться в «Карусели». В этом фешенебельном ресторане немецкие офицеры чувствовали себя довольно уютно. Чужих туда не пускали. Скандалов не было. Вайдеман уже неделю жил Парижем, и в «Карусели» его знали все, и он знал всех.

И Вайдеман и Пихт обрадовались встрече. В последние месяцы (что не месяц, то новая война!) им было не до переписки. На письмо Пихта, полученное в Голландии, Вайдеман так и не собрался ответить.

— Что-то тогда стряслось, Пауль. Какая-то малоприятная история.— На лбу Вайдемана собрались рядами морщины.

Ширококостный, чуть косолапый, с толстой багровой шеей и опущенной головой, отчего создавалось впечатление, будто он собирается боднуть собеседника, Вайдеман походил на молодого быка, еще не достигшего зрелости. Пихт за годы, проведенные в Швеции и Испании, хорошо изучил его достоинства и недостатки. Он знал, что Альберт был лукав, но справедлив; силен, но мягок; вспыльчив, но отходчив. В свои двадцать

шесть лет он довольно легко добился приличного чина. Начальство знало его как энергичного офицера, подчиненные уважали за то, что Вайдеман мог кричать, бить кулаками по столу, сажать на гауптвахту, но стоило кому-либо из вышестоящих командиров высказать неудовольствие его подчиненными, как Альберт горой становился на их защиту. Об авиагруппе, которой он командовал после Польши и Голландии, прочно укрепилось мнение, как о самой отчаянной, готовой на все.

— Черт возьми, действительно я забыл, что тогда стряслось! — хлопнул себя по лбу Вайдеман.

— Да брось ты вспоминать! Не все ли равно?! Ну, закрутился с какой-нибудь прекрасной цветочницей. Выпьем, Альберт, за тюльпаны Голландии! За желтые тюльпаны Голландии! — Пихт уже был заметно навеселе.

— Нет, Пауль, подожди. Я вспомнил! Это были не тюльпаны. Красные маки. Целое поле красных маков. И оттуда стреляли.

— Война,— лаконично заметил Пихт.

— Нет, не война, Пауль. На войне стреляют люди. А стреляли не люди. Красные маки. Там больше никого не было. Мы прочесали все поле, Пауль. Стреляли красные маки!

— Выпьем за красные маки!

— Подожди, Пауль. Они ранили генерала Штудента. В голову. Он чудом остался жив. И я чудом остался жив. Я стоял от него на шаг сзади. Клемп стоял дальше, и его убили.

— Выпьем за Клемпа! Зря убили Клемпа! Дурак он был, твой Клемп. Ему бы жить и жить.

— Пауль, ты знаешь меня. Я не боюсь смерти. Я ее навидался. Но я не хочу такой смерти. Пуля неизвестно от кого. Чужая пуля. Не в меня посланная. Может, я просто устал, Пауль? Третья кампания за год.— Вайдеман слегка наклонился к Пихту, стараясь поймать выражение его светлых глаз, но тот смотрел на сцену, на кривляющегося перед микрофоном известного шансонье.

Подергивая тощими ногами, тот пел по-французски немецкую солдатскую песню:

— «Мир сед, мир дряхл, раскроим всем черепа. Шагай бодрей, Рахт, девчонки ждут тебя...»

— Слушай, Пауль.— Вайдеман понизил голос.— Зейц теперь служит у Мессершмитта?

— Именно. Но не у Мессершмитта. У Гиммлера. Он отвечает за секретность работ. А на черта тебе сдался Зейц?

— Не кажется ли тебе, что я прирожденный летчик-испытатель?

Пихт отвернулся от сцены, заинтересованно поглядел на Вайдемана:

— Ай, Альберт, какой позор! Тебе захотелось в тыл. Поздравляю!

— Да ты что, Пауль! — вспылил Вайдеман.

— Я пошутил, полигон тоже не сахар, и хорошие летчики там нужны... Но Зейц тебе не поможет. Мессершмитт его не очень жалует.

— Значит, пустое дело?

— С Зейцем пустое. Но почему бы тебе не попросить об этой маленькой услуге своего старого друга Пихта? Пихт не такая уж пешка в Берлине.

— Пауль!

— Заказывай шампанское и считай, что с фронтом покончено. Завтра я познакомлю тебя с Удетом, и пиши рапорт о переводе. Я сам отвезу тебя в Аугсбург. Только допьем сначала, старый дезертир!

Вайдемана передернуло:

— Если ты считаешь...

— Брось сердиться, Альберт. Я же сам стал тыловой крысой. И если тебя тянет в Германию, то меня порой тянет на фронт. Хочется дела, Альберт. Настоящего дела! — Пихт встал, его заносило.— Выпьем за настоящее дело! За настоящую войну, черт возьми!

Когда Пихт сел, Вайдеман снова потянулся к нему:

— Пауль, а тогда, в последние дни Испании, ты знал, что Зейц работает на гестапо?

— И в мыслях не держал.

— Вот и я тоже.

— Только однажды,— пьяно ворочая языком, проговорил Пихт,— произошла одна штука. Но тебя, к счастью, она не коснулась. Ты был на другом аэродроме. Она коснулась Зейца, меня и Коссовски...

— А вот кстати и они,— сказал Вайдеман, пытаясь подняться навстречу Зейцу и Коссовски.

Высокий и худой Коссовски был в форме офицера люфтваффе, Зейц — в штатском.

— Чудесный ресторанчик,— рассмеялся Зейц, наливая рюмки.— И прекрасно, что сюда не шляются французы.

— Хорошо бы нам остановиться на Франции,— задумчиво проговорил Коссовски, рассматривая на свет игристое вино.— Нас, немцев, всегда заводит хмель побед так же далеко, как это шампанское.

— Нет, фюрер не остановится на полпути! — ударил кулаком Зейц.

— Значит, «Идем войной на Англию, скачем на Восток»,— напомнил Коссовски нацистскую песенку и осушил бокал.

— Сила через радость — так думает фюрер, так думаем мы.— Зейц поднял бокал.

— Я вспомнил оду в честь Вестфальского мира,— не обращая внимания на Зейца, продолжал Коссовски.— Пауль Гергардт написал о наших воинственных предках и господе боге вскоре после Тридцатилетней войны, кажется, так:

Он пощадил неправых,
От кары грешных спас:
Ведь хмель побед кровавых
Доныне бродит в нас...

Вдруг внимание Коссовски привлек невысокий молодой человек с иссиня-черными волосами. Высоко над головой он держал поднос и быстро шел через зал, направляясь к их столику. В этом углу за колоннами сидели только они — Коссовски, Пихт, Зейц и Вайдеман, но обслуживал их другой официант.

Гарсон, пританцовывая, пел себе под нос какую-то песенку. «Очень невесело в Дижоне»,— кажется, эти слова различил Коссовски.

— Простите, господа,— изогнулся в поклоне официант.— Директор просит вас принять в подарок это вино. Из Дижона. Мы получили его в марте, а вы пришли в мае, и, кроме вас, никто не оценит его божественного букета.

Коссовски взял бутылку из старого толстого стекла. На пробке еще остались следы плесени — плесени 1910 года, года его первой любви. Прочитал этикетку.

— Да, это вино выдержано в Дижоне,— сказал он и передал бутылку Пихту.

Тот посмотрел бутылку на свет. Вино было темно-бордовым, почти черным.

— Тридцатилетней выдержки, господа!

— Передайте директору нашу благодарность,— проговорил Пихт и сердито начал разливать вино по рюмкам.

4

Утром в отеле «Тюдор» он поймал себя на том, что думает по-русски. В первую минуту это огорчило его. Никаких уступок памяти,— так можно провалиться на пустяке! Но чем меньше оставалось времени до назначенного часа, тем слабее он сопротивлялся волне нахлынувших воспоминаний, далеких тревог и забот.

Машинально он завязал галстук, одернул новенький пиджак.

«Как же скверно вчера сработал Виктор с этой дарственной бутылкой вина!.. Он мог бы найти менее рискованный путь предупредить меня... Или уже не мог? Он боялся, что я пойду на первую явку и провалюсь... «Очень невесело в Дижоне». «Очень невесело в Дижоне» ...Хорош бы я был...»

Никогда еще нервы его не были так возбуждены, мысли так непокорны, движения безотчетны.

«Хорошеньким же птенцом я окажусь... Взять себя в руки! Взять! Я приказываю!»

Глядя на себя в зеркало, он пытался погасить в глазах тревогу.

— А штатское вам идет,— сказала, кокетливо улыбаясь, горничная.

«Врет, дура, врет».

Он механически коснулся ее круглого подбородка.

— Штатское мне не идет. А идут серебряные погоны. Откуда ты знаешь немецкий?

— Я немка и здесь исполняю свой долг.

Он отвернулся, снова уставился в зеркало, чтобы увериться в своем нынешнем облике, чтобы отвязаться от назойливой мысли, что вот сейчас он выйдет, бесповоротно выйдет из роли.

«Пятая колонна, проклятая пятая колонна...»

— Жених на родине?

— Убили его партизаны в Норвегии. Перед смертью он прислал открытку. Вот поглядите.— Горничная из-под фартука достала чуть смятую картонную карточку, изображавшую королевский дворец в Осло — приземистый замок из старого красного кирпича и посеребренные краской сосны.

Почему-то эта фотография помогла ему взять себя в руки.

— Не горюй, женихов на фронте много. Всех не убьют. Париж взяли, скоро войне конец.

— Не надо меня утешать. Я-то знаю, война только начинается. Скоро мы, немцы, пойдем на Восток!

— Ух, какая ты воинственная! — сказал он и направился к двери.

Он взял такси и попросил отвезти себя в Версаль. Но на полдороге вышел у ювелирного магазина, долго стоял у прилавка, любуясь камнями и колеблясь в выборе. Выбрал наконец камею на розоватом сердолике.

— Одобряю выбор, мосье. У вас хороший вкус. Невеста будет довольна,— затараторил чернявый бижутьер.

«Почему невеста? Почему не жена?» — удивился он галантной проницательности продавца.

Он сказал шоферу, что раздумал смотреть Версаль и хочет вернуться в Париж.

Через час он стоял перед домом на бульваре Мадлен. Здесь была вторая явка. Последняя. Он еще раз прошелся по бульвару, терпеливо оценивая прохожих, и вошел в подъезд.

Третий этаж. Бесшумно открывается дверь.

— Господин де Сьерра!

«Зяблов, это же Зяблов! Живой, всамделишный Зяблов!»

— Прошу вас.— Господин де Сьерра подвел гостя к двери в другую комнату и тихо, но ощутимо сжал его плечо...

— Ну, здравствуй, Март, рад видеть тебя живым,— проговорил де Сьерра, когда они вошли.

— Здравствуйте, Директор,— сказал он по-русски и подумал, что эта небольшая передышка, пожалуй, окажется экзаменом более строгим и жестоким, чем

все перенесенные испытания. И вовсе не важно, что Зяблов — учитель по спецшколе и командир — зовется сейчас Директором, а он, Мартынов — Мартом. Он не слышал родного языка много лет, он не видел родного лица много лет и не получал из дома писем много лет. А это слишком тяжело...

— Вам известно, как Виктор предупредил меня в «Карусели»? — спросил Март.

— Да. Но другая явка провалена, и Виктору пришлось рисковать...

— Вы знаете, что война идет к нашим границам?

— Спокойно, Март,— проговорил Зяблов.— Слушай меня внимательно, времени у нас мало... Итак, будем считать, что первая часть задания выполнена тобой образцово. Крыша у тебя надежная. О твоем отчете по Испании в Центре знают. Твои сообщения о новых видах оружия нельзя недооценивать. Все, что тебе удастся узнать в этом плане, держи особо. Но никакого риска. Всякая мало-мальски рискованная операция сейчас, когда с Германией заключен пакт о ненападении, абсолютно исключается.

— Да ведь фашисты теперь бросятся на нас!

— Хочешь знать мое личное мнение — слушай. Да, война приближается к нашим границам. Близится решающая схватка. Кроме нас, шею Гитлеру никто не свернет. Это нам обоим ясно. И не только нам. А значит? Мы должны находиться в состоянии полной боевой готовности. И поэтому не имеем права рисковать ни одним человеком! Во время войны он будет во сто раз полезнее.

— Нас мало.

— Этого ты не знаешь. А может, и я не знаю. Но не забывай: за коммунистов голосовало пять миллионов немцев. Это враги нацизма. Это твои союзники, твоя опора. Когда наступит время, они придут тебе на помощь. Но пока работай в одном канале — люфтваффе. Новые самолеты, новые моторы, новое вооружение. Сконцентрируйся на Аугсбурге, наиболее перспективном центре авиастроения. Мы подберем там тебе помощника. Когда начнется война, выйдешь на связь с Перро. Но только один раз. Ты встретишься с ним в Тиргартене на третий день войны, на пятой аллее слева от центрального входа в семь вечера. Имей при се-

бе свежий номер «Франкфуртер цайтунг». В разговоре упомянешь дядюшку Клауса. Но сначала спросишь: «Можно разделить компанию?» Перро пожмет плечами и ответит: «Ну, если вас тяготит одиночество»... У Перро будет программа берлинского ипподрома. Подчеркнута третья лошадь в четвертом заезде. В письме Директора, написанном тайнописью, найдешь инструкции. Получишь также пакет с кодом, частотами и расписанием сеансов. Остальное — по обстановке. Действуй самостоятельно. Перро — надежный человек. Он ненавидит фашистов, как и мы. Место, где будет спрятан передатчик, знает Перро. Ясно?

— Да.

— Хорошо, Март.— Зяблов встал.— Командирован ты, считай, до дня победы. Дату поставишь сам. Верю — увидимся. Самый никудышный разведчик — мертвый разведчик. Ты нам нужен живой.

— Вы считаете меня школьником...

— Обязан сказать. Ну, хватит. Вот тебе письмо от ребят. Спокойно! Мешать не буду, вернусь через час. И, не обижайся, сам ничего не сжигай, я уж за тебя покочегарю...

Когда Март снова появился на улице, солнце садилось. Весь вечер он бродил по городу. «Бош! Бош! Бош! Победитель в стране поверженных».

В темно-синем безоблачном небе по гирляндам опознавательных огней угадывалась Эйфелева башня. Париж бесстрастно отдавал победителям свои огни, свои запахи, свою неповторимость. Под Триумфальной аркой, не затухая, плескался скорбный огонь на могиле Неизвестного солдата. И рядом на карауле, ноги врозь, под сверкающей каской — неживое лицо, стоял, сторожа его, пленного, коричнево-рыжий в рекламном зареве солдат фатерланда.

Площадь Звезды... Расходятся, разбегаются асфальтовые лучи... И один луч, пересекая Германию, пересекая всю Европу, тянется к России, к Москве, на Красную площадь.

Март пошел на восток по бульвару Гюисманса. Пошел навстречу своим, ожидая их, воюя рядом с ними. Так, навстречу своим, он будет идти всю войну...

Глава четвертая

ПРЕКРАСНАЯ ЭРИКА И РЮБЕЦАЛЬ

Осенью 1940 и зимой 1941 годов в войне наступило затишье. Солдаты вермахта и люфтваффе отдыхали. Ремонтировались танки, самолеты и пушки. Только генералы не знали покоя. Они разрабатывали новые планы. Один из них носил название «Морской лев» («Зеелеве»). В нем предусматривался захват Британских островов.

Уже печатались на немецком и английском языках распоряжения будущей оккупационной армии, планировалось строительство концентрационных лагерей.

Создавалось даже специальное десантное соединение под командованием гауптштурмфюрера СС Отто Бегуса. Оно должно было захватить Букингемский дворец и пленить королевскую семью. Вместо арестованного Георга VI Гитлер собирался посадить на престол своего кандидата — герцога Виндзорского.

Некоторые политические деятели Англии уже собирались эвакуироваться в Канаду.

Но Гитлер и его штаб задумались о дне Икс. Разгром Великобритании, предполагал Гитлер, скорее будет на руку США и Японии, которые растащат империю Альбиона по кускам, пока Германия будет воевать в Европе. Своими раздумьями Гитлер как-то поделился с Муссолини: «Мы в положении человека, у которого в винтовке один патрон».

Этот патрон он предназначил Советскому Союзу.

1

По утрам оберштурмфюрер Вальтер Зейц настраивал себя на такие мысли и поступки, которые были присущи только должностному лицу. Даже поиски невесты он рассматривал как сугубо служебное дело.

Рабочий день его начинался кропотливым разбором почты. Самому Зейцу мало кто писал: родных не осталось, берлинские приятели не вспоминали о нем... Мешок писем и бандеролей приносил ежедневно одноглазый солдат из военной цензуры. Осуществляя негласный надзор за душами служащих Мессершмитта,

Зейц был в курсе многих глубоко интимных дел жителей Лехфельда. По утрам он подыскивал себе невесту. Просмотр корреспонденции лехфельдских девиц заметно сузил круг претенденток. Все чаще его внимание задерживалось на письмах Эрики Зандлер.

Дочь профессора вела исключительно деловую переписку: обменивалась опытом с активистками Объединения немецких женщин. Среди ее корреспонденток была сама фрау Шольц-Клинк, первая женщина Новой Германии. Из писем явствовало, что фрейлейн Эрика готовит себя в образцовые подруги истинного рыцаря третьего рейха.

Личные наблюдения еще более расположили Зейца к Эрике. Будущая невеста была пышна, строга, выдержана в лучших эталонах арийской красоты.

Зейц уже предпринял ряд шагов к сближению с прекрасной Эрикой. Он буквально вынудил профессора пригласить его к себе в дом, зная, что Зандлер испытывал перед гестаповцем непоборимую робость. Зейц не помнил случая, чтобы его ученый коллега хоть раз осмелился взглянуть ему в глаза. Он снова и снова возвращался к профессорскому досье. Нет, у Зандлера не было абсолютно никаких причин тревожиться за свое прошлое. У него даже были заслуги перед фюрером: он был одним из первых конструкторов Мессершмитта, вступивших в нацистскую партию. Его партийный формуляр отличался исключительной аккуратностью, свидетельствовал о безупречном выполнении всех партийных распоряжений.

«Поведение на службе и вне службы — корректен, безупречен.

Денежные дела — долгов не имеет.

Личные качества — мало активен, выдержан, целеустремлен.

Душевная бодрость — выражена слабо.

Мировоззрение — здоровое».

И так далее.

Никого, кроме сослуживцев, профессор не принимал, ни с кем не переписывался... Что это? Страх? Антипатия? Глубокое подполье? Нет, для подпольщика он трусоват. Во всяком случае, Зейц был уверен, что стоит как следует нажать на профессора, и он расползется студнем...

К сожалению, Зандлер и дома оставался таким же бесхребетным существом. Отцовская власть не отличалась деспотизмом. Главе семьи разрешалось обожать свою Эрику. Не больше. Дочь с пятнадцати лет росла без матери и если кому доверялась, то разве что секретарше Ютте, девице, на взгляд Зейца, малопривлекательной, к тому же излишне острой на язык. Своенравная Эрика возвела Ютту в сан домашней подруги и наперсницы. Эта «кукольная демократия» особенно злила Зейца, когда перед посещением дома Зандлера он покупал в кондитерской не одну, а две коробки конфет. Но что делать! Претендент на руку прекрасной Эрики должен покорить сразу два сердца.

Машинально сортируя конверты, Зейц думал о том, что стоило бы сегодня вечером намекнуть Ютте на солидное вознаграждение в случае удачного сватовства. Неплохо бы и припугнуть девчонку. Кстати, при умелой обработке можно было бы использовать ее и для слежки за домом Зандлера. Мало ли что... Уж больно пуглив этот профессор. Из его бюро давненько не поступало заявок на обеспечение секретности испытаний. Чем они только там занимаются?

Какую чепуху пишут люди друг другу! Находят время на всякий вздор. Натренированный глаз Зейца, равнодушно прочитывающий письмо за письмом, вдруг зацепился за нужный адрес. Фрейлейн Ютте Хайдте пишут из Берлина. Любопытно!

Ну конечно, тетя! Кто же еще? Отчего бы бедной девушке не иметь в Берлине такую же бедную тетю? Тетя Хайдте обеспокоена здоровьем своей крошки и просит ее не забыть день памяти бедного дядюшки Клауса, который очень ее любил и всегда читал ей сказки о Рюбецале, гордом и справедливом духе. Маленькая Ютта, оказывается, горько плакала, слушая эту сентиментальную размазню! Рюбецаль! Уж сегодня из фрейлейн Ютты слезы не выжмешь. Разве что ему самому взяться за это дело? Рюбецаль, Рюбецаль!.. Надо будет заняться племянницей. Рюбецаль! Лезет же в голову всякая дрянь!..

Зазвонил телефон. Говорил секретарь Мессершмитта. Шеф приглашал к себе. Зейц подобрался. Подобные приглашения случались не часто. За полтора года службы Зейц так и не уяснил себе истинного отноше-

ния к нему шефа. Мессершмитт всегда принимал и выслушивал его с исключительно серьезным, деловым видом. Ни проблеска улыбки. Эта-то серьезность по отношению к довольно мелким делам, о которых был вынужден докладывать Зейц, и заставляла его подозревать, что шеф просто издевается над ним, по-своему мстит за то, что не может ни уволить его, ни заменить, ни тем более ликвидировать его должность. Между тем за полтора года Зейцу так и не представилось случая доказать свое рвение. В тщательно отлаженном механизме фирмы он казался ненужным колесом. Всех недругов, как явных, так и тайных, Мессершмитт выгнал задолго до появления Зейца в Лехфельде. Случаев саботажа и диверсий не было. За политическим настроением служащих следил, опять же помимо Зейца, специальный контингент тайных доносчиков. Взять контроль над ними Зейцу не удалось, и он начал исподволь плести свою сеть осведомителей. Из Берлина штандартенфюрер Клейн регулярно высылал выплатную ведомость на агентуру. И хотя Зейц давно привык считать особый фонд своей добавочной рентой, список завербованных на случай ревизии должен быть наготове. Каждый раз, перед тем как идти к шефу, Зейц на всякий случай пробегал список глазами. Кадры надо знать.

В кабинете Мессершмитта Зейц неожиданно увидел старых знакомых — Пауля Пихта и Альберта Вайдемана.

Мессершмитт всем корпусом повернулся навстречу Зейцу. Как видно, он только что закончил демонстрацию своей победоносной панорамы.

— Господин Зейц, насколько я понимаю, нет необходимости знакомить вас с нашим новым служащим капитаном Вайдеманом. Я полагаю, вы знакомы и с лейтенантом Пихтом, который, увы, никак не соглашается отказаться от берлинской суеты ради наших мирных сельских красот. Я попрошу вас, оберштурмфюрер, взять на себя, неофициально конечно, опеку над своими друзьями. Господину капитану не терпится взглянуть на нашу площадку в Лехфельде. Господин лейтенант также выражает желание совершить загородную прогулку. Поезжайте с ними. Кстати, представьте господина Вайдемана господину Зандлеру.

Капитан прикреплен в качестве ведущего летчика-испытателя к конструкторскому бюро Зандлера.

— Простите. Разве господин Зандлер делает самолеты? Что-то я не видел его продукцию.

— Увидите, Зейц. Увидите. За полтора года вы могли бы заметить, что мои заводы делают самолеты и только самолеты. И все мои служащие заняты исключительно этим высокопатриотическим делом. Господин Вайдеман, господин Пихт, буду счастлив видеть вас у себя...

2

В машине было душно. Вайдеман опустил стекло, подставил голову под прохладную струю ветра. С шелестом взлетали прошлогодние листья.

«Расцветает, расцветает, и сильнее солнце греет, но не знает, но не знает, что весною воздух веет...» Этот пустой детский стишок вдруг развеселил Вайдемана.

— А ведь хорошо, друзья! — воскликнул он.

— Великолепно! — поддержал Зейц.

— Сентиментальный бред,— отозвался Пихт.

Вайдеман обиженно замолчал. Мимо проплывали холмистые дали, темные буковые и дубовые леса. Мелькали деревушки — в палисадниках дремали домики, придавленные черепичными крышами; сонные коровы брели по асфальтированным улочкам, так же сонно били в колокол кирхи, и крестьяне лениво убирали навоз...

Посреди деревень на площади стояли увитые лентами столбы — «Майское дерево». «По дедовским заветам, стою на месте этом, в честь наших девушек и жен, в знак дружбы до конца времен, чтоб жили мы семьей одной, верны Баварии родной...»

— Здесь есть любопытный обычай испытывать силу и ловкость,— сказал Зейц.— Кто заберется по такому столбу, тот получит награду — кофейник или кастрюлю, а если смельчак достигнет самой верхушки, заработает сапоги.

По окраинам городков и деревень к часовенкам лепились кладбища — над строем крестов возвышались монументальные памятники воинам, погибшим на полях сражений, «умершим для того, чтобы жила Германия»...

«Все складывается как нельзя лучше. Главное — обжиться.— Вайдеман покосился на Пихта.— Зачем он дразнит Зейца?»

— ...А тебе бы надо подумать об этом, Вальтер,— донеслось до него.— Здесь, в добрых старых пивных этих деревушек, рождалось наше движение... Почаще вспоминай об этом...

«Какие пивные? А-а, вот он о чем...»

Машина шла мимо старинного высокого здания из красного кирпича, увитого до крыши плющом и виноградником. Над аркой висела декоративная бутылка вина с вывеской: «Спеши на огонек».

— Остановимся? — предложил Пихт.

— Надо спешить,— сказал Вайдеман.

— Ну, черт с вами,— махнул рукой Пихт и снова вцепился в Зейца.— И вообще, Вальтер, по старой дружбе скажу, что дела у тебя здесь незавидные. Ты политический руководитель, а Мессершмитт играет тобой, как кот мышкой... Нет, нет, не отрицай! Не с него, а с тебя спросят, как выполняются приказы фюрера.

— Я лучше тебя разбираюсь в своих делах!

— Успокаивай себя, Вальтер, успокаивай... Но если вдруг Мессершмитт поскользнется, он свалит всю вину на тебя и глазом не моргнет.

— Я не хочу говорить об этом! — не выдержал Зейц и так крутнул баранку, что «мерседес», рванув в сторону, с визгом пронесся по обочине.

— Ты ни черта не знаешь, что творится у тебя под носом. Чем занят сейчас Мессершмитт?

— Он делает самолеты.

— Он пытается модифицировать свою единственно удачную, но безнадежно устаревающую модель, как пожилая модница свое последнее платье. А между прочим, сидящий рядом со мной капитан Вайдеман будет заниматься совсем другим.

— Чем же? — заинтересовался Вайдеман.

— А разве Зейц тебе ничего не объяснил? — лукаво спросил Пихт, поглядев в красный затылок коротко остриженного Зейца.

— Откуда мне знать, чем занимается этот старый бобер Зандлер,— буркнул оберштурмфюрер.

— Вот об этом я тебе и толкую, Вальтер... Ты, Аль-

берт, будешь иметь дело с новыми реактивными самолетами. Дело это пустое, но рискованное. Хейнкель уже обжегся на нем.

— Объясни толком, Пауль! Ни Мессершмитт, ни Зейц ничего об этом не говорили.

— Тебе, очевидно, расскажет тот, кто непосредственно занимается этими самолетами,— Зандлер... Я же немного знаю. Известно только, что они дьявольски быстроходны. У них нет винта. Вместо винта развивают тягу и несут самолет вперед реактивные двигатели... Когда пушка стреляет, ствол откатывается назад...

— Третий закон механики...

— Вот-вот. Машина с реактивным двигателем может достигнуть даже звуковой скорости! Хейнкель первым сделал такую штуку, но его испытатель Варзиц наложил в штаны, когда самолетик непроизвольно втянуло в пике и затрясло, как пневматический молоток.

— Что с ним произошло?

— Он попал во флаттер... Ну, да ты с этим флаттером еще встретишься.

— А Варзиц погиб?

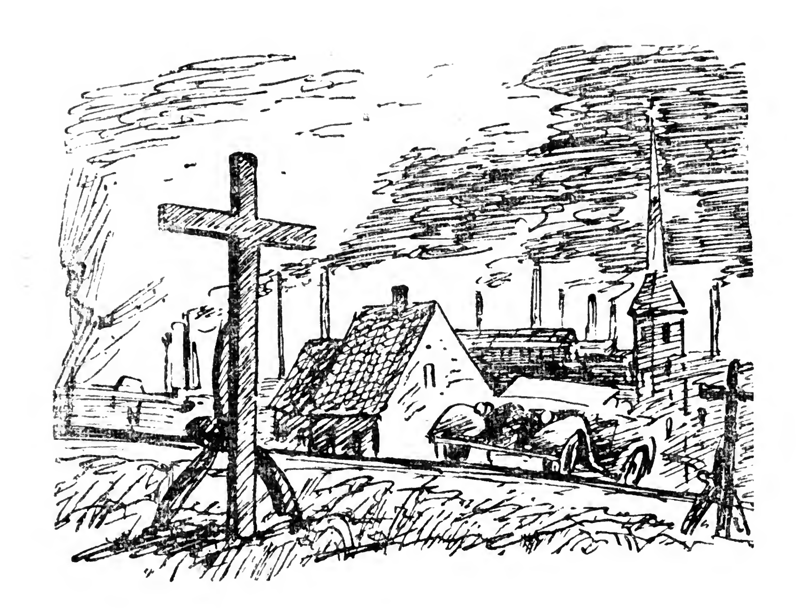
— Пока нет. В тот раз он выкрутился. Ему удалось вынырнуть с парашютом... Так вот, после Хейнкеля за эти самые реактивные штучки взялся Мессершмитт...— Пихт снова посмотрел на багровую шею Зейца и добавил громче: — Но у Мессершмитта есть такой олух, как Зейц, и ему все сходит с рук.

Зейц заерзал на сиденье.

— Ты не нападай на Вальтера,— сказал Вайдеман примирительно.— Ну, что сделает Вальтер в своем положении? Мессершмитт вхож к самому фюреру, а Удет ему первый друг.

— Ошибаешься, Альберт,— скрипнул зубами Зейц.— Я могу сделать то, что и Пихту не снится.

«Мерседес» вылетел на развилку. На левой стрелке указателя было написано: «Дахау», на правой — «Лехфельд». Зейц свернул вправо. Дорога нырнула в буковый лес. Промелькнул позеленевший от мха за́мок с затянутым ряской болотцем, через который был переброшен полукруглый каменный мостик. Блеснула вывеска: «Добрый уют».

— Когда-то в подвалах таких развалин мастера ковали доспехи для рыцарей,— проговорил Пихт.

— Один Лоренц Хельмшмидт чего стоит! — добавил Зейц, стараясь примириться с Пихтом.

— Кто этот парень? — спросил Вайдеман.

— Он ковал великолепные латы,— сказал Зейц.— Экстра-класс! Их не могли сравнить ни с нюрнбергскими, ни с венскими, ни с итальянскими.

— А Лоренц Розенбаум?!

— Это был гений! Как прелестна его «Юдифь»! Тончайшая работа! — Зейц на мгновение повернулся к Вайдеману.— Он ее выбил на медали получше этого маляра-итальяшки Кастельфранко, Альберт. Да, на аугсбургской земле всегда находились умельцы. Раньше ковали латы, теперь самолеты...

Из полусумрака леса машина выбежала на равнину. Впереди острыми зубьями крыш краснел Лехфельд. Но первое, что бросилось в глаза Вайдеману, было кладбище. Огромное кладбище, как бы выставленное напоказ. Рядом с белыми каменными крестами стояли самолетные винты, указывающие на принадлежность

усопших к авиации. Вайдеман с опаской покосился на эти могилы, что не ускользнуло от глаз Пихта. Пауль похлопал его по плечу:

— Это неудачники, Альберт... А нам пока везет.

Зейц свернул к авиагородку, застроенному однотипными домиками. Только несколько особняков нарушали однообразие. Сам аэродром был огорожен с фасада кирпичной стеной. Солдат у проходной беспрепятственно пропустил машину Зейца. «Мерседес» подкатил к бетонному одноэтажному зданию с маленькими, словно бойницы, окнами. У входа стоял часовой. Увидев офицеров, он бойко вскинул винтовку «на караул».

Вайдеман, выпрямившись, шагнул вслед за Зейцем. «Ну, теперь держись, раб божий!»

Все трое прошли по темному коридору в самый конец и открыли тяжелую, обитую кожей дверь. Первое, что почувствовал Вайдеман,— это был тяжелый запах прокуренного кабинета.

— Вы поторопились, господа. Похвально,— сказал Зандлер.

Вайдеман почувствовал, как сухая рука Зандлера стиснула его руку, а выцветшие светлые глаза вонзились в его лицо.

«Вот кому я доверю свою судьбу».

— Вам, капитан, сейчас придется позаниматься. Вы должны изучить совершенно новые области аэродинамики и устройства самолета, на котором будете летать. Время у вас пока есть.

— Не совсем понимаю вас, профессор.

— Потом поймете.— Зандлер положил руку на мускулистое плечо Вайдемана.— Вам не терпится поглядеть на самолет? Идемте.

Профессор повел гостей в ангар, охраняемый двумя солдатами.

— Обождите меня здесь.

Вайдеман, Пихт и Зейц остановились у входа. Зандлер приказал снять чехлы, потом подошел к распределительному щитку и включил рубильник. Яркий свет залил ангар. У Вайдемана перехватило дыхание — в центре ангара на высоко поднятых шасси стоял серебристый самолет.

— Вот он, «Штурмфогель»,— торжественно объ-

явил Зандлер, и металлическое эхо прокатилось по ангару.

Крылья «Штурмфогеля» уходили назад. Акулоподобный нос как бы рассекал воздух. Фонарь плавно закруглялся, так что летчик хорошо мог просматривать и переднюю и заднюю полусферы.

Зандлер любовно провел рукой по отглаженному, с заточенными заклепками крылу самолета.

— Как видите, «Штурмфогель» создан для большой скорости. Стабилизатор поднят, чтобы не попадал под горячие струи двигателя. Киль, как и крылья, скошен назад для уменьшения лобового сопротивления воздуха. Корпус машины — планер готов выдержать скорости, близкие к звуковым, а также перегрузки, которые могут возникнуть при флаттере или при выходе машины из пике.

Вайдеман поднялся по стремянке, открыл фонарь и опустился на прохладное твердое сиденье. Яркие зеленые стрелки мерцали на черных циферблатах приборов. Высотомер, компас, радиокомпас, указатель скорости, счетчик боезапаса... Все на месте. Но где указатели работы двигателей? Ага, вот они... Но совсем не похожи на те, что привык он видеть на винтомоторных машинах. Вместо сложной системы секторов с рукоятками шага винта, газа и качества топливной смеси здесь был только один легко передвигающийся рычаг подачи топлива. А работа двигателей контролировалась указателями температуры газов за турбинами, маметром [1] и керосиномером.

Ногой Вайдеман надавил педаль — она послушно подалась. Покачал ручку управления — на концах крыльев колыхнулись элероны...

— Хорош «Штурмфогель»! Пора посмотреть его в воздухе. За чем же задержка, профессор?

Зандлер похлопал рукой по обтекателю двигателя. Гулко, как бочка, отозвалась пустота.

— Нет моторов, капитан. Они нас чертовски держат...

---

[1] Маметр — прибор, показывающий силу тяги двигателей.

3

Да, двигатели сильно задерживали работу Зандлера над «Штурмфогелем». Это была ахиллесова пята новой реактивной авиации. Десятки экспериментальных моторов, закупленных в различных фирмах, разлетались в прах на испытаниях. Инженеры искали надежный металл и горючее. Искали и гибли, как погиб Макс Валье, опробовая ракетные автомобили и дрезины, как взорвался вместе с лабораторией и лаборантами университетский друг Зандлера Тиллинг во время опытов с горючим.

Двигатель Охайна, рассчитанный на тягу 1120 килограммов, как и предполагал Зандлер, Мессершмитту заполучить не удалось. Хейнкель просто-напросто отказался его продать. Кто-то в Берлине, скорее всего в управлении вооружений Удета, вставлял палки в колеса.

Между прочим, это обстоятельство настораживало Зандлера. Профессор замечал, что, когда у Хейнкеля обозначался успех, кто-то умышленно тормозил его работу; когда ладилось дело у Мессершмитта, вредили Мессершмитту. Возможно, повинны в этом были сами конструкторы, ведущие между собой давнюю конкурентную борьбу. Возможно, кто-то другой был заинтересован в задержке работ над новыми типами самолетов и двигателей, игнорируя интересы рейха.

Но Зандлер строил только догадки. У него не было доказательств, и потому он молчал.

На фирме «Юнкерс» проектировал двигатель доктор Франц. Он рассчитывал его на тягу 600 килограммов при скорости полета 900 километров в час и на горючее — дешевое дизельное топливо.

Пока Франц строил свой двигатель 109-004, Мессершмитт приказал поставить на «Штурмфогель» двигатели фирмы «БМВ». Они делались в Шпандау. Их привезли в Лехфельд, на стендах замерили тягу. Получилось 260 килограммов.

Зандлер сообщил об этом шефу по телефону.

— Да это же примус, черт возьми! — выругался Мессершмитт.

— Я не могу рисковать планером, устанавливая на него двигатели «БМВ»,— сказал Зандлер.

Мессершмитт задумался. Видно, какое-то обстоятельство его сильно торопило.

— Нет, профессор, вы должны поставить их на «Штурмфогель».

— «Штурмфогель» не взлетит!

— Должен взлететь! Новая авиация упрямо стучит в двери, Иоганн, и нам надо спешить, каких бы забот это ни стоило.

— Я не могу рисковать,— упрямо проговорил Зандлер.

— Слушайте меня внимательно, профессор. (Зандлер уловил в голосе шефа железные нотки.) Делайте три модели планера. Две мы развалим на этих движках, третью сбережем для двигателей Франца — должен же он когда-нибудь построить их!..

Зандлеру ничего не оставалось, как подчиниться. Испытателем «Штурмфогеля» с двигателями «БМВ» он назначил нового летчика — капитана Вайдемана.

4

Было еще тёмно и очень холодно, когда Вайдеман в сопровождении техника и дублера выехал к самолету. «Штурмфогель» стоял в самом конце взлетной полосы. Возле него возились инженеры и механики с отвертками, ключами, измерительными приборами.

— Как заправка, Карл?

— Полностью, господин капитан,— ответил Гехорсман, вылезая из-под мотора.

Вайдеман не спеша надел парашют, подогнал ремни и залез в кабину. За время, проведенное в Лехфельде, он изучил каждую кнопку, переключатель, винтик и мог отыскать их с закрытыми глазами. Днями просиживая в кабине, он мысленно представлял полет, почти до автоматизма отрабатывал свои действия в любой сложной ситуации. Но сейчас, когда, удобно устроившись в кабине, он взялся за ручку управления машины, то почувствовал неприятную дрожь в пальцах. Тогда Вайдеман опустил руки и несколько раз глубоко вздохнул — это всегда помогало успокоиться.

«Не валяй дурака, представь, что ты на привычном «Ме-109». Представил? Отлично».

Он включил рацию и в наушниках услышал близкое дыхание Зандлера.

— Я «Штурмфогель», к полету готов,— сказал Вайдеман.

— Хорошо, Альберт. Итак, задача у вас одна — взлететь и сесть. Не вздумайте только делать что-нибудь еще.

— Понимаю.

— И внимательно следите за приборами. Запоминайте малейшие отклонения.

— Разумеется.

— К запуску!

Вайдеман включил кнопку подачи топлива в горючие камеры двигателей. Через несколько секунд загорелись лампочки-сигнализаторы. Зарокотал бензиновый моторчик — ридель, раскручивающий турбины. Глухо заверещали лопатки компрессоров.

Альберт включил зажигание. «Штурмфогель» вздрогнул. Оглушил резкий, свистящий рев. Машина, удерживаясь на тормозах, присела, как бегун перед выстрелом стартера. На приборной доске ожили стрелки.

Вайдеман протянул руку к тумблерам, щелкнул переключателями, проверяя приборы, еще раз окинул взглядом свою тесную кабину... «Кроме всего, что ты знаешь, нужна еще удача»,— подумал он и нажал кнопку передатчика.

— Я «Штурмфогель», прошу взлет.

— Взлет разрешается. Ветер западный три метра в секунду, давление семьсот шестьдесят...

Привычное сообщение Зандлера успокоило пилота. Вайдеман отпустил тормоза, двинул ручку подачи топлива вперед. Двигатели взвыли еще сильней, но не увеличили тяги. Ручка уже уперлась в передний ограничитель, вой превратился в визг.

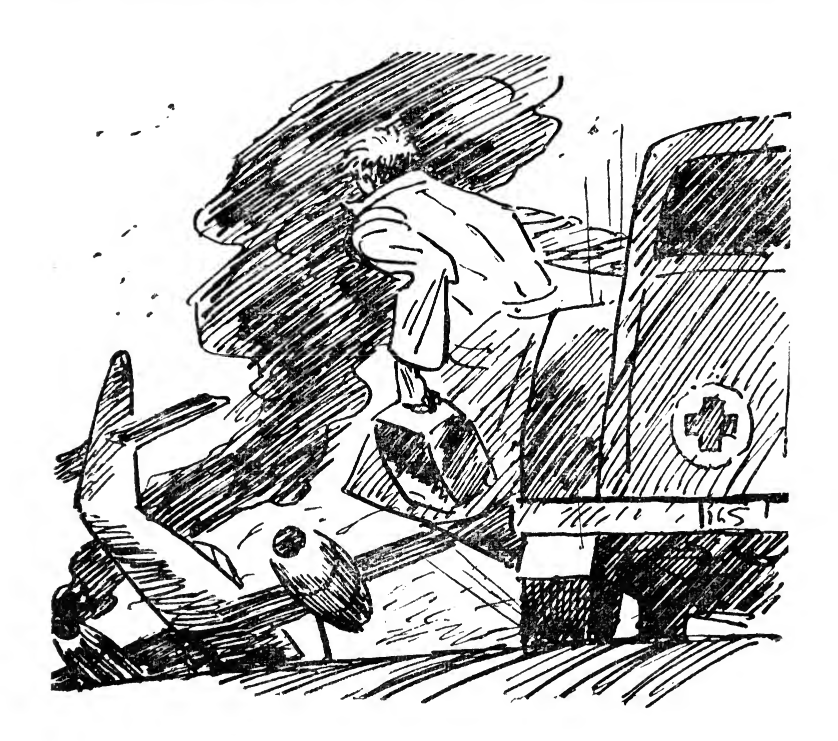
Наконец истребитель медленно тронулся с места. Компрессоры на полных оборотах, температура газов за турбинами максимальная... Но самолет нехотя набирает скорость. Вайдеману не хватает рева винта, упруго врезающегося в воздух, тряски мотора, в которой чувствуется мощь. На поршневом истребителе Вайдеман давно был бы в воздухе, но этот «Штурмфогель» уже пробежал больше половины взлетной

полосы, раскачиваясь, вздрагивая и не выказывая никакого желания взлететь.

Вайдеман торопливо потянул ручку на себя. Нос самолета приподнялся, но встречный поток не в силах был подхватить тяжелую машину с ее короткими, острыми крыльями. Уже близок конец полосы, виден редкий кустарник, за ним — ореховый лес.

И тут Вайдеман понял, что машина уже не взлетит. Машинально он убрал тягу. Завизжали тормоза. В одном двигателе что-то булькнуло и бешено застучало. Самолет рванулся в сторону. Вайдеман попытался удержать его на полосе, двигая педалями. Единственное, что ему надо было сделать сейчас,— это спасти дорогостоящий самолет от разрушения, погасить скорость.

«Штурмфогель» пронесся к кустарнику, рванул крыльями деревца, шасси увязли в рыхлой, болотистой земле. Вдруг стало нестерпимо тихо. Левый двигатель

задымил черной копотью. Через несколько минут до слуха донесся вой санитарной и пожарной машин.

«Не надо показывать страха...» Вайдеман провел ладонью по лицу, расстегнул привязные ремни.

— Что случилось, Альберт? — Зандлер выскочил из открытой легковой машины.

— Об этом вас надо спросить,— ответил Вайдеман, садясь на сухую кочку: его бил озноб.

— Двигатели не развили тяги?

— Конечно. Они грохотали так, как будто собирались выстрелить, но скорость не поднялась выше ста, и я стал тормозить в конце полосы, чтобы не сыграть в ящик.

— Вы правильно сделали, Альберт. Едемте ко мне!

Вайдеман сел рядом с Зандлером. Машина выбралась на бетонку и понеслась к зданию конструкторского бюро.

— Значит, двигатели не выдержали взлетного режима,— как бы про себя проговорил Зандлер, закуривая сигарету.— Сейчас же составьте донесение и опишите подробно весь этот неудачный взлет. А потом садитесь за аэродинамику и руководства по «Штурмфогелю». К несчастью, времени у вас опять будет много...

5

Через неделю «Штурмфогель» был отремонтирован. На нем установили новые двигатели, которые снова прислала фирма «БМВ» взамен выбывших из строя. В носовую гондолу, предназначенную для пушек, был поставлен обычный поршневой мотор «Юмо-211» — он должен был помочь «Штурмфогелю» оторваться от земли.

Мессершмитт вместе с Зандлером осмотрел самолет и бросил недовольно:

— Не курица и не самолет.

— Зато на нем испытателя не постигнет неудача,— сказал Зандлер.

Он хорошо знал, что от конструктора зависит жизнь пилота. Это жило в его сердце, в его мозгу, когда он обдумывал, рассчитывал, строил, отделывал самолет. Мессершмитт же больше заботился об удаче или неуда-

че собственного имени, хотя безразличие к судьбе испытателя не мешало ему бросать превосходные идеи.

Шеф прошел на взлетную полосу и широкими шагами измерил ее длину:

— Мала площадка, профессор. Ее надо удлинить по крайней мере на пятьсот метров.

Он остановился у того места в кустарнике, где увяз Вайдеман, и круто обернулся к Зандлеру:

— А не находите ли вы, профессор, ошибки в том, что у «Штурмфогеля» центровка рассчитана на заднее колесо?

— Вы хотите сказать, что это сильно увеличивает угол атаки крыла на взлете?

— Вот именно!

Зандлер в который раз поразился проницательности конструкторской мысли у этого суховатого, резкого человека с рубленым удлиненным лицом, высоким лысеющим лбом.

Мессершмитт остановил взгляд на Зандлере:

— Вам не хватает, профессор, широты, размаха, смелости, что ли. А у нас смелость — первый шаг к успеху.

«Но вы в случае неудачи теряете лишь немного денег, с меня же снимете шкуру»,— подумал Зандлер.

— Хорошо, я рассчитаю и попробую несколько переместить центр тяжести,— произнес он вслух.

— Рассчитывайте,— разрешил Мессершмитт. — Только поскорей!

...А еще через две недели, 4 апреля 1941 года, капитан Вайдеман поднял «Штурмфогель» в воздух. Покрашенный в серебристый цвет самолет, треща мотором и воя двумя турбореактивными двигателями, подскочил вверх, низко прошел над аэродромными бараками, развернулся и сел. Наберет ли он когда-нибудь большую высоту и сможет ли выполнять фигуры высшего пилотажа — этого еще никто не знал. Но первая победа была одержана.

К полету Вайдемана можно было бы применить слова парижских газет, которые когда-то писали о том, что Блерио перелетел Ла-Манш, «не касаясь ни одной частью аэроплана поверхности моря».

Альберт выскочил из кабины и радостно стиснул попавшего под руку механика Карла:

— Полетел, полетел «Штурмфогель»! Видал, Гехорсман?!

— Отчего же ему не полететь,— проворчал Карл.

— Вечно ты недоволен, рыжий дьявол! — засмеялся Вайдеман, шутливо хлопнув по голой рыжей груди механика.

Зандлер, расчувствовавшись, пожал руку Вайдеману:

— Хоть курица, но полетела...

— С вас причитается, профессор,— поймал Зандлера на слове Вайдеман.

— Что делать...— развел руками конструктор.— Прошу сегодня вечером ко мне.

— Разумеется, с друзьями?

— Конечно.

После осмотра техники обнаружили, что сопло левой турбины наполовину расплавилось.

6

О чем может думать энергичная и миловидная двадцатитрехлетняя девушка, смахивая пушистой заячьей лапкой невидимую глазу пыль с полированной мебели в чужой квартире? О том, что свою квартиру она не стала бы заставлять подобной рухлядью? Но своя квартира, увы, недостижима даже в мечтах. Пожалуй, если почаще улыбаться господину...

Но нет, хоть и нетрудно прочесть все эти мысли на затуманенном девичьем лице, дольше подсматривать неприлично.

Сторонний наблюдатель, взявшийся бы разгадать нехитрый ход мыслей в хорошенькой головке фрейлейн Ютты, уже третий год работающей секретаршей у профессора Зандлера, был бы удивлен и возмущен, доведись ему на самом деле узнать, о чем же размышляет фрейлейн Ютта во время ежедневной уборки. Возможно, что он даже забросил бы все свои дела и разыскал среди жителей Лехфельда некоего господина Зейца. Того самого Зейца, что носит на черном мундире серебряные нашивки оберштурмфюрера. Впрочем, Зейц не единственный гестаповец в городе... Так или иначе, но ни стороннему наблюдателю, ни господину Зейцу, ни даже фрейлейн Эрике, хозяйке и лучшей подруге Ют-

ты, не дано знать, о чем размышляет она в эти полуденные часы.

И все потому, что фрейлейн Ютта не забивает свою голову пустыми мыслями о мебели и женихах. Смахивая пушистой лапкой пыль, она усердно упражняется в переводе газетного текста на цифровой код пятеричной системы. Подобное занятие требует от девушки исключительного внимания, и, естественно, она может и не услышать сразу, как стучит в дверь нетерпеливая хозяйка, вернувшаяся домой с городских курсов домоводства.

— О Ютта, ты, наверное, валялась в постели! Убралась? У нас будет куча гостей. Звонил папа. Он привезет каких-то новых летчиков и господина Зейца.

— Как! Наш добрый черный папа Зейц?! Эрика, быть тебе оберштурмфюрершей. Будешь носить черную пилотку и широкий ремень.

— Когда я вижу черный мундир, моя душа трепещет,— в тон Ютте сказала Эрика.— Но Зейц... Он недурен, не правда ли?.. Есть в нем этакая мужская грубость...

— Невоспитанность...

— Нет, сила, которая... выше воспитания. Ты придираешься к нему, Ютта. Он может заинтересовать женщину. Но выйти замуж за гестаповца из нашего города? Нет!

— Говорят, у господина Зейца влиятельные друзья в Берлине.

— Сидел бы он здесь!

— Говорят о неудачном романе. Замешана жена какого-то крупного чина. Не то наш петух ее любил, не то она его любила...

— Ютта, как ты можешь! Помоги мне переодеться. Да! Тебе письмо от тетки. Я встретила почтальона.

Ютта небрежно сунула конверт в карман фартука.

— Ты не любопытна, Ютта. Письмо из столицы!

— Ну, что может написать интересного эта старая мышь тетя Марта! «Береги себя, девочка, кутай свою нежную шейку в тот голубой шарф, что я связала тебе ко дню первого причастия». А от того шарфика и нитки не осталось... Ну, так и есть. Я должна себя беречь и к тому же помнить, когда окочурился дядюшка Клаус!

— Ютта, ты невозможна!

— Прожила бы ты с таким сквалыгой хоть год! Представляешь, Эрика, мне уже стукнуло семнадцать, а этот дряхлый садист каждый вечер читал мне вслух сказки. Про белокурую фею, обманутую русалку и про этого несчастного духа, как же его?

— Рюбецаля?

— Точно. Рюбецаля. Имя-то вроде еврейское.

— Ютта!

— А я никого не оскорбляю. Еще неизвестно, кто этого Рюбецаля выдумал.

Ютта подошла к высокому зеркалу в зале, высунула язык своему отражению, состроила плаксивую гримасу:

— Эрика! Слушай, Эрика! А у тебя нет этой книжки? Про Рюбецаля? Дай мне ее посмотреть. Вспомню детство.

— Вот и умница, Ютта. Я знаю, что все твои грубости — одно притворство. Я поищу книжку.

— Я всегда реву, когда вспоминаю этого жалкого духа. Как он бегал один по скалам, и никому-то до него не было дела, и всем он опротивел и надоел. Вроде меня. Только он был благородный дух, а я простая секретарша, даже служанка.

— Ютта, как тебе не стыдно. После всего... Сейчас же перестань! В конце концов, не забывай: в тебе течет чистая арийская кровь! Ну-ка, улыбнись! Сейчас поищем твоего Рюбецаля.

Оставшись одна, Ютта достала из фартука смятое тетушкино письмо, перечитала его и прижала к сердцу. В письме говорилось о дядюшке Клаусе.

«Итак, сегодня я увижу Марта»,— сказала она себе.

7

Уж чего совершенно не умел делать Иоганн Зандлер, так это веселиться. За бражным столом он чувствовал себя неуютно, как профессор консерватории на репетиции деревенского хора. Все раздражало и угнетало его. Но раздражение приходилось прятать за церемонной улыбкой. Улыбка выходила кислой, как старое рейнское, которым он потчевал летчиков.

С тех самых пор, как двенадцать лет назад фрау Зандлер завела обычай зазывать под свой кров «героев воздуха», профессор привыкал к вину, к этой дурацкой атмосфере провинциальных кутежей. Привыкал и не мог привыкнуть.

Когда в 1936 году экзальтированное сердце фрау Зандлер не выдержало известия о гибели майора Нотша (майор разбился в Альпах), профессор решил покончить с гостеприимством. Но своевластная Эрика сравнительно быстро принудила «дорогого папу» впрячься в привычную упряжь.

И тележка понеслась. Дочь увлеклась фотографией. На перилах окружавших зал антресолей висели грубо подмазанные неумелой ретушью фотографии прославленных немецких асов: Рихтгофена, Иммельмана, Удета, Клостермана, Физелера, Бельке, Галланда, Мельдерса, Франке, Вюрстера. Многие из них сиживали за этим столом, многие добродушно хлопали по спине «мрачного Иоганна», но никого из них Зандлер не мог бы назвать своим другом. Так же как и этих самодовольных парней, бесцеремонно завладевших сегодня его домом.

Из всех гостей его больше других интересовал Вайдеман. Ему первому пришлось доверить свое дитя, своего «Штурмфогеля». Что он за тип? Самоуверен, как все. Безжалостен, как все. Пялит глаза на Эрику, как все. Пожалуй, молчаливей других. Или сдержанней. Хотя этот пшют из министерства никому рта не дает открыть. Столичный фрукт. Таких особенно привaживала фрау Зандлер. О чем он болтает? О распрях Удета с Мильхом?

Зандлер не мог поймать нить беседы. Но он почти физически ощутил, как вдруг насторожился Зейц. Всегда, когда Зейц был за столом, Зандлер не выпускал его из поля зрения. Он научился по чуть заметному повороту головы гестаповца улавливать степень благонадежности затронутой темы. Сегодня Зейц был напряжен, как никогда. Этого не замечали другие, но он-то, Зандлер, хорошо видел, как Зейц, энергично работая ножом и вилкой, становился то безразличным к разговору, то напрягал слух. Вот он перестал жевать и наклонил голову. Пихт рассказывал о первых сражениях «Битвы над Англией».

— Английская печать уже навесила вашему уважаемому шефу ярлык детоубийцы.

— А за что? Уж скорее его следовало навесить Юнкерсу. Бомбардировщики-то его,— вступился за хозяина хитроватый капитан Вендель, второй летчик-испытатель.

— Ну, у толстяка Юнкерса репутация добродушного индюка. Гуманист, да и только. А бульдожья хватка Вилли известна каждому.

— Да уж, наш шеф не терпит сентиментов,— заметил Вендель.

Пихт повернулся к Вайдеману.

— Я тебе не рассказывал, Альберт, про случай в Рене? Вы-то, наверное, слышали, господин профессор. Это было в двадцать первом году. Мессершмитт тогда построил свой первый планер и приехал с ним в Рене на ежегодные соревнования. Сам он и тогда уже не любил летать. И полетел на этом планере его лучший друг. Фамилии я не помню, да дело не в этом. Важно, что лучший, самый близкий друг. И вот в первом же полете планер Мессершмитта на глазах всего аэродрома теряет управление и врезается в землю. Удет — он-то мне и рассказывал всю эту историю — подбегает к Мессершмитту, они уже тогда были дружны, хочет утешить его, а тот поворачивает к нему этакое бесстрастное лицо и холодно замечает: «Ни вы, Эрнст, никто другой не вправе заявить, что это моя ошибка. Я здесь ни при чем. Он один виноват во всем». Понял, Альберт? То-то. Я думаю, это был не последний испытатель, которого он угробил. Не так ли, господин профессор?

Все оборвалось в вялом организме профессора. Судорожно собирая мысли, он не спускал глаз с Зейца, сидящего сбоку от него.

— Я не прислушивался, господин лейтенант. Вы что-то рассказывали об испытаниях планеров. Я не специалист по планерам.

Эрика поспешила на помощь отцу:

— Пауль! Можно вас попросить об одной личной услуге?

— Обещаю безусловное выполнение.

— Не обещайте, не услышав.— Эрика поджала губы.— Если генерал-директору случится посетить

Лехфельд, уговорите его заехать к нам. Я хочу сама его сфотографировать. Его старый портрет уже выцвел.

— Генерал-директор без сомнения будет польщен таким предложением. Он высоко ценит юных граждан Германии, которым не безразлична слава третьего рейха.

— Так я могу надеяться?

Пихт встал из-за стола, подошел к Эрике, почтительно, двумя руками, взял мягкую ладонь девушки, коснулся губами запястья.

— Вы умеете стрелять, фрейлейн?

— Нет, что вы!

— Надо учиться. У вас твердая рука!

Позеленевший от ревности Зейц повернулся к Зандлеру:

— Где же ваша несравненная Ютта? Или сегодня, в честь почетных гостей, вы изменили своему правилу сажать прислугу за стол?

— Ютта не прислуга...— оробев, начал профессор.

— Я слышу, господин Зейц интересуется нашей Юттой? — воскликнула Эрика.— Вот сюрприз! Но сегодня она не сможет развлечь вас. У нее болит голова, и она не спустится к нам.

— А если я ее попрошу?

— Ну, если вы умеете и просить, а не только приказывать, испытайте себя. Но, чур, никакого принуждения. Ведь вы не знаете своей силы...

Эрика шаловливо тронула черный рукав Зейца. Зейц встал, расправил ремни и направился к деревянной лестнице на антресоли. Заскрипели ступени.

Ютта поспешно закрыла дверь, внутренне собралась. Из ее комнатки, если оставить дверь приоткрытой, было хорошо слышно все, о чем говорилось в зале. При желании она могла незаметно и рассмотреть сидящих за столом. Ни Зейц, ни Вендель, ни другой испытатель из Аугсбурга — Франке — не интересовали ее. Они уже не раз бывали в этом доме. Все внимание Ютты было обращено на двух приезжих. Один из них может оказаться тем самым Мартом, о прибытии которого сообщило присланное из Берлина письмо. Ведь именно сегодня он должен связаться с ней.

А до полуночи осталось всего полтора часа. Появление этих двух не может быть случайным. Но кто же

из них? Конечно, когда она спустится, он найдет способ привлечь к себе ее внимание. Но прежде чем показаться внизу, она хотела бы сама узнать его. Он должен напомнить ей о дядюшке Клаусе. Кто же он? Кто? Высокий конопатый обер-лейтенант или плотный, коренастый капитан?

«Лучше бы лейтенант! Ох, Ютта, Ютта! Красивый парень. Только уж очень самоуверен. И рисуется перед Эрикой. «Мы с генералом», «Я уверен»... Фат. Эрика уже размякла. А он просто играет с ней. Конечно, играет. Наверное, у него в Берлине таких Эрик... Как он на нее смотрит! А глаза, пожалуй, холодные. Равнодушные глаза. Пустые. Разве у Марта могут быть такие стеклянные, пустые глаза? А капитан? Этот как будто проще. Сдержанней. И чего он все время крутит шеей? Воротник жмет? Или ищет кого-нибудь? Меня? И на часы смотрит. О чем это он шепчется с Франке? А теперь с Зейцем? А лейтенант развязен. Руки целует Эрике. Расхвастался связями. А Зейц даже зашелся от злости. Встал. Идет сюда. Только его мне и не хватало. Ну что ж, даже лучше. Все равно надо сойти вниз».

Ютта быстро прикрыла дверь, забралась с ногами в мягкое кожаное кресло.

Зейц постучал, тут же, не дожидаясь ответа, распахнул дверь. Сколько в нем благодушия!

— Простите, фрейлейн, за позднее вторжение. Поверьте, оно вызвано моим глубоким расположением к обитательницам этого милого дома. Как ваша бедная головка?..

— Ваше чувство к госпоже Эрике для меня не секрет, господин Зейц.

— Тем лучше.

Взгляд Зейца внимательно ощупывал комнату.

— Надеюсь, вы одобряете мой выбор?

— Эрика — девушка, заслуживающая безусловного восхищения. Но я не думаю, чтобы она была готова к брачному союзу. Ей еще нет двадцати.

— Фюрер ждет от молодых сил нации незамедлительного исполнения своего долга. Германия нуждается в быстром омоложении. Я уверен, что фрейлейн Эрика, во всех отношениях примерная девушка, хорошо понимает свой патриотический долг.

— У нее остается право выбора...

— Ерунда. Она слишком юна, чтобы самостоятельно выбирать достойного арийца. Ей нужно помочь сделать правильный выбор. Подобная помощь будет высокопатриотическим поступком, фрейлейн Ютта.

— Вы переоцениваете мое влияние, господин Зейц.

Зейц уселся на ручку Юттиного кресла, приблизил к ней свое лицо. Глаза его сузились.

— Это вы, фрейлейн, недооцениваете меня.— Он рассмеялся.— Хватит сказок, Ютта, хватит сказок.

Она похолодела. Непроизвольно дрогнули ресницы.

— Какие сказки вы имеете в виду?

Она взглянула прямо в узкие глаза Зейца. Он все еще смеялся.

— Разве вы не любите сказок, Ютта? Разве вам их не читали в детстве? Бабушка? Ха-ха-ха. Или дядюшка? Ха-ха-ха. Или тетушка?.. У вас же есть тетушка?

— Да, в Берлине... Но я что-то не понимаю вас. Вы... Не может быть!

Зейц, казалось, не замечал ее смятения.

— Видите. Тетушка далеко, она не может помочь своей любимой племяннице. Прелестной фрейлейн Ютте. А ведь ей очень нужна помощь. Одиноким девушкам трудно жить на свете. Их каждый может обидеть...

Зейц положил обе руки на зябкие плечи Ютты. Она дрожала. Все в ней протестовало против смысла произносимых им слов. Так это он Март? Невозможно! Но как тогда он узнал? Значит, провал. Их раскрыли. Надо закричать, предупредить его. Март сидит там, внизу, не зная, что такое Зейц, не догадываясь. Или там никого нет? Его схватили уже. И теперь мучают ее. Там внизу чужие. Кричать бесполезно. Или... Это все-таки он, наш? И все это лишь маскировка, игра... Но можно ли так играть?

Она не могла вымолвить ни слова.

— Кто защитит одинокую девушку? Добрый принц? Гордый дух? Рюбецаль? Вы верите в Рюбецаля, Ютта?

Он проверяет ее. Ну конечно.

— Да.

— Я буду вашим Рюбецалем, фрейлейн,— серьезно проговорил Зейц.— Как вам нравится такой дух? Несколько крепок, не правда ли?

Нет, это невозможно. Тут какое-то страшное совпадение. Надо успокоиться. Надо ждать. Он не сказал заветных слов о дядюшке Клаусе.

— Откуда вы знаете, что я любила сказки? — проговорила Ютта вслух.

— Зейц знает все. Запомните это. Я же дух. Могу быть добрым. Могу быть злым. Но вы ведь добрая девушка, Ютта?

— Вы знаете, у меня прошла голова. Я хочу сойти вниз. Только разрешите мне привести себя в порядок.

Зейц вышел, а Ютта еще долго сидела в кресле, не шевелясь, слушая, как утихает сердце, стараясь понять, что же произошло.

Когда она спускалась по лестнице, ловя и оценивая прикованные к ней взгляды сидящих за столом, в наружную дверь постучали.

— Открой, Ютта,— сказала Эрика, по-видимому не очень довольная ее появлением.

В дверях стоял, улыбаясь, пожилой худощавый офицер. Наискось от правого глаза тянулся под козырек тонкий шрам. Офицер погасил улыбку.

— Передайте профессору, что его просит извинить за поздний визит капитан Коссовски.

Она пошла докладывать, а навстречу ей из зала надвигался, раскинув руки, коренастый капитан.

— Зигфрид, затворник? Ты ли это?

Глава пятая

МИР — ТВОЕ КОЛЬЦО

Утвердив план нападения на Советский Союз — план «Барбаросса»,— Гитлер задумался над экономическими ресурсами для будущей большой войны. Хлеб, мясо, фрукты могут дать вермахту Греция и Югославия. 28 октября 1940 Муссолини напал на Грецию. Но «тосканские волки», «феррарские геркулесы», «пьемонтские дьяволы» терпели поражение за поражением.

Гитлер написал дуче письмо, в котором последними словами обругал оскандалившегося союзника. В апре-

ле 1941 года он двинул свои войска на Балканы. На беззащитный Белград обрушились сотни бомбардировщиков. Танковые колонны быстро смели плохо вооруженную югославскую королевскую армию. 17 апреля Югославия капитулировала. Вскоре пала Греция. Шестидесятитысячный экспедиционный корпус англичан начал грузиться на корабли. У него в тылу оставались остров Крит и многочисленный средиземноморский флот.

Поскольку захват острова с моря не представлялся возможным, фашисты атаковали его с воздуха.

Знаменитый восьмой корпус асов генерала Рихтгофена нанес страшный бомбовый удар по укреплениям на Крите и кораблям англичан. Пикирующие бомбардировщики потопили четыре крейсера, шесть эскадренных миноносцев, повредили один авианосец, три линкора, три крейсера и десятки мелких судов. Фактически они вывели из строя основное ядро британского средиземноморского флота.

Воздушнодесантный корпус генерала Штудента выбросил на Крит парашютистов. В течение десяти дней они полностью захватили один из крупнейших в мире островов.

Последний сопротивляющийся британец был убит 2 июня 1941 года. Убит за 20 дней до жесточайшей и последней для гитлеровцев войны.

1

Официальный заказ на продолжение работ над реактивным самолетом мог бы доставить другой офицер отдела вооружений люфтваффе, но Пихт попросил Удета, чтобы тот послал в Аугсбург именно его. Он хотел навестить Вайдемана. На следующий день после вечера в доме Зандлера Пихт был уже в Аугсбурге.

— Поздравляю вас, господин конструктор,— сказал он, передавая бумаги Мессершмитту,— кажется, «Штурмфогель» расправляет крылья.

— Я ни минуты не сомневался в этом,— проговорил Мессершмитт, польщенный похвалой.— Коньяк, вино?

— Пожалуй, коньяк.

Мессершмитт открыл буфет.

— Только Хейнкель наступает вам на пятки.—

Пихт приподнял хрустальную рюмку, любуясь золотистым цветом коньяка.

— Я пока не получал никаких известий,— постарался как можно более равнодушно сказать Мессершмитт.

— И не получите. Герман Геринг приказал держать в секрете работы фирм.

— Н-ну, Геринг и Удет всегда были расположены ко мне... Если не сами они, так их ближайшие помощники.— Мессершмитт многозначительно посмотрел на Пихта, не исподлобья, как обычно, а открыто, прямо.

Пихт промолчал.

— Кстати! Я давно собирался сделать вам одно небезынтересное предложение...

— На другой же день после полета вашего «Штурмфогеля»,— как будто не слыша последних слов, начал Пихт,— старый Эрнст поднял свой «Хейнкель-178». Тот самолет, над которым он бился с тридцать восьмого года. Обжегшись на ракетном «сто семьдесят шестом», в эту машину он поставил турбореактивный двигатель, который работает на бензине.

— Не помните марки двигателя?

— «ХеС-3Б» с тягой пятьсот килограммов.

— Мне как раз не хватает такого двигателя! — сердито воскликнул Мессершмитт.

— Кстати, это первый турбореактивный мотор, который поднял самолет в воздух.

— Н-да-а,— протянул Мессершмитт, понимая, что такой, видимо уже отработанный, технически доведенный двигатель никто не сможет выцарапать у Хейнкеля.

— В этот же день, пятого апреля, он испытал другой самолет — «Хе-280В-1».

— Эту каракатицу с двумя хвостами?

— И двумя двигателями, по шестьсот килограммов тяги на каждый. В горизонтальном полете самолет достиг скорости восемьсот километров в час.

— Я понимаю интересы рейха,— морщась от боли под ложечкой и поглаживая свои черные, начинающие редеть волосы, заговорил Мессершмитт.— Отдел вооружений ждет такой самолет, но, поверьте, Хейнкель снова зарвется.

— Неужели вы думаете, что мы сможем закрыть работы Хейнкеля над этим самолетом?

— Я не говорил об этом,— пробормотал Мессершмитт.

— Словом, время покажет, что выйдет у Хейнкеля,— пришел на выручку Пихт.

— Да, конечно, время, время...— Мессершмитт оценил полученные сведения и судорожно думал, как бы отблагодарить за них адъютанта Удета.

2

Если бы Мессершмитт знал, о чем несколько часов назад говорил расторопный адъютант Удета его летчику-испытателю Вайдеману, он вряд ли бы предложил ему выгодное дело.

Но разговор проходил с глазу на глаз, притом в машине Пихта.

— Как у тебя идут дела, Альберт? — спросил Пихт, едва машина двинулась с места.

— Кажется, я неплохо устроился, но скука...

— Ты можешь развеяться хотя бы в Аугсбурге.

— Но я не сынок Круппа и не родственник президента рейхсбанка!

— Деньги можно делать всюду, где имеют о них представление.

— Мне платят за голову, которая пока цела.

— В лучшем случае,— проговорил Пихт, глядя на дорогу.

— Что ты этим хочешь сказать, Пауль?

— Хуже, если ты останешься инвалидом и тебя отправят в дом призрения, где собираются неудачники и старые перечницы...

Пихт знал, чем уязвить Вайдемана. Альберт всегда жил гораздо шире своих возможностей и частенько оставался без денег.

— В конце концов каждый старается где-то что-то ухватить,— продолжал Пихт.— Разница лишь в измерениях, в нулях, словом.

— Как же ты, к примеру, ухватываешь? — Вайдеман заглянул в лицо Пихта.

— Очень просто,— с готовностью ответил Пихт.— Я работаю на Мессершмитта.

— Я тоже работаю на Мессершмитта, но что-то он не платит мне больше тысячи марок.

— Еще тысячу ты можешь получать от Хейнкеля.

— Каким же образом?

— Положись на меня. Это я устрою тебе по старой дружбе.

— Как я буду окупать эти деньги?

— Ты будешь передавать ему все сведения о «Штурмфогеле».

— Ах ты каналья, Пауль! Я же нарушу в таком случае один весьма существенный пункт контракта...

— Пустое. Он не стоит тысячи марок. Ведь и ты и я работаем для рейха. А если шефы грызутся, то это не наше дело. Пусть грызутся, лишь бы скорее кто-то из них сделал хороший самолет.

Вайдеман сдвинул фуражку на затылок и поскреб лоб.

«А что, если Пихт подложит мне свинью? Да меня Мессершмитт заживо съест. Хорошо — Мессершмитт, а Зейц, а гестапо? Но ведь Пихт старый товарищ. К тому же он сам ляпнул о своей дружбе с Мессершмиттом, и, узнай об этом Удет, ему не сносить головы за разглашение служебной тайны. И опять же тысяча марок... Это очень неплохие деньги за какие-то фигли-мигли «Штурмфогеля», который еще неизвестно когда обрастет перьями...»

— Хорошо, Пауль. Я буду работать на этого старичка Хейнкеля, если он и вправду соберется платить мне по тысяче марок. Только кому и как я должен передавать эти сведения?

— Наверное, пока мне, а я — ему.— Пихт достал блокнот и авторучку.— Пиши расписку и получай аванс.

«Оппель» затормозил. Дорога была пустынна. За вспаханным полем виднелась лишь маленькая деревушка.

— Может, без расписки...— проговорил, упав духом, Вайдеман.

— Расписку я потом уничтожу. Но надо же мне отчитаться! Аванс солидный — тысяча пятьсот марок.— Пихт достал запечатанную пачку и положил на колени Вайдеману.

3

Накануне первого мая на заводах Мессершмитта поднялся переполох. В Аугсбург со всех аэродромов и вспомогательных цехов, разбросанных по Баварии, съезжались рабочие, инженеры, служащие. На митинге должен был выступать второй фюрер рейха Рудольф Гесс.

Механик «Штурмфогеля» Карл Гехорсман едва не опоздал на служебный автобус из-за бутербродов, которые наготовила ему в дорогу жена. Теперь он сидел, обхватив большими, в рыжих конопушках руками многочисленные кульки, и не знал, как рассовать их по карманам. Сквозь бумагу протекал жир и капал на новые суконные брюки. С каждой каплей в сердце Карла накипала злость. «Нет никого глупее моей жены! — ругался он про себя.— На кой черт мне эти бутерброды, когда у меня есть пять марок на пиво и сосиски!»

Выбросить бутерброды Карл не мог — он хорошо знал цену хлеба и масла. У Карла было семеро детей. Последний, в отличие от старших двойняшек, появился на свет в трогательном одиночестве. Карл получал от рейха добавочное пособие как многосемейный рабочий. Но его, разумеется, не хватало.

Теперь дети уже разбрелись по свету. Старшие работали в Гессене на металлургическом заводе, строили автостраду и завод авиадвигателей. Двух последних, самых любимых, после трудового фронта забрал вермахт, и в Лехфельде он жил с женой, которая за жизнь ничему так и не научилась.

Когда автобус подъезжал к окраинам Аугсбурга, брюки были уже безнадежно испачканы. Карл положил свертки на колени и начал уничтожать бутерброды, хотя есть не хотел. Его распирало от ярости.

Перед главным сборочным цехом во дворе был сооружен помост, обитый красным сатином. С двух сторон на углах висели флаги с нацистской свастикой, а в центре, там, где должен выступать оратор, стоял микрофон в паутине проволочных держателей. По правую сторону трибуны блестел начищенными трубами оркестр. По левую стояли ведущие инженеры и служащие фирмы — все в цилиндрах и черных фраках с красными розами в петлицах.

Глядя на их ухоженные, самодовольные физиономии, Карл подумал: «Ишь, буржуи тоже поалели. Праздник-то ведь наш, рабочий...»

Карл Гехорсман никогда не вмешивался в политику, но на рабочие демонстрации ходил и, случалось, кулаками крошил зубы штурмовикам. А потом пошли дети, Карл «одомашнился», и вовремя — иначе давно бы упекли его в концлагерь. Хорошо, что еще попал в Испанию.

Солнце поднялось довольно высоко над стеклянными крышами корпусов. Стало жарко. Начинала мучить жажда. «Надо бы пива»,— с тоской подумал Карл и стал понемногу расстегивать тяжелый двубортный пиджак и жилет.

Вдруг грянул оркестр. Как по команде, цилиндры левой стороны трибуны слетели с голов и легли на согнутые в локтях руки. Толпа вытянулась. От кучки самых больших начальников, среди которых Карл узнал лишь верзилу Мессершмитта, отделился узкогрудый молодой человек с зачесанными назад волосами и темными провалами глаз, прикрытых клочкастыми бровями. Оркестр наддал еще оглушительней, а последнюю ноту гимна рявкнул на пределе всех возможностей.

— Я приветствую рабочий класс Германии! — выкрикнул Гесс. Его тонкие губы сжались еще плотней.

— Зиг хайль! — откликнулась толпа.

— Я приветствую его солидарность с идеалами и жизнью народного вождя Адольфа Гитлера!

— Зиг хайль!

От крика у Карла заломило в ушах и зажгло в желудке.

— Я приветствую истинных граждан нашего рейха!

Снова грянул оркестр и смолк.

— Германия выполняет сейчас великую историческую миссию. Годы позора и унижений, навязанных нам извне, прошли. Мы, национал-социалисты, уяснили теперь свою правую роль в истории мира. Наши враги навязали нам договор под дулом пистолета, который приставили к виску немецкого народа. Этот документ они провозгласили святым, растоптав нашу гордость. Теперь мы объявили им святую немецкую войну...

Гехорсман непроизвольно икнул. На него сердито скосили глаза соседи. Карл глотнул слюну, но рот

пересох. Он попытался сдержать проклятую икоту, но снова икнул, на этот раз громче.

— ...Фюрер, чья жизнь протекает в непрерывном труде и отдана немецкому народу, ждет от вас вдохновенной, упорной, целеустремленной, творческой, дисциплинированной работы. Война на земле неотрывна от войны в небе. Самолеты, сделанные на ваших заводах, вашими руками, ведут смертельную схватку с врагом. Они побеждают всюду. Они положили на лопатки Францию, Голландию и Бельгию. Они воевали на Крите и в Греции. Они бомбят Англию. Вы — кузнецы победы. И первый кузнец среди присутствующих здесь — ваш единомышленник Вилли Мессершмитт! — Гесс легко взмахнул рукой и остановил ее на широкой груди стоящего рядом конструктора.— На таких хозяевах и патриотах держится могущество нашего государства. Их энергия, их ум, деловая смекалка, талант устраняют все препятствия, которые возникают на нашем пути. Они доказывают колоссальное расовое превосходст-

во арийцев над другими народами своей кипучей жизнью и преданностью фюреру!

— Зиг хайль! — заревела толпа.

Гесс продолжал еще что-то говорить, но Карл так сильно стал икать, что почти не слышал слов. Под шушуканье и толчки он выбрался из толпы и увидел Вайдемана, прижавшегося спиной к кирпичной стене цеха. Рядом стояли Пихт и Коссовски. Коссовски посмотрел на Гехорсмана и улыбнулся.

«Ик, ик, ик...» — икота разобрала окончательно, выворачивая внутренности. Согнувшись, как побитая дворняга, Карл прошмыгнул мимо. Он хотел найти уборную, где надеялся напиться из крана.

4

Беспечно размахивая хозяйственной сумкой, Ютта шла в ресторанчик «Хазе», где покупала обеды. Она думала о том, что в тот вечер, когда должна была произойти встреча, к ней никто другой, кроме Зейца, так и не подошел с паролем «Рюбецаль». Неужели долгожданный Март — это Зейц? Вот уж никогда бы не подумала.

Но Зейц не решился тогда раскрыться до конца. Может быть, он благоразумно хотел воздержаться, опасаясь нового пилота Вайдемана, или этого столичного вертопраха Пихта, или того, кто пришел в самый последний момент. Кажется, он отрекомендовался капитаном Коссовски.

Ютта припомнила лицо гостя. Оно было серьезное, умное. Глаза—ласково-проницательные. Несколько раз Коссовски глядел на Ютту, что-то собирался сказать, но так и не сказал. Ютта почувствовала даже какое-то доверие к этому пожилому человеку, который, очевидно, привык бывать в свете, держался просто и в то же время с достоинством, улыбался, но легко переходил на серьезный тон. Наверное, такие люди, избрав в жизни идеал, никогда от него не отступают...

Думая об этом, Ютта вдруг столкнулась с седоволосым фельдфебелем. В его руках были небольшой саквояж и трость.

— Простите,— проговорил военный,— я очень давно поджидаю вас, так как не мог зайти в дом Зандле-

ра.— Он внимательно посмотрел на Ютту, потом тихо спросил: — Ютта?

— Откуда вы знаете мое имя? — удивилась девушка.

— Я узнал вас по этой фотографии.— Военный показал снимок.

Действительно, это была она, только на три года моложе. Такой видел ее Перро.

— Не понимаю, как очутился у вас мой снимок?

— Я же дядюшка Клаус,— рассмеялся военный.— Ты же помнишь, я рассказывал тебе сказки. А особенно ты любила слушать о...

— ...Рюбецале,— докончила Ютта и, понизив голос, спросила: — Вы Март?

— Всего лишь связной Марта.— Помолчав, военный сказал: — Зови меня Эрихом. Я твой старший брат. Твой Эрих Хайдте, о судьбе которого ты давно ничего не знала.

— Значит, я ношу вашу фамилию?

— Да. Но это не имеет значения. Документы у меня подлинные.

— А где Март? В письме Перро сообщал о Марте...

— О нем знать тебе не следует. Всю работу будешь вести через меня.—Эрих полуобнял девушку:—Теперь скажи что-нибудь и назови меня на «ты».

— Очень трудно так сразу,— смущенно улыбнулась Ютта.

— Тебе ли говорить об этом, старый товарищ?.. Ну, давай смелей, сестренка!

— Эрих... Надо же так встретиться! — только и смогла произнести Ютта.

— Я ехал к тебе,— проговорил Эрих, поддерживая игру.

— Ты ранен?

— Пустяки! Какой-то сумасшедший обстрелял наш «дорнье». Зато теперь на фронт не возьмут. Списан подчистую. Навсегда.

— Так идем же ко мне!

— Нужно сначала попасть на вокзал. Там я оставил вещи.

По дороге Эрих рассказал, что в Лехфельде придется остаться ему надолго. Он займется каким-нибудь делом и будет жить с ней.

— Понятно,— сказала Ютта.— Я сделаю все для тебя, Эрих.

Дома она познакомила Эриха с дочерью профессора. Эрика приняла живейшее участие в судьбе Юттиного «брата».

— Может быть, я скажу папе и он порекомендует Эриха на аэродром? Ведь Эрих — авиатор. У него, разумеется, надежные документы?

— Признаться, фрейлейн, мне порядком надоели самолеты, да и боюсь я с такой-то ногой...

— Но у вас нет другой специальности.

— Будет. Ведь я немного фотограф.

— Прекрасно! — воскликнула Эрика.— У нас с вами одно и то же увлечение!

— Где ты собираешься жить? — спросила Ютта.

— Помоги мне снять квартиру.

— Кажется, в особняке фрау Минцель, где живет Зейц, пустует первый этаж? — спросила Эрика, глядя на Ютту.

— Меня бы это устроило. На первом этаже удобней соорудить ателье.

— Я поговорю с Зейцем,— пообещала Ютта.

5

Вальтер Зейц растерянно прошелся по кабинету и снова в недоумении остановился перед радиоприемником. Секунду назад он услышал сообщение английского агентства Рейтер о том, что Рудольф Гесс — первый заместитель фюрера по партии, второе по положению лицо в государстве — 10 мая приземлился на шотландском побережье.

Сообщение было туманным. Наверное, те, кто сочинял его, сами были удивлены сногсшибательным, беспрецедентным в дипломатической истории поступком Гесса. Второй фюрер Германии — и вдруг перелетел в страну врагов. Один! На «Ме-109»!

Зейц вспомнил, что Рудольф Гесс провел у Мессершмитта несколько дней. На аэродроме он тренировался в полетах, изучал навигацию и погодные сводки, интересовался людьми, которые жили в Англии и могли бы стать полезными Германии.

Но ведь с Британией давно уже шла война, а из Греции англичане спешно эвакуировали свои войска в Африку и Гибралтар!

Зейц сначала заподозрил «второго коричневого фюрера» в измене, но потом подумал, что есть какой-то таинственный смысл в этом темном деле. Он, правда, мало верил в то, что Гитлер лично мог разрешить подобный полет, однако, зная Гесса как фанатичного вождя германского национал-социализма, остановился на том, что поступок Гесса, по-видимому, был продиктован особыми интересами рейха.

Утвердившись в этой мысли, Зейц стал размышлять дальше. Сами англичане не раз намекали, что британские интересы в Восточной и Юго-Восточной Европе номинальны, а решение колониального вопроса не представит серьезных затруднений, если германские требования ограничатся прежними немецкими колониями. «Значит, Гитлер решил договориться о мире с Британией и воевать на единственном фронте — на русском,— подумал Зейц.— После Польши, Норвегии, Бельгии, Голландии, Франции, Дании, Югославии, Греции подошла очередь России».

Зейц сжал кулаки и ударил по массивному рабочему столу:

— Вот зачем и прилетел Гесс в Англию!

В это время в передней он услышал робкий звонок.

В дверях стояла Ютта, скромно опустив свои лукавые глаза.

— Извините, не ожидал! — сказал Зейц, смущенно застегивая рубашку.— Прошу...

Ютта присела на старое кожаное кресло и пристально посмотрела в глаза Зейца.

— Чем могу служить, Ютта?

— Видите ли, когда мой дядюшка Клаус...

— А-а, Рюбецаль... Бедный горный дух?

— Да что вы знаете о Рюбецале? — невольно вырвалось у Ютты, но тут же девушка замолчала, ругнув себя за несдержанность.— Так вот когда дядюшка Клаус умер,— продолжала она,— у тетушки остались я и мой старший брат Эрих Хайдте. Мы вынуждены были сами искать себе занятие. Эрих окончил техническую школу и стал бортмехаником. Он воевал еще в Испании, потом в Польше получил медаль за варшавскую кампа-

нию, но был ранен в небе над Англией. Сейчас он приехал ко мне и хочет остаться в Лехфельде, заняться здесь делом.

— Каким, если не секрет?

— Хочет открыть фотоателье. Но ему надо снять помещение. Нижний этаж у вас пустует. Не могли бы вы порекомендовать тетушке Минцель моего брата?

— Для вас, Ютта, я сделаю это,— проговорил Зейц, полуобняв девушку за плечи.— Ведь вы даже не подозреваете, какие мы друзья. Ну, что вы так смотрите на меня? Мы будем помогать друг другу. Хорошо? Пусть Эрих придет ко мне. Я должен с ним познакомиться поближе.

— Он будет сегодня же.

Глава шестая

МАРТ ВЫХОДИТ НА СВЯЗЬ

Итак, после захвата Крита до начала войны с Советским Союзом оставалось 20 длинных июньских дней. Уже стягивались к восточным границам войска, грохотали составы по железным дорогам, на аэродромы Румынии, Венгрии, Чехословакии и Польши приземлялись самолеты, подходили танковые армии и рассредоточивались в приграничных лесах, а фашисты, опьяненные ошеломляющими успехами в Европе, задумали осуществить еще один план — напасть на Россию со стороны Ирака и Турции.

Как раз в это время в Ираке вспыхнул мятеж. Прогитлеровски настроенный премьер-министр Рашид Али Гайлани выступил против режима британского протектората и призвал на помощь германские войска. Разумеется, мятежники обещали передать все аэродромы в распоряжение люфтваффе и обязывались снабжать самолеты горючим. Специально перекрашенные в оранжевый цвет пустыни бомбардировщики эскадры «Генерал Вевер» и тяжелые истребители отрядов «Летающих акул» направились в Ирак.

Но англичане, позволившие фашистской Германии проглотить одну за другой балканские страны, вдруг проявили неожиданное упорство. Когда встал вопрос о

судьбе одной из жемчужин британской короны — Ирака с его богатейшими нефтяными месторождениями,— тут у Сити не могло быть двух мнений. В Ирак были стянуты необходимые силы. Завязались бои. А время шло. Приближалось роковое 22 июня. Оранжевым самолетам пришлось перебираться в Румынию. Уже вступал в действие план «Барбаросса».

На рассвете воскресного июньского дня 190 дивизий — пять миллионов солдат и офицеров, три тысячи танков, около пяти тысяч самолетов — ринулись на русскую землю.

«Я уничтожу Советы за три—шесть недель»,— заявил Гитлер фельдмаршалу Боку.

Ну, а потом?

Гаулейтер для особых поручений фон Корсвант разработал план, согласно которому Германии должны были отойти огромные территории в Африке, Азии, на Арабском Востоке. Конечно, все европейские страны, Англия с Канадой, а также традиционно нейтральные государства Швеция и Швейцария.

Для захвата Соединенных Штатов существовал особый план — проект «Урзель». Он предусматривал оккупацию Азорских островов, бомбардировку городов Америки с воздуха и торпедирование с подводных лодок. Последние снабжались ракетами Вернера фон Брауна [1], главного конструктора в Пеенемюнде. Эрнст Хейнкель даже построил тяжелый бомбардировщик «Хе-116», который совершил беспосадочный полет дальностью 10 тысяч километров. А фирма «Юнкерс» выпустила самолет «Ю-390», покрывший без посадки расстояние от Берлина до Токио.

Разумеется, все эти планы могли бы стать реальностью после выполнения первоочередной задачи — уничтожения России.

1

«Наши доблестные войска овладели вчера городами Витебск, Молодечно, Фастов. Красная Армия беспорядочно отступает... Наша авиация безраздельно господ-

[1] Теперь фон Браун — «ракетный король» Соединенных Штатов.

ствует в воздухе...» Металлический голос Геббельса, казалось, завладел всем Тиргартеном. Он рвался из репродукторов, установленных на каждом перекрестке парка.

С того места, где стоял Март, хорошо просматривалась вся аллея. Пятая слева. В этот предвечерний час она пустовала. Занята была лишь одна скамья. Но человек, сидевший на ней, не мог быть тем, которого он ждал. Это был Эвальд Регенбах, начальник отдела в контрразведке люфтваффе — «Форшунгсамт». Его появление здесь было невероятным, противоестественным.

«Ловушка? Очевидно, ловушка. Значит, Перро, кто бы он ни был, уже схвачен. И все сказал. Так? Нет, не так».

Это второе допущение было еще более невероятным.

«Надо думать. Если Перро предал, то пришел бы сюда сам. Так надежнее. Им же нет смысла брать меня сразу. Значит?.. Во всяком случае, если это ловушка, за мной уже следят. И то, что я не подойду к нему, будет подозрительно само по себе. Наше знакомство ни для кого не секрет.

А главное — и это действительно главное — Перро не мог предать. Если делать такие допущения, вся моя работа теряет смысл, все эти годы — никому не нужный кошмар. Нельзя не верить в себя, не верить в тех, кто рядом. Я обязан верить. И обязан делать допущения.

Если перестраховаться сейчас, можно спасти себя, уйти от них, но зачем тогда все? Покинуть свой пост, свой окоп. Отступить?»

Ему отступать некуда.

«Я пройду мимо этой скамейки и окликну его. Или подожду, пока он окликнет сам! Нет, он углубился в чтение, ничего не видит, не слышит. Нужно сесть рядом, как условлено, вынуть газету «Франкфуртер цайтунг», расслабиться. А вдруг он наш? Почему это кажется мне невероятным? Наоборот. Именно так все и должно быть. А разве ему будет легче поверить мне?»

Он окликнул его раньше, чем уселся на скамью, и успел поймать мгновенное выражение неприязни в дружелюбно изумленных глазах.

Регенбах незаметно скомкал программу бегов, сунул ее в портфель.

— Вы, наверное, ждете здесь даму? Не хотел бы вам мешать,— сказал Регенбах.

— Почти угадали, но у меня еще уйма времени.

— А мое уже истекает. Я должен идти.— Регенбах поднялся.

— Подождите минуту. Мне показалось, я видел у вас программу воскресных бегов. Вы знаток?

Каждой нервной клеткой своего тренированного организма Март ощущал невероятное напряжение, владевшее собеседником. Но в эту минуту он никак не мог ему помочь. Разве что абсолютным, невозмутимым спокойствием.

— Когда-то увлекался. Сейчас захожу редко.

— Покажите мне программу.

Регенбах не верил. Не мог, не хотел верить. Но что-то заставило его снова сесть, открыть портфель, достать и протянуть Марту программу. Он был совершенно спокоен, невозмутим, как всегда.

— Так, четвертый заезд. Вы ставите на Арлекина? — спросил Март.

— Хочу рискнуть,— ответил Регенбах.

— А я думаю поставить на Пэрро. Во всяком случае, мой давний знакомый дядюшка Клаус поступал только так.— Март развернул «Франкфуртер цайтунг».

— Я очень рад, Март,— тихо сказал Регенбах.— Здравствуйте.

Они помолчали, заново привыкая друг к другу.

— Я получил для вас письмо, а также инструкцию относительно вашей работы в дальнейшем. Действовать вы будете по-прежнему самостоятельно. Связываться с Директором — тоже сами. В Лехфельд направлен к вам Эрих Хайдте под видом брата Ютты. Он и Ютта — радисты. Из Лехфельда удобнее вести передачи. Рация находится там же. При первой возможности попытайтесь съездить туда. На меня рассчитывайте лишь в крайних случаях или при дублировании особо важной информации.— Регенбах вынул из портфеля пачку сигарет: — Возьмите. Здесь код, волны, частоты, время сеансов.

— Все?

— Директор просил сообщить, что вам присвоено очередное воинское звание.

Март молча наклонил голову.

— Простите, вы русский? — Регенбах сжал его локоть.

— Да, русский. Москвич.

— Я знаю, вам тяжело. Держитесь, москвич. Я очень верю в Москву. В Москву фашизм не пройдет.

...Вечером Март прочитал письмо Директора. «От Директора Марту. Устанавливаю связь. Предлагаю усилить работу. Интерес представляют: стратегические планы главного верховного командования, в первую очередь направления ударов трех групп войск — фон Лееба, фон Бока, фон Рунштедта, оперативные планы люфтваффе, включая направления основных ударов бомбардировочной авиации, расположение складов бензина и дизельного масла, местонахождение Гитлера и основных штабов, перемещения дивизий, новая техника, потери живой силы и техники, настроение гражданского населения. «Почтовые ящики» прежние. В случае изменения сообщу дополнительно. Директор».

И ни строчки больше...

2

Мы солдаты! Мы солдаты!
Мы красивые ребята!
Все девицы непременно
Вешаются на военных.

Эрих Хайдте с треском захлопнул окно и, пока по мостовой не протопал батальон, стоял, прижавшись спиной к прохладной стене.

«Итак, началось... Сидеть и ждать, что получится из этой драки,— не могу. Драка будет страшная и долгая».

Эрих вышел из ателье и, опустив монету в автомат, позвонил Ютте. Она была ему нужна. Потом он вернулся к себе, прошел в фотолабораторию, освещенную тусклым красным фонарем. Стены Эрих предусмотрительно обклеил фотографиями красоток, переснятых с трофейных французских журналов. На полках стояли банки с химикатами, лежали коробки с фотографической бумагой.

Под промывочной ванной было небольшое отверстие. Туда он засунул пакет с негативами снимков са-

молетов и зацементировал тайник так, что ни один полицейский не догадался бы о нем.

Другие сведения, раздобытые Эрихом, надо бы передать по радио. Но у него пока не было рации. За ней надо ехать в Аугсбург.

Трижды прозвенел звонок. Второй сигнал прозвучал чуть длиннее первого и третьего. Условный знак Ютты. Эрих открыл дверь и вывесил табличку о том, что ателье закрыто на обед.

Ютта тоже была встревожена сообщением о начале войны с Россией, победными сводками первых часов русской кампании. Радиорепортеры уже успели побывать в танковых и воздушных армиях, в частях, ведущих бои с пограничными войсками, и теперь громогласно вещали о близком поражении Красной Армии.

— Все это чушь,— сказал Эрих и прошел из угла в угол.— Русских им не победить.— Эрих остановился напротив Ютты.— Понятно?

Ютта кивнула головой. Из-под опущенных ресниц она наблюдала за шагающим из угла в угол Эрихом. Тот морщил лоб и ерошил седые волосы, как всегда, когда сердился. Она сидела перед ним смущенная, как школьница. И, как школьница, теребила подол широкой клетчатой юбки.

Когда отца увезли штурмовики, Ютта жила сначала у тетки в Берлине. А потом перешла на нелегальное положение. Но скоро ее выследили и посадили в концлагерь. Оттуда удалось бежать. Друзья достали ей новые документы. Фашисты только начинали заводить картотеки на граждан рейха, и, воспользовавшись неразберихой первого года «нового порядка», удалось настоящее дело активной функционерки молодежной коммунистической организации Ютты Раус заменить не менее настоящим делом активистки нацистской партии Ютты Хайдте.

В Аугсбурге она окончила школу радистов первого, высшего класса и стала работать на метеорологической станции в Альпах. Но это занятие скоро наскучило ей. В один из отпусков друзья свели ее с человеком, который назвался Перро. Он устроил Ютту в рекламное бюро. Здесь она позировала, снималась с военными, помогала хозяину в фотолаборатории.

Часто в бюро заходила Эрика Зандлер. Она любила

щелкать, а проявлять, закреплять, печатать — терпения не хватало. Да и рук фрейлейн Зандлер было жалко. Сначала Ютта приходила к ней помогать печатать фотографии, а потом Эрика уговорила отца взять Ютту в дом секретаршей, а вернее, горничной. На нее легли все заботы по дому. Ютта не противилась. Кухарка была бы лишней. Иногда профессор просил ее попечатать на машинке, иногда диктовал.

— Место у тебя пока надежное,— сказал Эрих.— И ты хорошо держишься, Ютта. Но когда все складывается слишком удачно, жди удара. Ты сидишь слишком близко от пекла, чтоб тобой не заинтересовались черти. Вот это и плохо. Допустим, Зейц рано или поздно захочет удостовериться в твоем прошлом. Ты-то свою биографию хорошо знаешь?

— Я не девочка,— обиделась Ютта.

— Подожди. Не красней. А тетя Марта? Дядя Клаус? Кто они?

— Тетя Марта и правда живет в Берлине. Только я не пишу ей. А дядя Клаус действительно умер прошлым летом.

— С тетей надо увидеться как можно скорее и начать настоящую переписку. Ясно?

— Да.

— С тобой я буду теперь встречаться у Зандлера. Здесь надо видеться как можно реже. Постараюсь сделать так, чтобы мои визиты выглядели естественно. Дом Зандлера нам нужен еще и потому, что сам профессор вне всяких подозрений. Перепроверен трижды три раза. Да и вообще весь как на ладони. Рацию у Зандлера искать не будут.

— Рацию?

— Да, Ютта, теперь нам нужна рация. Без нее мы ничего не значим. Даже ту информацию, которую имеем, не можем передать. Рация у меня есть, но в Аугсбурге. Как ее привезти сюда?

— Привезти несложно...

— Как?

— Я уговорю Эрику поехать развлечься, ее машину проверять никто не станет.

— Это мысль. Но когда?

— Хоть сегодня вечером,— рассмеялась Ютта.— Эрика обожает развлечения.

...Но рация, которую привезли из Аугсбурга, не работала. Слишком чуток и нежен был ее механизм, чтобы выдержать бесконечные путешествия с места на место, пребывание в сырых подвалах, в земле, в привокзальных камерах хранения. Некоторые лампы вышли из строя, и достать их в Германии было невозможно.

Много дней и ночей проколдовали Ютта с Эрихом над рацией, пытаясь вернуть ей жизнь, но тщетно.

— Это равносильно дезертирству! — негодовал Эрих.— Мы выбываем из борьбы в тот момент, когда в нас особенно нуждаются товарищи! Нуждается Март, которому я обязан оказывать помощь в первую очередь!

— Но что поделать, если рации этой системы такие ненадежные,— пыталась успокоить его Ютта.

— Все равно нам нет оправданий! Товарищи рискуют жизнью, но работают! На, читай! — Эрих выхватил из-под стопки пачек с фотобумагой листовку.

«22 июня Гитлер своим подлым и вероломным нападением на Советский Союз совершил тягчайшее преступление по отношению к немецкому народу, которое приведет Германию к величайшей катастрофе...— начала читать Ютта и невольно опустила глаза на подпись: «Коммунистическая партия Германии».— Единственное спасение для немецкого народа — это положить конец войне. Но для того чтобы покончить с войной, надо свергнуть Гитлера. Пока Гитлер и его банда будут у власти, война не прекратится. И горе нашему народу, если он до конца свяжет свою судьбу с Гитлером, если мы, немцы, сами не наведем порядок в своей стране, а предоставим другим народам очищать Европу от фашистской чумы».

Ютта медленно опустила листовку на колени и задумалась. Эрих стоял, отвернувшись к окну. Ютта обратила внимание, что по-стариковски белая голова Эриха плохо гармонировала с его крепкой, загорелой шеей. «Кто ты такой, мой названый брат? — подумала она.— Наверное, немало испытал ты, если не вовремя поседел...»

Вдруг Эрих повернулся к девушке:

— Скажи, знаешь ли ты людей, на которых можно положиться?

Ютта покачала головой, задумалась, перебирая в

памяти лица знакомых. Вспомнила одного добродушного механика с аэродрома. Он как-то помогал ей нести белье из прачечной, много рассказывал о себе, о детях, сетовал, что сыновья на фронте. Вот, если б он помог! Он работает на аэродроме, а раздобыть рацию можно только там. Но она почти не знает этого человека.

— Мне кажется, рацию добыть можно на аэродроме Зандлера,— не совсем уверенно проговорила Ютта.

— Кто поможет? Уж не Зейц ли? — усмехнулся Эрих и добавил серьезно: — Если у тебя есть план, скажи о нем. Только ничего не предпринимай одна. Таков приказ Перро.

— Пока у меня нет никакого плана,— ответила Ютта.— Но я подумала об одном человеке, который там работает. Это Карл Гехорсман, механик на аэродроме Зандлера. Впрочем, это опасно, кто знает, что у него на уме. Вот бы ты с ним познакомился, он частенько заходит в пивную «Фелина».

— Хорошо, я пригляжусь к нему,— подумав, сказал Эрих.— Рация нам позарез нужна. Март объявился и передал письмо, а мы немы как рыбы...

Эрих не знал Марта. Перро лишь сказал, что он объявится, когда в этом возникнет необходимость. Для связи с Мартом Эрих подыскал надежный «почтовый ящик», и он уже заработал.

3

В баре пахло тушеной капустой, кислым пивом, табачным дымом и дешевыми духами. Визжала радиола. Танцевали солдаты из батальона обслуживания и охраны. Их подружки в коротких юбках клеш энергично работали локтями.

Карл Гехорсман потягивал пиво.

— Почему эти парни остались в тылу, а мои сразу попали на Восточный фронт? — неожиданно спросил он Эриха.

— Эти тоже там будут,— ответил Эрих.— Гитлеру надо много солдат.

— Ты думаешь, с Россией надолго?

Эрих пожал плечами:

— Россия — это не Европа. Слишком большой кусок.

— Что верно, то верно... На каждого немца двое русских... Я работал там в двадцать пятом по соглашению с Добролетом. На их линиях летали наши пассажирские «юнкерсы», я их обслуживал... С хорошими ребятами работал...— Гехорсман замолчал.

Эриху показалось, что он даже увидел, как в большой рыжей голове Карла заворочались мозги.

За несколько встреч Эрих близко сошелся с механиком. Теперь он говорил с ним по-приятельски, не особенно таясь. Гехорсман — простой рабочий. Он не из тех, кто выдает. И все же заводить с ним разговор о рации пока рискованно.

— А теперь те русские ребята воюют с нашими,— продолжал Карл.— Как-то нехорошо получается.

— Мы же сами захотели вырвать у них кусок хлеба.

— Кто «мы»? Я? Ты? — возмутился Гехорсман.

Эрих выдержал длинную паузу, потом медленно проговорил:

— Такой кусок они не проглотят...

— И нечего было лезть на Россию и гнать моих ребят.— Гехорсман достал из внутреннего кармана френча фотографии сыновей и рассыпал их веером.— Ты хорошо увеличил фото, Эрих. Мальчишки вышли как живые.

— А ты не боишься потерять их?

— Потерять?.. Как потерять? — Глаза Карла округлились.— Разве я не лез в самое пекло, не шнырял по свету за лишним пфеннигом, чтобы только прокормить их? Чуть не залез в петлю, когда у нас был кризис... Смешно ты говоришь — потерять...

— Но теперь они принадлежат фюреру. А фюрер говорит: «Я с легким сердцем и твердой душой посылаю молодежь на смерть, когда этого требует Германия!»

Гехорсман в сердцах резко хлопнул ладонью по столу:

— В первую очередь они принадлежат мне! С фюрером мы не знакомы... Когда-нибудь и у них будут семьи и дети... И им не придется ломать горб, как ломал их отец.

— Дай-то бог, чтобы ребята уцелели,— проговорил Эрих,— выпьем за это!

Гехорсман судорожно схватил кружку и залпом выпил.

— Я видел, к вам сел транспортник... Прилетел кто? — безразлично спросил Эрих.

— На ремонт прилетел. Ребята загнали машину к самому лесу и разобрали по косточкам...

4

Зейцу удалось затушить пожар, который мог бы разгореться из-за пропажи радиостанции с транспортного самолета «Юнкерс-52», который ремонтировался в мастерских Лехфельда. Весть об этом непременно дошла бы до Берлина, и тогда оберштурмфюреру не сносить головы. Во всяком случае, его положение сильно пошатнулось бы. К счастью, дело удалось замять. Это было выгодно и инженеру снабжения, и самому Зандлеру. Они даже верить не хотели в существование какой-то «красной» организации. Но Зейц понял — не в игрушки же кто-то собирался играть с мощной радиостанцией. Может быть, она понадобилась агенту англичан, а может, и русских?

Трехмоторный транспортный самолет «Ю-52» стоял в дальнем углу аэродрома, недалеко от небольшого орехового леса. Ночью этот участок тщательно освещался, и двое часовых не могли не заметить похитителя. Радиостанция и часть приборов лежали под левой плоскостью самолета на листах дюраля и были накрыты брезентом. Когда механики установили переборки отсека бортрадиста, они подняли брезент и увидели, что радиостанции нет.

Зейц стал опрашивать всех, кто так или иначе был связан с ремонтом «Ю-52» или кто находился на аэродроме в рабочие часы. Он заинтересовался Гехорсманом. Он запомнил его еще по Аугсбургу, на митинге Гесса.

Гехорсман злорадно захохотал, выпучив синие глаза с белесыми ресницами:

— Вы думаете, что Карл Гехорсман способен на воровство? Вы очень ошибаетесь! Карл Гехорсман всю жизнь работал, чтобы прокормить семью. И слава богу, поставил своих детей на ноги. Они теперь солдаты фюрера, господин оберштурмфюрер, добрые солдаты.

Понемногу распутывая, казалось бы, безнадежное

дело, Зейц пришел к выводу, что рация была похищена в полдень, когда механики уходили на обед, а посты часовых на день вообще снимались. Похититель, видно, хорошо знал эти порядки. Он проник к аэродрому через лес, прополз по густой траве к «юнкерсу» и унес радиостанцию. «Это был кто-то посторонний,— решил Зейц.— Кто же? Дорого бы я заплатил тому, кто сработал так чисто. Он, наверное, не нужен сам себе так, как нужен мне...»

5

В доме тихо и пусто. Профессор остался в Аугсбурге. Эрика уехала в Мюнхен. Ютта осторожно прошла к себе в комнату. Поставила чемодан и буквально упала на диван. От тяжести болели руки, ныла спина. Медленно, метр за метром, она обследовала свою комнату. Ну что ж, все ясно. Передатчик удобнее всего разместить в нише за комодом. Антенну надо протянуть под обоями и через дымоход камина вывести на крышу. Все сделает Эрих.

В чемодане детали передатчика и приемника были обернуты в бумагу. Эрих потрудился.

...В три часа ночи Ютта надела наушники и включила передатчик. Тихо засветились красноватые огоньки лампочек. Худенькая, прозрачная рука легла на телеграфный ключ и отстучала адрес. Это были просто кодовые числа и буквы. Но тот, кто в этот момент дежурил у приемника, настроенного на единственную, известную только двум радистам волну, понял, что эти обыкновенные числа и буквы обращены к нему. Он быстро отстучал ответ — готов перейти на прием.

«Кру-стх. 81735. 31148. 79863. 10154...» — стремительные точки-тире полетели в эфир, побеждая пространство, расчищая себе дорогу через хаос звуков и волн.

«От Марта Директору. Выхожу на связь. Мессершмитт усиленно работает над созданием реактивных самолетов. Основные бомбардировщики люфтваффе: «Хейнкель-111» и «Юнкерс-88». Данные — два мотора по 1400 л. с., взлетный вес 14 тонн, экипаж — 4 человека, скорость — 400—450 км/час, бомбовый груз — 2—3 тонны, дальность полета — 3 —4 тысячи километров. Об остальных типах самолетов сообщу дополни-

тельно. После налета дальних бомбардировщиков на Берлин вводится световая маскировка. Ложные огни сооружаются в 30 километрах северо-восточней. Жду указаний. Март».

6

Эвальд фон Регенбах долго стоял, посвистывая, у карты Европы, истыканной флажками свернутых и развернутых фронтов. Флажки подбирались к правому краю карты. Он достал сводку, переколол несколько булавок. Одна воткнулась в черный кружочек, наименованный Смоленском. Ниточкой Эви смерил расстояние до Москвы. Засвистел погромче. На этот раз марш из «Гибели богов».

Постучав, вошел Коссовски.

У Коссовски лихорадочно горели глаза, на лбу выступила испарина. Когда капитан вытирал лоб тыльной стороной ладони, алый шрам на виске напрягался, как стрела в арбалете.

— Вы больны, Зигфрид, и перегружаете себя работой. Так нельзя. Посидите дома, полечитесь,— сказал Регенбах.

— В такое время? Мы на пороге величайших событий.

— У вас жар, Зигфрид. Вы на пороге госпиталя. Поверьте, фельдмаршал фон Бок возьмет Москву и без вас.

— Я прошу оставить меня на службе.

Коссовски вызывающе стоял по стойке «смирно». Регенбах подошел к нему, подвел к креслу, усадил:

— Как хотите. Тогда у меня есть для вас небольшой подарок. Маленькая, очень маленькая подпольная радиостанция в Аугсбурге. Аугсбург ведь по вашей части? Коньяк у Мессершмитта пьете? Отрабатывайте.

Регенбах достал из сейфа бутылку, налил две рюмки, пододвинул одну Коссовски. Тот выпил залпом. Регенбах лишь пригубил.

— Я только что от Геринга. Он собирал нас по поводу «Роте капеллы» [1]. Гитлер в ярости. Требует самых

[1] «Роте капеллой» гитлеровцы называли подпольную организацию немецких антифашистов, действовавших на территории Германии во время второй мировой войны.

экстренных мер. От функабвера[1] докладывал генерал Тиле. В августе они засекли еще полтора десятка передатчиков. В том числе в Аугсбурге. Но основные центры передач — Берлин и Брюссель. Поэтому на периферию мониторов не дадут. Искать придется вслепую. Гестапо отдало распоряжение искать по своим каналам. Но вам придется подключиться. Во всяком случае, рапорт с нашими соображениями надо представить немедленно. Есть вопросы?

— Выявлен характер сообщений?

— Ни черта они не выявили. Всю техническую документацию получите у капитана Флике из функабвера. Еще что?

— Больше вопросов не имею.

— А у меня есть один. Этот Зейц, эсэсовец,— вы ведь, кажется, с ним работали?

— Да, в Испании.

— Вот-вот. Так что он там делал?

— Это было не очень опрятное задание. Не хочется вспоминать. Поверьте, я имел к этому косвенное отношение.

— Не чистоплюйствуйте.

— Зейцу было поручено организовать контрабандный вывоз валюты.

— Да, хорошенькое дельце. И он преуспел?

— Сначала у него не ладилось. Чуть было не влип в историю. Но выпутался. Ему удалось отправить в Германию довольно крупную сумму.

— Через вас?

— Через меня.

— Вам не кажется подозрительным, что этот Вайдеман снова работает с Зейцем?

— Вайдеман, безусловно, очень порядочный парень.

— Редкая характеристика в ваших устах... Ну, все.

Коссовски направился к двери, но, сделав два шага, обернулся и медленно, как будто преодолевая боль, спросил:

— Я слышал, вас вызывал Удет. Это секрет?

— Не от вас, Зигфрид. Он попрощался. Уезжает на

---

[1] Функабвер — немецкая служба радиоперехвата.

днях в Бухлерхох [1]. Хочет починить почки. Но я думаю, генерал-директор сюда уже никогда не вернется. Мильх его съел и обглодал. Свалил на него всю неудачу в воздушной войне с Англией.

— А рейхсмаршал? — спросил Коссовски.

— Больше всего Удет обижен на Геринга. Считает, что «железный Герман» должен был за него заступиться. А вместо этого — санаторий. Почетная отставка. Закуривайте.— Регенбах пододвинул ящик с сигарами.

— Спасибо, воздержусь.

— Геринг сам ищет, на кого бы свалить всю вину за неудачи.

— Он-то застраховался, все ищет компромиссов,— согласился Коссовски.

— Говорят, что рейхсмаршал предупреждал фюрера о том, что люфтваффе не в силах выиграть две кампании сразу,— продолжал Регенбах.— Фюрер обещал через шесть недель вернуть весь воздушный флот на Ла-Манш.

— И Геринг поверил? — усмехнулся Коссовски.

— О чем вы спрашиваете, Зигфрид?

— Выходит, Удет — конченый человек?

— Посмотрим.

Коссовски потер двумя пальцами шрам, поморщился:

— Вы знаете, господин майор, что второй заместитель Геринга фельдмаршал Мильх — еврей?

— Я знаю, что он заставил свою мать поклясться на распятии, что она изменяла мужу и что он внебрачный сын чистокровного арийца.

— Кто в это поверит!

Эвальд подождал, не скажет ли Коссовски еще чего-нибудь, но тот молчал.

— Вы считаете, что Удету стоит еще побороться? — Теперь Регенбах сделал упорную паузу.

— А почему бы и нет?

— Он на это не пойдет. Тем более, что действовать придется в обход Геринга. Нет, Удет не согласится.

— Но эту операцию смог бы провести Пихт через свои каналы,— проговорил Коссовски.

[1] Санаторий для высших чинов третьего рейха в Шварцвальде.

— Пихт?! — удивленно воскликнул Регенбах.— Вы все-таки убеждены, что он связан с гестапо? Похоже. Но зачем ему? И потом, Зигфрид, я не пойму, вы, кажется, очень хотите свалить Мильха? По силам ли вам подобная операция? И кто за ней стоит?

Коссовски побелел:

— Германии нужен другой человек на его месте. Мильх — хороший исполнитель. Не больше. Он слеп. Он не видит завтрашнего дня. Он не знает, куда вести производство. Он никогда не найдет контакта с промышленностью.

— С промышленниками, Зигфрид,— поправил Регенбах.— Вы имеете в виду Мессершмитта?

— Не его одного. Мильх тормозит развитие немецкой авиации. И мы еще за это поплатимся.

— Вы опять бредите, Зигфрид. Что за странные перепады? Только что вы били в барабан, теперь поете отходную. Вашему патриотизму не хватает системы, Зигфрид.

— А вашему, майор, веры.

— Ба! Я верю в Германию!

— В какую Германию, господин майор?

Глава седьмая

НЕБО СТАЛЬНОГО ЦВЕТА

Имперский пресс-шеф доктор Отто Дитрих в начале ноября 1941 года выступил по радио. Все радиостанции Германии работали на берлинской волне. Если отбросить победную шумиху и хвалебные восторги перед гением фюрера и мужеством немецких солдат, то Дитрих довольно подробно обрисовал картину на русском фронте.

Наступление на Москву командующего группы армий «Центр» фон Бока развивалось следующим образом: вторая танковая армия Гудериана нанесла стремительный удар по Орлу. Танковая группа Гота прорвалась севернее Вязьмы и соединилась с группой Геппнера. «Танковые клещи» и на этот раз сработали без отказа. Советские части в районе Вязьмы и Брянска попали в

окружение. Дорога на Москву была открыта. Русские объявили столицу в осадном положении.

По директиве Гитлера фон Бок отдал приказ о разрушении города авиацией и артиллерийским огнем с последующим выходом пехоты к Московской окружной дороге.

Из частей СС были сформированы особые отряды для захвата Кремля, наркоматов, радиостанций и телеграфа.

Гитлеровское командование даже «позаботилось» о московском дикторе Юрии Левитане, которому предстояло объявить по берлинскому радио о падении советской столицы.

Передовые отряды вермахта подошли к Крюкову и Истре, а танкетка разведгруппы 62-го саперного батальона ворвалась на речной вокзал Химки. Столь ощутимая возможность окончания русской кампании придала силы даже последнему немецкому солдату, уставшему от изнурительных кровавых боев.

1

В приемной Удета темно и неуютно, под стать настроению генерал-директора. Удет тяжело переносил сообщения о трудных боях под Москвой. Нависал запой.

Пихт, сидя за конторкой, подумал, что скоро его адъютантские обязанности окончательно сведутся к откупориванию бутылок.

Призывный звонок прервал его размышления.

— Вы звали меня, господин генерал? — спросил Пихт, остановившись на пороге.

Боковые бра в кабинете генерала были выключены. Свет падал от верхней люстры и сильно старил Удета, подчеркивая синие, набрякшие мешки под глазами.

— Завтра, Пауль, я отбываю в Бухлерхох, полечусь.— Удет сморщился.— А сейчас мы с тобой съездим на аэродром в Фюрстенвальде.

— Но погода...

— Осталось мало времени, лейтенант. Хочу взглянуть на трофейные русские машины.

Пауль помог надеть плащ на покатые, тяжелые плечи Удета. Генерал и Пихт спустились по широкой

мраморной лестнице к вестибюлю мимо застывших часовых с серебряными аксельбантами.

«Мерседес» около часа пробирался по тусклым, серо-зеленым улицам.

Они уже утратили мирный вид. Шли люди, шли солдаты, раненые. Из казенно-торжественного центра машина попала в кирпичный заводской район, потом нырнула в буроватую зелень, в пригород — край кладбищ. У кладбищ промелькнули свои окраины — солидные мастерские по изготовлению памятников. Они выставляли напоказ гранитные, бронзовые и мраморные образцы. Они не боялись конкуренции — Германия воюет и, разумеется, будет достойно хоронить своих героических сынов. За кладбищами побежали ветлы, липы, скучные городишки. Потом «мерседес» вырвался на автостраду Берлин — Франкфурт. Вдоль автострады тащились камуфлированные танки, конные повозки, артиллерийские тягачи.

— И все это на восток,— сердито проговорил Удет.— У тебя нет такого чувства, Пауль, что мы так и просидим всю войну в тылу?

— Признаться, побаиваюсь,— ответил Пихт.— Скоро Россия встанет на колени. Хотя я слышал, у русских отвратительные дороги...

Удет ничего не ответил. Он нагянул поглубже фуражку и отвернулся к боковому стеклу, за которым темнели колонны солдат.

В пяти километрах от Фюрстенвальде автомагистраль раздваивалась. Одна из дорог была перекрыта, и въезд разрешался только по специальным пропускам. Не хватало аэродромов, и прямая, широкая магистраль стала отличной взлетной полосой.

Вдоль дороги по обочинам стояли светло-зеленые истребители с большими красными звездами на крыльях и фюзеляже.

Навстречу «мерседесу» вышел офицер с петлицами флаг-майора. Он приложил руку к козырьку и стал рапортовать, но Удет махнул рукой и, ни слова не говоря, направился к русским самолетам. Он по привычке толкнул шасси носком сапога:

— На этих катафалках русские собирались воевать с «мессершмиттами»?

— Это образцы старых марок, господин генерал,—

ответил флаг-майор,— бипланы «И-153», бомбардировщики «СБ».

— А где новые?

— К сожалению, нам не удалось пока добыть ни одного образца.

— Но есть ли они у русских? — повысил голос Удет.

Флаг-майор нахмурился и, подумав секунду, отчеканил:

— Да, есть. Это истребители «МИГ», «ЯК», «ЛАГГ», пикирующий бомбардировщик «ПЕ-2», штурмовик «ИЛ-2». Этих машин у русских пока мало. Но в Сибири, по-видимому, они разворачивают сейчас их производство.

— В Сибири?! — нервно расхохотался Удет.— А когда они прибудут на фронт?

Флаг-майор перевел взгляд на Пихта.

— Я вас спрашиваю, майор!

— Скоро...

Удет вспомнил, когда по распоряжению Геринга показывал самолеты люфтваффе русской авиационной делегации на аэродроме Иоганнисталь у Берлина. Это было всего два года назад. На линейке стояли бомбардировщики, истребители, самолеты-разведчики, пикировщики — все, что выпускала Германия. Перед каждой машиной по стойке «смирно» вытянулись экипажи — летчики и механики. Для начала Удет предложил провезти над аэродромом главу делегации со странной фамилией Тевосян. Тот сел вместе с Удетом в самолетик «шторх». Удет прямо со стоянки взмыл вверх, покружил над аэродромом и с блеском пригвоздил «шторх» на место, чему очень удивились русские. Они произвели на Удета хорошее впечатление. Воспоминания о том солнечном и приятном дне несколько успокоили его. Он подошел к тупорылому истребителю «И-16», тихо похлопал по его фанерному боку:

— Этот самолетик был одним из лучших истребителей мира. Его испытывал русский ас Чкалов. Правда, давно. В тридцать третьем году...

— Но от него здорово доставалось нашим «хейнкелям» в Испании,— сказал Пихт.

— Правильно! «И-16» умел летать и стрелять, но сейчас он безнадежно устарел.

— Не скажите,— возразил флаг-майор.

— Заправьте его. Я сам посмотрю, на что он годен.

— Облачность низкая, господин генерал. Я очень прошу вас не рисковать,— выступил вперед Пихт.

— Не беспокойся, Пауль. Удет тоже умел летать и стрелять.

— Может быть, вы посмотрите на пленных русских летчиков? — предложил флаг-майор.

— Хорошо.— Удет поправил галстук и направился к бараку неподалеку, опутанному колючей проволокой.

— Встать!—закричал часовой, вскидывая автомат.

На нарах зашевелились люди в синих и защитных, цвета хаки, гимнастерках. Они неторопливо спрыгнули на холодный цементный пол. Лица русских были бледны и давно не бриты. На голубых петлицах большинства летчиков краснели по два или три сержантских угольника. У некоторых пленных совсем не было сапог, и они, переминаясь, стояли в воде, протекавшей сквозь дырявую крышу.

— Ну и вид! — нахмурился Удет, оглядев весь ряд.

Он остановился перед молоденьким сержантом с длинной шеей и плечами подростка.

— Спросите, на каком самолете летал этот заморыш?

Флаг-майор перевел вопрос.

— На «Чайке»,— ответил пленный.

— Ты дрался с нашими «мессершмиттами»?

— Не успел. Я возвращался из отпуска.

Удет подошел к пожилому летчику с капитанской шпалой.

Тот поднял глаза и презрительно улыбнулся, показав окровавленные десны.

— Капитан еще не проронил ни слова,— сказал флаг-майор.— Человек с нечеловеческим терпением.

— Что вы собираетесь с ними делать? — спросил Удет.

— Они проходят специальную обработку,— ответил флаг-майор.— Многие из них знают то, о чем мы еще и не догадываемся. Но они молчат. Нам бы хотелось завербовать их после победы над Россией для войны против Англии.

— А если вы ничего не добьетесь?

— Тогда их придется расстрелять.

— Расстрелять...— задумчиво повторил Удет.— Какое легкое слово «расстрелять»...— Вдруг его глаза оживились. Он повернулся к сопровождающему офицеру: — Майор, приготовьте «мессершмитт». Заправьте бензином и зарядите пулеметы русского истребителя. Я встречусь в воздухе с этим пилотом.— Удет кивнул на пленного капитана с окровавленными деснами.

— Не могу, господин генерал.

— Можете, майор! С каких это пор мне возражают младшие по чину?!

— Этот русский готов на все.

— Выполняйте приказ! — выходя из себя, закричал Удет.

Флаг-майор вышел распорядиться о заправке русского истребителя.

— Разрешите мне сопровождать вас,— сказал Пихт.

— Не бойся, Пауль! Я очень скоро расправлюсь с русским,— самодовольно проговорил Удет.

Вернувшись, флаг-майор подошел к пленному капитану:

— С вами хочет встретиться в бою генерал Удет — лучший ас Германии. Вы согласны?

Капитан кивнул головой.

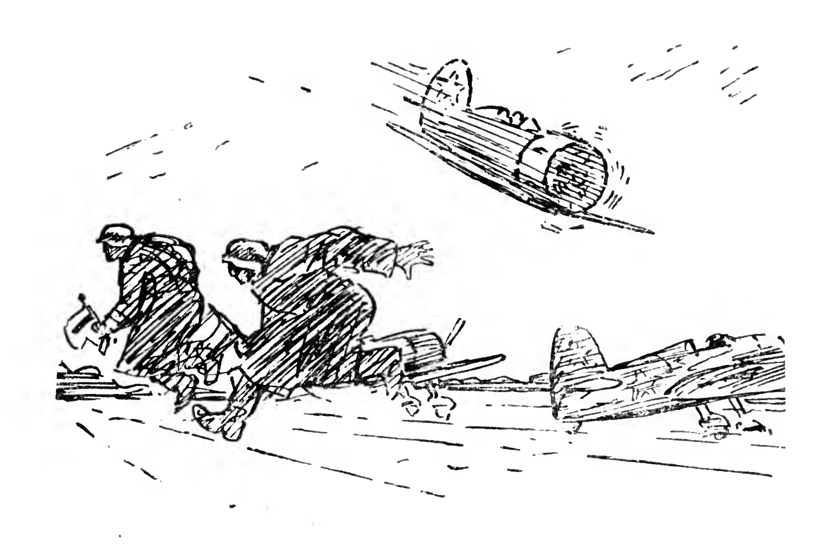
— Вы с ума сошли, флаг-майор! — воскликнул Пихт, когда Удет и русский капитан в сопровождении автоматчика вышли на аэродром.

— Не беспокойтесь,— усмехнулся флаг-майор.— Как только русский взлетит, у него кончится горючее.

«Значит, они угробят капитана»,— подумал Пихт, отворачиваясь.

Маленький, короткокрылый истребитель рванулся по взлетной полосе. За ним поднялся «мессершмитт» Удета. Пихт, провожая взглядом «ястребок» с алыми звездами, подумал о том, что пленный капитан уже увидел приборы и догадался, что у него в баках мало горючего и никуда он не сможет улететь.

Истребитель Удета быстро обогнал «ястребок» и, перевернувшись через крыло, вышел в исходное положение для атаки. Русский не имел преимущества ни в скорости, ни в высоте. «Мессершмитт» отрезал его и от

облаков, где бы русский мог скрыться и внезапно напасть на «мессершмитта». Тогда «ястребок» помчался к земле. Удет бросился за ним, поймал краснозвездный истребитель в прицел и дал очередь. Но капитан сманеврировал, круто бросив машину вверх. «Мессершмитт» проскочил мимо. В этот момент «ястребок», сделав петлю, повис у него на хвосте.

Пихт услышал стрельбу пулеметов. Флаг-майор дернул Пауля за рукав:

— Оглянитесь. Русские интересуются поединком.

За обтянутыми колючей проволокой окнами Пихт разглядел истощенных русских, с напряженным вниманием следящих за воздушным боем.

«Ничего вы не увидите»,— подумал он и закурил сигарету.

До его слуха донесся тугой вой «мессершмитта». «Ястребок» вхолостую вращал винтом — у него кончилось горючее. Удет мог бы стрелять, но он не открывал огня. Сильно раскачивая машину с крыла на крыло, он пытался приблизиться к русскому, хотел понять, что случилось. Но «ястребок» уже вошел в пике и быстро мчался к земле. На высоте не больше двухсот метров русскому удалось выровнять самолет. Со свистом «ястребок» промчался над крышей барака и врезался

в ряды своих же самолетов. Взрыв сильно толкнул воздух. Черное облако взвилось в небо.

— Пожар! — закричали техники, бросаясь к шлангам и огнетушителям.

Удет выключил мотор, откинул фонарь и устало спустился на землю. Он был мрачен и зол.

— Как вас зовут? — спросил Удет подбежавшего флаг-майора.

— Шмидт.

— Вы мне оказали дурную услугу, Шмидт. Кажется, последнюю...

— Я не хотел неприятностей,— пробормотал флаг-майор.

— Отныне вы будете фельдфебелем, Шмидт... Только фельдфебелем! — Удет отвернулся и зашагал к своему «мерседесу».

На обратной дороге он молчал. Лишь когда машина въехала в Берлин и покатила по набережной Руммельсбурга, Удет спросил:

— Куда же ты без меня денешься, Пауль?

— Не понимаю вас...

— Ну, мало ли что может случиться со стариком Удетом... Да и не все время боевой летчик будет сидеть на адъютантской должности.

— Если я вам надоел...

— Брось, Пауль,— перебил Удет.— Говори прямо, куда ты хочешь попасть?

— Не знаю. Наверное, на фронт.

— Сколько людей в России?

— Около ста семидесяти миллионов.

— И они все такие... фанатики?

— Я не был в России, но боюсь — большинство.

— Какой глупец внушил фюреру мысль начать войну с Россией, не расправившись с Англией?! Это роковая ошибка! И все они,— Удет ткнул пальцем вверх,— все они жестоко поплатятся за это безумие!..

Генерал-директор замолчал.

Пихт осторожно посмотрел на его пепельно-серое лицо. Смутная тревога овладела им, как всегда в предчувствии большой беды.

2

«От Марта Директору. Мессершмитт модифицирует свой основной истребитель. Новое обозначение «Ме-109Ф». Увеличена мощность двигателя, скорость, броневая защита. В ближайшее время резко увеличивается выпуск поршневого истребителя «Фокке-Вульф-190» с двигателем воздушного охлаждения. В первых сериях для секретности предусмотрена мина, уничтожающая самолет при аварийной ситуации. Для «Ме-262» поступили турбореактивные двигатели «БМВ 109-003» и «Юнкерс-Юмо-109-004», развивающие тягу до тысячи килограммов. Испытания назначены на конец ноября. Март».

Ютта откинулась в кресле, прислушалась. Все тихо. Она убрала рацию, подошла к туалетному столику, показала язык своему испуганному отражению. «Чего трусишь, худышка? Все в порядке, выигран еще один бой».

3

24 ноября 1941 года, как всегда в начале седьмого, капитан Альберт Вайдеман подъехал на своем «оппеле» к небольшому, укрытому за высоким железным частоколом особняку на Максимиллианштрассе. Как всегда преодолев мальчишеское желание перепрыгнуть

через перила подъезда, он степенно поднялся по ступенькам и постучал пузатым молоточком в гулкую дверь. Он живо представил себе, как сейчас возникнет перед ним лукавое личико Ютты, как она примет у него фуражку и скажет при этом: «Капитан, я вижу у вас еще семь седых волосков». А он ответит: «Выходит, всего сто восемьдесят пять. Я не сбился? Еще каких-нибудь три дня — и я получу обещанный поцелуй!» Эта игра, случайно начавшаяся с полгода назад, по-видимому, веселила обоих. Капитан «седел» все более быстрыми темпами.

Он постучал еще раз. Но за дверью было тихо. «Ютты нет,— подумал он разочарованно,— потащилась куда-нибудь с Эрикой. А профессор? Ведь он ждет меня».

Два раза в неделю профессор Зандлер знакомил своего главного испытателя с основами аэродинамики реактивного полета.

«Профессор наверху и не слышит,— догадался Вайдеман.— Нужно стучать громче».

Он со всего размаха хватил молотком по дубовым доскам.

— Ну и силища! Вам бы в кузницу, господин капитан,— раздался за его спиной насмешливый голос Ютты. Она стояла у подъезда, искала в сумочке ключ.— Вы уж простите меня, капитан. Бегала в аптеку. Фрейлейн Эрика заболела. Второй день ревет.

— Что же так взволновало бедняжку? Выравнивание фронта под Москвой? Или смерть генерала Удета? Его уже похоронили.

— Неужели вы так недогадливы? Ведь вместе с Удетом разбился Пихт! А Эрика влюбилась в него с первого взгляда.

— О, это большое несчастье,— насмешливо покачал головой Вайдеман,— но откуда у вас такие сведения? В официальном бюллетене о смерти Пихта нет ни слова.

— Он же обязан сопровождать генерала...

— Ему сейчас не до любви, поверьте. Можете успокоить фрейлейн Эрику. Я думаю, что Пихт жив.

— Он не разбился вместе с генералом?

— Никто вообще не разбивался. Удет покончил с собой. Пустил себе пулю в лоб в своей спальне.

— Ой! Пойду обрадую Эрику!

— Самоубийство национального героя — сомнительный повод для радости, фрейлейн Ютта. Я буду вынужден обратить на вас внимание господина оберштурмфюрера Зейца.

— А он уже обратил на меня внимание, господин капитан! Вот так! — Ютта сделала книксен и побежала наверх.

Вайдеман огляделся. Прямо на него уставился с обернутого черным муаром портрета бывший генерал-директор люфтваффе Эрнст Удет.

«А ведь этот снимок Эрика сделала всего полгода назад»,— вспомнил он.

— Альберт, вы пришли? Поднимайтесь сюда! — крикнул Зандлер.

На лестнице Вайдеман столкнулся с Эрикой.

— Альберт, это правда?

«Счастливчик Пихт,— искренне позавидовал он.— С ума сходит девчонка».

— Всю правду знает один бог.— Вайдеман помедлил.— И конечно, сам господин лейтенант.

— Он не ранен? — В интонации, с которой Эрика произнесла эту фразу, прозвучала готовность немедленно отдать последнюю каплю крови ради спасения умирающего героя.

— Я не имел чести видеть господина лейтенанта последний месяц. Все, что я видел,— так это его «фольксваген». Час назад он стоял у подъезда особняка Мессершмитта.

«Сколько же во мне злорадства! — подумал Вайдеман.— Ишь как ее корежит! А чего я от нее хочу?»

— Я думаю, что сломленный горем Пауль приехал к нашему уважаемому шефу, чтобы попроситься у него на фронт.

— Как вы страшно шутите, Альберт. Ведь вы его друг.

— Больше чем друг. Я обязан ему жизнью.

Вайдеман щелкнул каблуками. Но Эрика вцепилась в него:

— О, правда? Расскажите, как это было?

— Меня ждет профессор.

— Папа подождет. Пойдемте ко мне. Когда это было и где?

— Это было в Испании...

Комната свидетельствовала о неустоявшихся вкусах ее хозяйки: вышивки, сделанные по рисункам тщедушных девиц эпохи Семилетней войны, соседствовали с элегантными моделями самолетов. Рядом с дорогой копией картины Кристофа Амбергера висела мишень. Десять дырок собрались кучкой чуть левее десятки.

— Это моя лучшая серия,— сказала с гордостью Эрика.— Я тренируюсь три раза в неделю в тире Зибентишгартена.

Она зашла за голубую шелковую ширму. Горбатые аисты строго глядели на Вайдемана, как бы взывая к его добропорядочности. Он отвернулся и увидел в зеркале, как аисты благосклонно закивали тощими шеями. Голубой шелк волновался.

— Я слушаю, Альберт. Вы сказали, что Пауль спас вас в Испании. Он мог погибнуть?

— Все мы там могли погибнуть,— нехотя буркнул Вайдеман.— А спас он меня, выполняя свой воинский долг. Республиканцы нас зажали в тиски, один их самолет вцепился в мой хвост. Но Пауль отогнал его и вытащил меня из беды.

— Видите, он настоящий герой! Вы подружились с ним в Испании?

— Нет, раньше, в Швеции.

— Как интересно! А что вы делали там?

— Об этом вам лучше расскажет господин лейтенант. Он обожает рассказывать дамам о своих шведских похождениях. Вот, легок на помине. Кажется, я слышу внизу его голос.

— О Альберт, идите же к нему! Подождите! Скажите, я сейчас выйду.

Пихт, как полчаса назад Вайдеман, стоял, задрав голову перед портретом Удета, выдерживая его мертвый взгляд.

— У вас в доме еще остался черный креп? — повернулся он к Ютте.

— Да.

— Вчера, Альберт, в Бреслау разбился Вернер Мельдерс. Он летел с фронта на похороны. Его сбили свои же зенитчики.

Оба летчика и Ютта молча перевели взгляд на порт-

рет Мельдерса. Широкоплечий, широколицый полковник Мельдерс улыбался снимавшей его Эрике.

— Мельдерс командовал всеми истребителями легиона «Кондор» в Испании, Ютта. Мы с Паулем выросли под его крылом.

— Я принесу креп,— сказала Ютта.

Оставшись вдвоем, они испытующе оглядели друг друга.

— Ну и гусь,— сказал Пихт.— Прижился?

— Ты с похорон? — спросил Вайдеман.— Как это выглядело?

— Пышно и противно. Самую проникновенную речь произнес Геринг. Его записывали на радио. Гитлер не выступал.

— Ну, а что говорят?

— Кессельринг довольно громко назвал Удета дезертиром. Генерал Штумпф утверждает, что он давно замечал симптомы сумасшествия. Но многие подавлены. Йошоннек, начальник штаба люфтваффе, сказал мне: «Теперь я его понял».

— Его убила Москва?

— Москва его доконала. Русские начали ломать нашим авиаторам хребет, и Удет не мог вырвать самолеты для Западного фронта... Поэтому он много пил. И не мог влиять на события. Со стороны все выглядит намного мрачнее. Он не увидел выхода в будущем и обвинил себя за прошлое. В конце концов, смерть эта оказалась для многих выгодной. Виновник наказан собственной рукой. Он обелил других перед фюрером.

— Что станет с тобой? Ты был у Геринга?

— Да, я передал ему бумаги Удета, последнее письмо. Он налился кровью, когда читал. Но ко мне отнесся благосклонно. Сказал: «Кажется, вы говорили, и не раз, что на почве алкоголя у генерала наблюдается помутнение разума?» Я подтвердил. Он приказал мне представить обстоятельный доклад экспертам. Вчера он подозвал меня, сказал, что понимает мою скорбь, поздравил с капитанскими кубиками на погонах и разрешил взять месячный отпуск для поправки здоровья. Кстати, Геринг распорядился, чтобы никто, кроме гробовщика, не видел лица Удета...

— И ты сразу кинулся к Мессершмитту?

— С чего ты взял?

— Ты заезжал сегодня к Вилли?

Пихт расхохотался:

— Альберт! Контрразведка по тебе плачет. Я завез его секретарше посылку из Берлина. А уж если говорить серьезно, я попросился к нему в отряд воздушного обеспечения.

В это время дверь кабинета открылась и вышел профессор Зандлер.

— Добрый вечер, профессор. У вас цветущий вид,— проговорил Пихт.

— Добрый вечер, господин Пихт. Сочувствую вашему горю. Это потеря для всех нас. Я очень ценил генерал-директора...

— Мне казалось, профессор, что генерал-директор не очень одобрял избранное вами направление работ. Не так ли?

— Его оценка менялась. Господин главный конструктор говорил мне, что генерал Удет очень внимательно прислушивался к его доводам в защиту реактивной тяги. Да и здесь, в этом доме, генерал проявил большую заинтересованность в моих исследованиях. Я не сомневаюсь...

— Конечно, вам, господин профессор, лучше меня известна точка зрения покойного генерала. Но разве для вас секрет, что после посещения Удетом Аугсбурга и Лехфельда министерство еще раз потребовало категорического исполнения приказа Гитлера о восемнадцатимесячной гарантии начала серийного производства?

— Сегодня мы можем дать такую гарантию.

— Как! Ваш «Штурмфогель» уже летает?

— Он взлетит завтра,— сухо сказал Зандлер.— Извините, господин Пихт, мне очень нужен господин капитан. Альберт, я вас жду.

«Старый козел начал взбрыкивать,— подумал Пихт.— Неужели дело идет на лад?»

Он окликнул Вайдемана:

— Альберт! Ты и вправду собрался завтра подняться на зандлеровской метле?

— Ну да!

— Пари, что завтра тебе не удастся оторваться от земли.

— Ящик коньяка!

— И ты навсегда откажешься от всей этой затеи? Поверь, она пахнет гробом.

— Нет, не откажусь. Отвечу тоже коньяком. Так что завтра в любом случае перепьемся. С вашего разрешения, фрейлейн,— сказал Вайдеман, уступая дорогу Эрике.

— Вы живы, лейтенант? — спросила Эрика, сияя.

— Извините, уже капитан,— поправил ее Пихт.— Я не мог умереть, оставляя после себя вдову. Строгий немецкий бог не простил бы мне подобного легкомыслия в исполнении столь важной национальной задачи. Здравствуйте, Эрика! Я привез вам «Шанель».

4

Утром слегка подморозило. Вчерашний ветер нагнал на взлетную полосу опавшие листья. Механики расчехлили самолет задолго до рассвета и начали предполетный осмотр двигателей.

Поеживаясь, Карл Гехорсман регулировал клапаны подачи топлива и думал об Эрихе Хайдте, брате Ютты. «Что заставляет парня рисковать? Сидел бы в своем ателье и копил марки, если уж ногу покалечил. Может, Гитлер и правда победит, тогда немцы получат в России большие наделы и заживут лучше. Почти каждый верит в это. Может, и я заведу себе хозяйство. Ха-ха, «Образцовое хозяйство Карла Гехорсмана с сыновьями»...»

Гехорсман покрутил головой, представив себя в необычной роли.

Работая в 1925 году в России и обслуживая самолеты Юнкерса, летающие по договору с Добролетом на пассажирских линиях, Карл ничего не имел против русских и теперь чувствовал, что русские сумеют постоять за себя.

«Только ребятишек жалко. Написать бы им, чтобы они сматывались из России, пока целы».

Налив ведро бензина, Гехорсман вымыл руки и отступил назад, любуясь серебристым «Штурмфогелем». Истребитель каждой своей линией был устремлен вперед.

«А ведь если такой самолет пойдет в серию, он натворит дел»,— вдруг подумал Карл.

Новая мысль поразила его. Гехорсман вытер руки паклей и подошел к Вайдеману. Тот сидел на ящике от запасных частей и курил, дожидаясь вылета.

— Ну, кажется, все готово, господин капитан,— сказал Гехорсман.

Подошла машина Зандлера, остановилась около «Штурмфогеля». Профессор, нервно потирая руки, потребовал снова открыть капоты, чтобы лично убедиться в готовности двигателей. Под плоскостями, как и прежде, стояли «БМВ 109-003», а в носу — поршневой тысячесильный «Юмо-211».

После осмотра Зандлер подошел к Вайдеману:

— Альберт, как и в прошлый раз, попытайтесь только взлететь. Рекорды ни мне, ни тем более вам не нужны, если они оканчиваются катастрофой.

— По-моему, я рискую большим,— проговорил, усмехнувшись, Вайдеман...

— Все рискуем...

Истребитель начал разбег. Альберт чуть потянул ручку на себя, но машина не испытала желания взлететь. Конец взлетной полосы стремительно летел навстречу. Через две-три секунды взлетать будет поздно... Вайдеман еще раз рванул ручку на себя. «Штурмфогель» опустил хвост и на скорости сто шестьдесят километров в час оторвался от бетонки.

«Норовистый же, чертенок»,— мелькнула мысль.

Под крылья понеслись фонари аэродромного ограждения, кустарник, небольшое крестьянское поле, ореховый лес. Вдруг на высоте сорока метров обрезало правый двигатель. Самолет, как утлая лодочка, шарахнулся в сторону. Вайдеман интуитивно выключил левый двигатель. Теперь гудел только поршневой «Юмо».

— Опять что-то стряслось с двигателями,— передал Вайдеман, вытирая лоб перчаткой.

— Попробуйте набрать высоту, развернуться и сесть,— посоветовал Зандлер.

— Ладно.

«Юмо» тянул изо всех сил, но для него все же был тяжеловат цельнометаллический корпус «Штурмфогеля».

Над за́мком Блоков Вайдеман развернулся и пошел на посадку.

Глава восьмая

АБВЕР ПОДНИМАЕТ ТРЕВОГУ

«Мы знаем, что советский народ победит. Он будет бороться на своих самолетах, в своих горах, вдоль своих рек и озер, над своими морями до тех пор, пока всеразрушающее шествие фашистских сил не сгинет во тьме истории».

Начальник штаба четвертой полевой армии, наступавшей на Москву, генерал Гюнтер Блюментритт прочитал перехваченную телеграмму и покосился на подпись. Ее автором был некто Карлис Ламонт, председатель американского Совета по вопросам отношений с СССР. Впервые ему пришла мысль, что русская кампания может окончиться такой же катастрофой, какую потерпел Наполеон.

Надежды вывести Россию из войны в 1941 году провалились 6 декабря, когда Жуков бросил войска в мощное контрнаступление. Сначала русские нанесли удар севернее Москвы, форсировав канал Москва—Волга и разгромив левый фланг танковой группы генерала Рейнгардта. Одновременно они атаковали четвертую танковую группу.

В последующие дни русские разбили вторую танковую армию Гудериана.

Вся гигантская машина, которая стальной лавиной шла на Москву, забуксовала в снегах. После отчаянных боев она покатилась обратно.

Второй воздушный флот, брошенный на русскую столицу, только за двадцать дней, с 16 ноября по 5 декабря, потерял около полутора тысяч самолетов.

На памяти Блюментритта это было первое жестокое поражение во всех кампаниях, которые вела Германия за время второй мировой войны.

Над оскандалившимися гитлеровскими командирами разразилась катастрофа. 19 декабря 1941 года Гитлер снял с поста главнокомандующего сухопутными войсками Вальтера фон Браухича. Гудериану было приказано убираться в тыл, в резерв. Командующий третьей танковой группой генерал-полковник Геппер был разжалован и лишен всех чинов и отличий. Такая же участь постигла командиров помельче.

1

Капитан функабвера Вернер Флике удовлетворенно хмыкнул. Наконец-то! Операция, ради которой он уже третий месяц сидит в Брюсселе, близится к концу. Почти все это время он провел у распределительных щитов подстанции Эттербеека, одного из пригородов бельгийской столицы. Терпения у него хватило, и вот награда.

Когда, еще летом, выяснилось, что наиболее мощная подпольная радиостанция, передающая сведения на восток, находится в Брюсселе, сюда прибыл целый отряд мониторов — радиопеленгаторов. Но они засекли район лишь приблизительно: где-то в Эттербееке. И тогда Флике засел на подстанции. Начиналась передача, и он последовательно выключал дом за домом, квартал за кварталом, улицу за улицей. И вот сегодня, 13 декабря, удача. Выключен очередной рубильник, и морзянка исчезла. Неизвестная станция смолкла.

Впрочем, уже известная. Адрес точный: одна из трех двухэтажных вилл на Рю де Аттребэте.

Флике включил рубильник. Сейчас в комнате, где ведет передачу таинственный радист, снова зажегся свет, радист выругался и положил руку на ключ. Да, в наушниках снова затрещала морзянка. Флике посмотрел на часы: 23.15.

В 23.20 два взвода СС выгрузились из машин. Солдаты натянули на сапоги носки, неслышно окружили три виллы.

В 23.30 благонамеренные жильцы вилл на Рю де Аттребэте были разбужены одиночными выстрелами.

В 23.32 их сон был окончательно нарушен длинной автоматной очередью.

В 23.33 глухой взрыв заставил их выскочить из кроватей и осторожно подойти к широким, до блеска вымытым окнам...

Но больше уже ничто не нарушало пригородную тишину. Поругав беспокойных немцев, потревоженные владельцы вилл вернулись к приятным сновидениям.

В 23.45 командир роты СС докладывал капитану Флике: «Их было трое: двое мужчин и девушка. Живыми взять не удалось. В камине найдены обгоревшие страницы трех книг на французском языке».

«Маловато,— подумал Флике.— Придется завтра продолжить обыск».

На другой день во время обыска эсэсовцы задержали пожилого бельгийца, постучавшегося в дверь виллы. Он оказался скупщиком кроличьих шкурок, и его пришлось отпустить после допроса.

Поздно вечером, 14 декабря, Перро принял радиограмму Центра: «От Директора Перро. По сообщению Кента, вчера разгромлена брюссельская радиостанция. Возможно, захвачен шифр. Переходите на третью запасную систему. Чаще меняйте место передач и время сеансов. Директор».

Такую же радиограмму в этот день получила в Лехфельде Ютта Хайдте.

2

Каждый раз, переступая порог «лисьей норы», полковник Лахузен, начальник второго отдела абвера, перебирал в уме английские поговорки. Старый лис — адмирал Канарис считал себя знатоком английского народного языка и любил, когда подчиненные предоставляли ему возможность проявить свои знания.

Адмирал стоял у окна, вертел в руках знаменитую бронзовую статуэтку трех обезьянок. Одна держала лапу у глаз, как бы смотря вдаль, другая приложила ладонь к уху, третья предостерегающе поднесла палец к губам.

— Я всегда считал эту вещицу символом абвера — все видеть, все слышать и молчать. Не так ли? — спросил адмирал. Он поставил статуэтку на стол.— Садитесь, полковник. Вы слышали, чтобы обезьяны перебегали в чужие стаи? Не слышали?

Лахузен посмотрел через голову адмирала. На стене висела японская гравюра — беснующийся дьявол. Рядом две фотографии: генерал Франко (в верхнем углу размашистая дарственная подпись) и злющая собачонка — любимица адмирала такса Зеппль.

— Полковник, вы, конечно, слышали, что дешифровальный отдел сумел раскодировать значительное количество радиограмм, посланных агентами большевиков с начала войны до тринадцатого декабря. К сожалению, затем они сменили код, и пока ни одной новой станции не захвачено. Судя по радиограммам, против нас действует не одна, а десятки подпольных организаций или, что менее вероятно, одна организация с многочисленными филиалами. Анализ передаваемой информации показывает, что советская разведка имеет доступ к самым жизненным центрам империи. Ее достоянием становятся сведения и решения, известные весьма узкому кругу лиц. Общая ответственность за ликвидацию этой угрозы возложена фюрером на Гейдриха. Но...— Адмирал потер руки.— ...Но и мы не можем остаться в стороне. Тем более, что здесь затронута честь мундира. В списке людей, неоднократно имевших

доступ к переданной информации, есть двое сотрудников отдела контрразведки люфтваффе.

— Кто же?

— Майор фон Регенбах и капитан Коссовски.

— Это невозможно.

— Вы хотите за них поручиться?

Полковника передернуло.

— Я сказал, что не верю своим ушам. Эвальд фон Регенбах...

— У нас нет стопроцентной уверенности в предательстве кого-то из них, но факты... Факты весьма уличающие. Во всяком случае, нам надлежит разобраться в этом деле раньше, чем спохватятся молодчики Гейдриха.

— Вы поручаете мне установить слежку за обоими...

— Слежка не помешает. Но одной слежки мало... Впрочем, имеем ли мы право вмешиваться в дела, относящиеся к компетенции контрразведки люфтваффе?.. Пусть они сами расхлебывают эту кашу.

— Как! Вы хотите...

— Вот именно, полковник. Вы очень догадливы последнее время. Пожалуй, я смогу рекомендовать вас в качестве моего преемника.

— О, господин адмирал...

Лахузен приподнялся со стула.

— Сидите. Вернемся к нашим обезьянкам. Я вас слушаю.

— Вы предлагаете, чтобы они cook their own goose? — Лахузен припомнил старую английскую пословицу.

— Совершенно точно, полковник. Пусть они сами изжарят своего гуся. Побеседуйте с ними на досуге. По-видимому, именно среди них нам следует искать русского агента, подписывающего свои донесения именем Перро. Вы знаете, кто такой Перро?

— Французский сочинитель сказок. Красная Шапочка и Серый волк.

— Вот именно. Сказку вам придется переделать. Серый волк съедает Красную Шапочку, и никакие охотники ей не помогут.

У Канариса дрогнули уголки рта, и Лахузен позволил себе рассмеяться.

— Еще один момент, Козловски...

— Коссовски, господин адмирал.

— Да, Коссовски... В сферу его деятельности входит общий надзор за обеспечением секретности работ фирмы «Мессершмитт АГ». Так вот, как свидетельствуют эти радиограммы,— вы прочтете их, полковник,— в Аугсбурге действует весьма энергичная группа русских разведчиков во главе с каким-то Мартом. Он буквально засыпал Москву технической документацией. А вы ведь знаете, чем занимается сейчас Мессершмитт.

— Так точно. Секретным оружием.

— Увы, давно не секретным...

— Значит, Коссовски...

— Коссовски, как и вы, пять минут назад ничего не знал о существовании Марта. По службе, конечно, по службе. По службе он узнает об этом завтра. От вас, полковник. Ясно?

— Слушаюсь.

— Я думаю, он сам догадается направить в Аугсбург подразделение функабвера. Марта нужно унять.

Канарис наклонил голову, давая понять, что инструктаж закончен. Лахузен вышел. Вслед ему со стены корчил рожу черный японский дьявол.

3

В середине января 1942 года на центральном ипподроме Коссовски неожиданно встретил Пихта. Тот стоял у паддока с группой офицеров, оглядывал лошадей.

— Крупно играете, капитан?

Пихт обернулся, обнажил в улыбке сверкающие зубы.

— Зигфрид! Не знал, что ты любишь играть на скачках.

— Я здесь редкий гость. К азарту, ты знаешь, не склонен.

— Идешь по следу? Крупная охота? Международная сенсация: шпион — жокей. Тебе, Зигфрид, надо ставить на темных!

Пихт раскатисто расхохотался. Несколько офицеров заинтересованно обернулись. Коссовски взял Пихта за локоть, отвел в сторону:

— А ты предпочитаешь ставить на гнедых? Не так ли, Пауль?

— Тайна ставок, тайна ставок. Тебе, Зигфрид, эта масть не нравится?

— Я обожаю гнедых. Но что-то не вспомню случая, чтобы они забирали все призы. А к тому же какие жокеи! Мальчишки. Сопляки. Разве это международный класс?

— Ты что-то мрачен сегодня, Зигфрид. Уже успел проиграться?

— Человек, лишь изредка посещающий ипподром, не может позволить себе проигрывать. Я выиграю, как всегда, Пауль!

Ударил гонг. Публика, отхлынув от паддоков, осадила лестницы трибун. Оглушительно, наперебой, закричали букмекеры.

— Посмотрим, как придут. Твоя седьмая? — спросил Коссовски.

— Первая. Точный выстрел. Твоя?

— Одиннадцатая. Алый цветок. Фаворит. Пошли!

«Бег повел Голштинец. За ним Фуриозо. Сбоил Точный выстрел»,— объяснили по радио.

— Можешь выкинуть билет, Пауль,— проговорил Коссовски.

Пихт не ответил. Прильнув к окулярам бинокля, он следил за борьбой на дистанции. Коссовски достал программу, подозвал букмекера.

«С поля на первое место выдвигается Алый цветок, идущий в упорной борьбе с Голштинцем. Сбоил Фуриозо...»

Пихт опустил бинокль, лукаво посмотрел на Коссовски:

— Ты что-то сказал, Зигфрид?

— Поставим вместе, Пауль?

— Что ты предложишь?

— Есть хороший дупль. Свяжем двух фаворитов.

— Это бессмысленно, Зигфрид. Кто-нибудь из них наверняка не придет. Я не люблю дупль. Предпочитаю играть в одинаре против фаворитов.

— Как у тебя идут дела после смерти Удета?

— Завтра окончательно переезжаю к Мессершмитту: у меня, ты знаешь, там невеста. Смотри! — Пауль протянул бинокль.

Растянувшаяся кавалькада приближалась к левому повороту.

«Бег уверенно ведет Алый цветок. На второе место, обойдя сбоившего Голштинца, переложился Точный выстрел. Третья четверть пройдена за тридцать восемь секунд...»

— Все мы начинаем жизнь темными лошадками — и Зейц, и ты, и я,— задумчиво проговорил Пихт.— А кто как закончит? Фавориты обозначаются на финише.

К Коссовски подошел офицер. Сказал, что на его имя пришел пакет с грифом «Весьма срочно. Совершенно секретно».

— Вынужден удалиться. Надеюсь в скором времени увидеться с тобой у нас или в Лехфельде.

— Сказать по правде, не люблю я ваши научные апартаменты. Очень там тихо.

— Зря. Искренне говорю, зря. У нас хорошие ребята. Умницы,— сказал Коссовски, по привычке трогая свой алый шрам.

— Дай им бог здоровья. До свидания.

— До свидания. Желаю выиграть.

Уже уходя с ипподрома, Коссовски услышал, как диктор объявил: «Бег на первом месте закончил Алый цветок, выступавший под одиннадцатым номером».

Коссовски замешкался, раздумывая, не вернуться ли за выигрышем, но потом подозвал такси и попросил отвезти его на Вильгельмштрассе.

Приехав, он получил адресованный ему пакет. Его посылал дешифровальный отдел функабвера. Капитан Флике сообщал дату перехвата радиограммы — 14 января, то есть вчера.

«От Марта Директору,— значилось в радиограмме.— Работы над «Штурмфогелем» продолжаются успешно. Как и раньше, задержка за надежными двигателями. Над ними работает фирма «Юмо». Делаю все возможное, чтобы тормозить работу Мессершмитта над реактивным самолетом. Март».

Эта телеграмма была зашифрована новым кодом и прочитана.

Коссовски встал и нервно прошел по кабинету. После того, как он узнал от Лахузена о существовании Марта и его радиостанции в Аугсбурге, он немедленно

связался с Вернером Флике из функабвера и попросил его лично разыскать подпольную станцию. Мониторы вот уже полмесяца утюжили аугсбургские улицы и окрестности. Но пока Флике не мог напасть на след. Март выходил на связь редко, в разное время суток, что трудно поддавалось анализу и разработке какой-то определенной системы.

Коссовски составил список лиц, имеющих доступ к секретнейшей информации в фирме Мессершмитта. Получился он довольно внушительным — сам Мессершмитт, Зандлер, Зейц, механик Гехорсман, обслуживающий «Штурмфогель», Вайдеман, второй испытатель Фриц Вендель, летчики отряда воздушного обеспечения, Регенбах и он сам — Коссовски.

Не сомневался Коссовски и в том, что точно такой же список мог составить любой сотрудник контрразведки абвера, люфтваффе, гестапо. И разумеется, пристальней присмотрится к Коссовски.

Напротив фамилий условными значками Коссовски обозначил, кто из них и какую информацию мог получить и передать в Москву.

Мессершмитт? Смешно и думать.

Зандлер? Труслив, малоопытен в таких делах, и вообще ему нет никакого смысла работать на русских весьма сомнительным методом. Гораздо проще передать им всю документацию того же «Штурмфогеля».

А его секретарша Ютта Хайдте? Умная, сообразительная девушка. Но она не может знать многого из того, о чем сообщают телеграммы.

Зейц? Коссовски вдруг вспомнил Париж, ресторан «Карусель». Тогда они сидели вместе — Коссовски, Зейц, Пихт и Вайдеман. В словах гарсона, подавшего бутылку, было употреблено слово «март»... Может быть, он звал Зейца? Зейц много знает и не так уж прост, каким старается казаться?

Коссовски много прожил и видел всякое. И все же не думал, что Зейц может быть Мартом. В противном случае он оказался бы суперразведчиком.

Механик Гехорсман? Коссовски раскрыл его дело. Нет, Гехорсман не может. Правда, Зейц пытался связать его имя с пропажей радиостанции у самолета «Ю-52». Но у Гехорсмана оказалось надежное алиби. Его видели в «Фелине».

Вайдеман? С фотографии на послужном списке на Коссовски глянуло широкое большелобое лицо Альберта. Отчаянный парень, твердый товарищ... Далеко же в таком случае пошел капитан Альберт Вайдеман.

Пихт? Коссовски недолюбливал баловней судьбы. Пронырлив, легкомысленно весел, смел до безрассудства, но не слишком умен. Пихт не может быть разведчиком. У него нет терпения и логики, той логики и последовательности, с какой работает Март, водя за нос всю контрразведку люфтваффе.

Регенбах? Милейший салонный Эви... В последнее время Коссовски даже сдружился с Эвальдом — с ним можно было работать, не опасаясь подвоха. Несколько раз Регенбах даже защищал Коссовски, давая самые лестные характеристики своему подчиненному. А это для начальника — редкое качество. Но откуда тогда у него потрясающая осведомленность о деятельности Мессершмитта в далеком Аугсбурге? Что-то Коссовски не помнит, чтобы Регенбах просил какие-либо материалы, касающиеся работы над реактивными самолетами...

Коссовски снял копии с личных дел людей, имеющих доступ к «Штурмфогелю», и начал записывать все, что могло относиться к каждому из них.

В дверь постучали. Коссовски машинально прикрыл газетой бумаги на столе.

Вошел Регенбах.

— Что нового, Зигфрид, сообщает пресса?

— Ерунду,— махнул рукой Коссовски.— Эхо, так сказать, московской битвы. Американцы пишут: «На обагренных кровью снежных полях России сделан решительный шаг к победе». Англичане выражаются еще лестней: «Мощь русских вооруженных сил колоссальна и может сравниться только с мужеством и искусством их командиров и солдат. Русские войска выиграли первый тур этой титанической борьбы и весь свободолюбивый мир является их должником».

— Я не люблю газет,— зевнул Регенбах и положил руку на плечо Коссовски.— А вас не насторожило, Зигфрид, что одна из телеграмм, посланная раньше из Брюсселя, была тоже подписана Мартом?

— Мне кажется, что Март пользовался несколькими станциями — и в Брюсселе, и в Лехфельде. Меня не

удивит, если скоро мы перехватим его берлинскую телеграмму и тоже расшифруем.

— Да, вы правы, капитан.— Регенбах отошел к окну и долго стоял, глядя на низкое берлинское небо.

4

В Берлине Пихт заканчивал свои последние дела. Канительно и трудно промчались те дни. Среди сослуживцев нашлось немало таких, кто с удовольствием соглашался выпить одну-другую рюмку с бывшим адъютантом генерал-директора Удета. Пихт написал рапорт с просьбой отправить его на фронт. Начальник канцелярии рейхсмаршала генерал-майор люфтваффе Димент, с кем Пихт не раз проводил время в обществе с Удетом, без обиняков заявил:

— На фронте пока вам нечего делать. Оставайтесь в штабе.

— Мне не хотелось бы, господин генерал... Здесь все стены напоминают об Удете.

Димент подумал и сказал:

— Пожалуй, вы правы. Но согласитесь, Пауль, война с русскими гораздо тяжелей испанской войны. Гораздо!

— Я готов воевать.— Пихт выпрямился.

Димент развел руками и посмотрел на Пихта, как любящий отец на шалуна мальчишку.

— Вы знаете, с каким уважением я относился к генерал-директору, и ради его памяти я обязан отнестись к вам с должным вниманием.

— Благодарю вас, господин генерал.

— Поэтому...— Димент нахмурился и постарался произнести как можно строже,— поэтому я советую вам устроиться на каком-либо крупном заводе, скажем, у Мессершмитта, Хейнкеля или Юнкерса.

Пихт задумался. Дименту показалось, что он озадачен, вернее, захвачен врасплох этим предложением.

— Что же я буду там делать? — спросил Пихт тихо.

— В перспективе можете стать испытателем, если у вас такое же крепкое сердце и нервы, как прежде.

— У Мессершмитта работает мой друг... Еще с Испании... Но позвольте подумать.

— Разумеется.

Пихт вышел из кабинета и закурил. Сразу же зазуммерил телефон. Адъютант Димента скрылся за дверью и, через минуту выйдя, весело подмигнул Пихту:

— Шеф звонит Мессершмитту о тебе.

«Значит, Димент заинтересован в лишнем глазе в фирме строптивого Вилли»,— подумал Пихт.

Когда он вошел обратно к Дименту, генерал объявил о назначении Пихта, как о деле решенном:

— Надеюсь, Пауль, что вы и впредь не будете порывать связей с министерством. В ваших же интересах. Нам нужно, чтобы у Мессершмитта служил наш человек. Я вас рекомендовал Вилли, и тот с радостью согласился принять вас в летный отряд.

Пихт рассмеялся:

— Вы меня женили, а я даже не видел невесты.

— Поверьте мне, старому волку, что для вас это будет самая легкая и перспективная служба. Да, перспективная. А ваш рапорт с просьбой отправить на фронт я пока положу в ваше же личное дело.

У Вилли Мессершмитта были свои виды на Пихта. Разумеется, он не забыл тех услуг, которые оказывал Пихт в бытность свою адъютантом Удета. Но даже если бы забыл, то сейчас он хорошо знал, что Пихт в какой-то мере останется связанным с прежними сослуживцами и может оказать немало услуг фирме. Кроме того, Пихт в курсе дел других конструкторов, в первую очередь Хейнкеля, и, конечно, он не преминет поделиться об этом с новым шефом, то есть с ним, Мессершмиттом.

...Как только Пихт приехал из Берлина, секретарша, которой обер-лейтенант каждый раз привозил столичные подарки, сразу же доложила о нем Мессершмитту.

— Садитесь, Пауль,— предложил Мессершмитт, но уже не встал навстречу.— Мне звонил Димент, и я готов дать вам любую летную должность. Скажем, испытателем на завод, где строят мои «сто девятые». Или...— Мессершмитт хитровато посмотрел на Пихта,— или в Лехфельд. Мне сдается, что вы большой поклонник новых самолетов.

— Боюсь, мы безнадежно отстаем от того же Хейнкеля,— проговорил Пихт озабоченно.

— Не понимаю,— насторожился Мессершмитт.

— Доктор Хейнкель все же не может отказаться от своей идеи. Он-то, в отличие от наших министерских тугодумов, не считает фантастичным быстро построить реактивный самолет. Больше скажу — бомбардировщик!

Мессершмитт заерзал в кресле, что не скрылось от внимания Пихта.

— Объясните, Пауль.

— Свои двигатели он приспособил на «Хейнкеле-111», и эта каракатица уже летала с поразительной для себя скоростью!

— Черт возьми, а я не могу отыскать подходящие двигатели!

— Мне сдается, что профессор Зандлер...

— Осторожен и стар! Но планер-то он сделал отличный, я не могу поступиться им.

— Но вы можете ускорить испытания, чтобы скорей получить официальный заказ и запустить «Штурмфогель» в серию.

Мессершмитт откинулся на спинку кресла и неожиданно спросил Пихта:

— Вам не приходилось читать Ленина?

— Н-нет. Это имя для истинного немца звучит слишком кощунственно.

— Напрасно. Фюрер, как всегда, перестарался, приказав сжечь книги своих врагов. Так вот, в «Философских тетрадях» Ленин отождествляет здравый смысл с предрассудками своего времени. У тех, от кого зависит наша работа над реактивными самолетами, нет взлета фантазии. «Позвольте, как может летать самолет без винта?» — передразнил кого-то Мессершмитт.— А мы творим, мы не можем не думать о будущем. Словом, мы правы, но слишком фантастичной кажется наша работа сегодня. И если я, поторопившись, разобью еще несколько самолетов, реактивная авиация будет загнана в могилу, так и не родившись. Вы понимаете мою мысль?

— Вполне. И тем не менее, по-моему, надо торопиться вам.

— Теперь «нам».

— Да, нам. Со своей стороны я готов сделать все, что могу.

— Тогда поезжайте в Лехфельд. Там у меня есть вакансия. Пока в отряд воздушного обеспечения. Согласны?

— Слушаюсь.— Пихт пожал руку Мессершмитту и направился к двери.

На улице было морозно. С Альп пришел холод. Снег весело поскрипывал под ногами Пихта, приятно покалывало щеки.

В спортивном магазине Пихт купил пистолет с инкрустированной рукояткой и приказал упаковать в коробку из-под детских игрушек. Для Эрики.

Потом зашел на почтамт и отправил безобидное письмо старому берлинскому приятелю. Что, мол, все складывается хорошо. Получил назначение и с радостью готов служить на новом поприще, ради того чтобы жила и крепла Германия.

5

Двигатели доктора Франца, заказанные Мессершмиттом на моторостроительной фирме «Юнкерс», работали на стендах почти беспрерывно, оглашая аэродром раскатами грома. Если у них окажутся хорошие характеристики, то Мессершмитт закажет сразу большую партию. В таком случае «Штурмфогель» мог бы скоро появиться на фронте.

Профессор Зандлер пошел к испытательным стендам.

Уже вечерело. Солнце отбрасывало длинные косые тени от леса и аэродромных построек. Ветер слабо покачивал флюгер. Зандлер шел, вдыхая чистый мартовский воздух, и думал: «Зачем существуют одержимые люди? Для них нет ни солнца, ни жизни».

Он остановился и стал долго рассматривать одинокий бук — его не срубили сердобольные строители. Он рос рядом с ремонтными мастерскими и стендами, где проводились сейчас испытания. Дерево чуть заметно покачивалось, с набухших ветвей падали капли. Одна капля кольнула лицо Зандлера и скатилась ко рту. Профессор почувствовал горьковатый вкус смолянистой почки и пресный, вяжущий — гари от копоти

двигателей. «Вот и ты, как этот бук»,— подумал Зандлер и пошел дальше.

У входа в мастерские его остановил солдат с автоматом. Этот парень, конечно, давно знал конструктора, но все равно придирчиво осмотрел пропуск и только тогда разрешил пройти к стендам.

Зандлер шагнул в полутемный, содрогающийся от дикого гула цех. От запаха керосина, масла и дыма у него закружилась голова. Тускло горели лампочки. По скользкой лестнице Зандлер поднялся к пульту и увидел дежурного инженера. Тот спал, положив голову на скрещенные руки.

Вдруг Зандлер своим нервным, возбужденным чутьем уловил присутствие кого-то еще. Он взглянул на работающие двигатели и увидел промелькнувшую тень. Зандлер сильно толкнул инженера. Тот спросонья уставился на приборы пульта и сразу заметил, что один из двигателей работает на взлетном режиме. Машинально инженер уменьшил подачу топлива и уставился на встревоженного профессора.

— Немедленно тревогу! — крикнул Зандлер.

Но за грохотом двигателей инженер не услышал его.

Тогда Зандлер сам включил сигнал. В разных концах аэродрома завыли сирены. Все, кто был на аэродроме, бросились к мастерским, где над входом ярко-красным огнем горела лампа.

Растерявшийся солдат у входа не смог сдержать толпу, и несколько человек прорвалось к стендам. Двигатели выключили.

— Оцепить мастерские! Никого не впускать и не выпускать! — приказал Зандлер.— Где Зейц?

Через несколько минут прибежал Зейц.

— Господин оберштурмфюрер, здесь только что кто-то был. Дежурный инженер спал, но, когда я зашел сюда, мне показалась тень вон там.

— Здесь никто не появлялся, клянусь вам,— пробормотал позеленевший от страха инженер.

— Молчать! — оборвал его Зейц и махнул солдатам.

Те бросились шарить по мастерской. Зандлер осмотрел взволнованных служащих. Взгляд его остановился на Пихте:

— Как попали сюда вы?
— Как все, по тревоге.
— Но ведь по тревоге вам полагается быть у своей машины, а не в мастерских.
— Все бежали сюда, ну и мы не удержались! — вышел из толпы Вайдеман, вытирая запачканный маслом рукав френча.
— Вы были вместе с Пихтом?
— Нет, я его не заметил... Впрочем, и вас-то недавно разглядел.
— А вы, Пихт, видели Вайдемана?
— Я?.. Нет.
— Какой двигатель работал на полную мощность? — спросил Зандлер дежурного инженера.
— Третий слева. «Юмо».
— Что нужно сделать, чтобы заставить его работать на полную мощность?
— Двинуть вот этот сектор на пульте.— Инженер потянулся к рычажку с оранжевой рукояткой.
— Не трогать! — крикнул Зейц.
— Около двигателя есть такой же сектор. Управление здесь спаренное,— сказал инженер.
— Мы найдем преступника по отпечаткам пальцев,— проговорил Зейц.
Осмотрев все закоулки мастерской, эсэсовцы никого не обнаружили. Зейц вызвал специалиста по отпечаткам пальцев, переписал всех, кто оказался в этот момент рядом. Оставив усиленную охрану, он проводил Зандлера, вернулся к себе и срочно вызвал Берлин, чтобы доложить штандартенфюреру Клейну о происшествии.

...Профессор плохо спал в эту ночь. Только несколько рюмок коньяка сморили его. Однако проснулся он, как всегда, и появился у себя в кабинете ровно в восемь. Затянувшись сигаретой, Зандлер посмотрел в окно на одинокий бук. «Может быть, у меня вчера была галлюцинация? Просто от сильного утомления причудились чертики?» — подумал он и приказал продолжать испытания двигателей.
Снова по аэродрому покатился грохот запущенных «Юмо». На них больше всего надеялся Зандлер. Они работали хорошо.

«Конечно, показалось». Профессор шагнул к телефону, чтобы сказать Зейцу об этом и вдруг услышал взрыв. С треском вылетело стекло. Зандлер бросился к окну и увидел дым, окутавший мастерские.

— Взорвался на взлетном режиме двигатель,— доложил дежурный инженер.

— Какой?

— «Юмо», на стенде третий слева.

«Все ясно»,— прошептал Зандлер, бледнея.

Рядом действовал агент. Мысленно Зандлер перебрал всех инженеров, техников, летчиков, которых знал: «Кто-то из них, в рабочей куртке или мундире люфтваффе,— враг...»

Дверь в кабинет отворилась, и на пороге вырос Зейц.

— Как я и ожидал, преступник не оставил отпечатков своих пальцев,— возбужденно сообщил он,— но агент все же не успел скрыть следов!

Зейц, стуча каблуками своих великолепных сапог, подошел к столу Зандлера и бросил перчатки:

— Мои люди нашли их в баке с топливом!

Профессор покосился на перчатки — обычные армейские перчатки из темно-серой искусственной кожи.

— Таких перчаток, наверное, у каждого по паре,— усмехнулся он.

— Нет и нет, господин профессор,— засмеялся Зейц.— Во-первых, мы знаем размер руки преступника. Во-вторых, вряд ли кто из техников получал такие перчатки на складе, а если получал, мы легко установим. В-третьих, видите чуть треснутый шов? Преступник имеет привычку сжимать кулаки. Это не все, но уже многое. А вы, господин профессор, не волнуйтесь и продолжайте работу. Как поживает фрейлейн Эрика?

— Спасибо, хорошо.

— Передайте ей привет от меня.— Зейц улыбнулся и, прощаясь, приложил руку к козырьку.

Но Зандлеру не понравился оптимизм оберштурмфюрера. Оставшись наедине, он подумал о неприятностях, которые наверняка свалятся на его несчастный «Штурмфогель». Даже несмотря на явную диверсию, двигатели «Юмо» и «БМВ» не годились для летных испытаний. Они требовали серьезной доводки.

Через несколько дней, не выдержав взлетного режи-

ма, взорвался мотор «брамо». Мессершмитт, занятый совершенствованием модифицированного винтомоторного истребителя «Ме-109» все же нашел время, чтобы серьезно поговорить с Зандлером о будущем «Штурмфогеля». Главный конструктор был недоволен моторостроительными фирмами.

— Вы видите, что нам пишут с фирмы «Юнкерс»? — Мессершмитт швырнул Зандлеру телеграмму.

В ответ на просьбу ускорить постройку новых двигателей фирма сообщала, что она сможет это сделать не раньше, как через восемь месяцев.

— А война идет! — Мессершмитт кулаком ударил по столу, и серебристая модель его любимца «Ме-109» свалилась на пол.— Война идет! Она требует новых и новых машин — надежных и прочных. Лучше, чем у русских!

Глава девятая

ГОЛОСА ЛЕТА

С весны 1942 года после затяжных дождей по всей Европе установился устойчивый антициклон. Трупы после зимних боев успели закопать местные жители, но сладковатый запах мертвых остался. Он и мутил двадцатитрехлетних солдат многотысячной армии Паулюса, наступающей на Волгу. Эти кадровые солдаты прошли по Европе, но впервые видели такие моря полей, такое богатство земли, еще не тронутой огнем войны.

5 апреля Гитлер подписал директиву, составленную генштабом вермахта: «Все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет».

Для рейха нужна была пшеница Украины, Кубани, Ставрополья, донецкий уголь, бакинская нефть. В перспективе снова рождались заманчивые планы: вступление в войну Турции на стороне Германии, захват Москвы, вторжение в Иран и далее в Индию. Под командовани-

ем генерала Фельми был сформирован специальный корпус «Ф», предназначенный для действий в странах Ближнего Востока. Он укомплектовывался солдатами и офицерами, знающими восточные языки.

Таранным ударом полевая армия Паулюса и танковая Гота прорвала Юго-Западный фронт русских и ринулась на восток.

1

На утро 18 июля 1942 года Мессершмитт назначил новое испытание «Штурмфогеля», но его задержали дела в Берлине, и в Лехфельд он приехал лишь к вечеру. Сам Зандлер без главного конструктора проводить испытания «Штурмфогеля» на этот раз не решился. Мессершмитт вернулся из Берлина в самом радужном настроении.

— Профессор, скоро я вам смогу предоставить отпуск,— объявил он Зандлеру,— вы поедете в Швейцарию или на Средиземное море.

Зандлер в недоумении потер свой шишковатый лоб:

— Я не понимаю вас, господин конструктор...

— Скоро поймете. На Востоке у нас идут дела превосходно, с Россией к началу зимы все же мы покончим, а потом, дорогой профессор, очередь за Индией, Америкой, даже Южной...

— Тогда придется свернуть работы над «Штурмфогелем»? — уныло протянул Зандлер.

— Наоборот! — Мессершмитт возбужденно прошелся по бетонной полосе.— «Штурмфогель» — это прародитель тех самолетов, которые я вижу в будущем. А те машины будут иметь стремительную скорость, может быть сверхзвуковую, и огромную бомбовую нагрузку! Они сотрут в пыль все небоскребы янки.

Зандлер подумал, что Мессершмитт, очевидно, в Берлине был на каком-то заседании, где обсуждались новые перспективы, открывающиеся перед авиапромышленниками.

«Штурмфогель» стоял на краю аэродрома. Около него утро и день возились инженеры и механики. Все было проверено и перепроверено, но они не могли уйти от самолета по той лишь причине, что вложили в «Штурмфогель» слишком много своего труда.

Мессершмитт и Зандлер повернули к самолету.

— Разрешите начать испытания? — спросил Зандлер.

— Разумеется, но перед этим я хочу поговорить с пилотами Вайдеманом и Пихтом.

Зандлер послал за ними механика.

Мессершмитт оглядел пилотов с явным удовольствием:

— Как вам нравится работать у меня, господа?

— Благодарим, господин конструктор,— ответил Вайдеман.

— Я придумал такую штуку... Если «Штурмфогель» взлетит, то со стороны в воздухе за ним будет присматривать другой пилот. Вы, Пауль.

— Понятно,— кивнул Пихт.

— А вы, Альберт, по расчетам, очевидно, взлетите вот здесь.— Мессершмитт топнул по бетонке.— По расчетам... Но, к несчастью, иногда бывает, что и мы, конструкторы, ошибаемся.

Вайдеман криво усмехнулся. В душе он недолюбливал и конструкторов и инженеров. Ему казалось, что они слишком много времени проводят за бумагами, а не около своего самолета. Но Мессершмитт в это время глядел за аэродром, туда, где начинался кустарник.

— Надеюсь, прошлой ошибки не повторится. Ребятишки Юнкерса сделали, кажется, неплохой мотор... Можете готовиться к полету.

— «К несчастью», «кажется»...— проворчал Пихт, когда они с Вайдеманом отошли.— Не завидую тебе, Альберт. Когда-нибудь ты наладишься в лучший мир.

Вайдеман шел задумавшись.

— И там передашь богу привет от меня, грешника,— продолжал Пауль.

— А бог есть? — вдруг серьезно спросил Вайдеман.

— Нет, бога нет,— ответил Пихт.

Вечером Вайдеман зашел в ресторан «Хазе» и там встретил Пихта. Несколько рюмок он выпил одну за другой и захмелел.

— Пожалуй, хватит, Альберт,— остановил его Пихт,— тебе ведь завтра лететь.

— Чепуха! «Штурмфогель» взлетит у меня, как стрекоза.

— Ну, тогда выпьем за то, чтобы ты завтра не сломал себе шею.

— Если признаться по совести, я все-таки боюсь этой машины, Пауль,— нахмурился Вайдеман и опустил голову.—Я не знаю, когда она начнет взбрыкивать. Я делал на ней подлеты. Треску много, а сил нет.

Пихт подлил вино в рюмки:

— Это я виноват, что впутал тебя в эту историю.

— Брось... Это все же лучше, чем на фронте. Здесь мой враг — мой же самолет... Я не знаю, в какой момент он подставит подножку.

Вайдемана уже заносило, и он начинал повторяться. Вдруг Пихт заметил Гехорсмана, который решительно пробирался через толпу танцующих к их столику. Добравшись наконец, он шумно засопел:

— Господа, завтра полеты, а вы...

— Пошел вон, рыжий пес! — закричал Вайдеман.

— Как вас развезло. А ну, вставайте!

Огромными руками, как клешнями, Гехорсман обхватил Вайдемана и потащил к выходу. Пихт отворил дверцу своего «фольксвагена». Гехорсман приложил ко лбу Вайдемана платок и вылил на голову остатки сельтерской. Тут Вайдеман пьяно всхлипнул:

— Милый рыжий песик, ты всегда шел со мной рядом. Испания, Польша... Господи, я никогда не мог пожаловаться на мою машину. Я знал ее каждую косточку. Ты истинный немецкий мастер. Такие вот руки,— Вайдеман попытался схватить руку Гехорсмана,— всегда умели держать молот и винтовку... Дай я тебя поцелую, рыженькая моя собачка...

— Хватит лизаться,— легонько отталкивая Вайдемана, проворчал Гехорсман.— Я тебе не девчонка, а отец семерых детей.

— А где они?

— Солдаты фюрера, бьют русских...

— Дай мне еще выпить за твоих солдат, Карл.

— Э, нет. Я провожусь с вами всю ночь, но к утру сделаю трезвым, как стеклышко...

Потому, что вчера перепил, Вайдеман и был в миноре.

— «К несчастью», «кажется»...— повторил Пихт, явно смакуя слова Мессершмитта.

— Чего ты заладил одно и то же? — раздраженно спросил Вайдеман.

— Когда-нибудь мне придется раскошеливаться на цветы к гробу лучшего друга...

— Прекрати! — оборвал Вайдеман, кривясь от головной боли.— Что-то я все хуже и хуже стал тебя понимать.

Пихт и сам почувствовал, что сказал не то.

— Нервы, наверное, сдают. Гибнут люди — сначала Удет, потом Мельдерс, потом...

— Прошу. Давай перед полетом не будем говорить о смерти. Я ее, курносую ведьму, сам боюсь.

Вайдеман пошел к своему самолету, Пихт — к своему.

— Ну, рыжий дьявол, снаряжай! — крикнул, стараясь казаться беспечным, Вайдеман.

Карл Гехорсман помог ему надеть парашют и взобраться на крыло. Вайдеман с облегчением опустился на сиденье и осмотрел кабину. Все в порядке. На привычных местах замерли знакомые стрелки. Они оживут, когда загрохочут моторы. Впереди, сквозь прямоугольник броневого стекла, была хорошо видна бетонная полоса.

Вайдеман покосился на узкие, уходящие назад крылья. Далеко вперед из-под них высовывались круглые, сигарообразные двигатели. «Черт знает, что можно ждать от вас?» — подумал Вайдеман и устало провел рукой по лицу.

Сухо щелкнул переключатель рации.

— Я «Штурмфогель», к полету готов,—пробубнил Вайдеман.

— Хорошо, Альберт. Вы пристегнули ремни?

Необычная забота Мессершмитта в первое мгновение озадачила Вайдемана. «Покойнику всегда говорят ласковое». Он дотронулся до плеча и с удивлением обнаружил, что забыл застегнуть привязные ремни. Вайдеман торопливо нашел их, стянул концы у замка. С лязгом металлические кольца вошли в гнезда и зацепились за зубья.

— Готов,— еще раз проговорил Вайдеман.

Гехорсман опустил фонарь и помахал пилоту.

Шум запущенных двигателей показался Вайдеману более глухим. Но тяга увеличивалась. «Штурмфогель»

качнулся на носовое колесо. «Придется брать ручку больше на себя»,— подумал Вайдеман.

— Прошу взлет! — крикнул он.

— Взлет,— донеслось из наушников.

Турбины сорвались на вой. Самолет начал разбег. Вайдеман одним глазом покосился на указатель скорости. Стрелка уже перевалила за 150 километров в час. По расчетам, сейчас самолет должен оторваться от земли. Но по тому, как тяжело он приседал и выпрямлялся на швах бетонных плит, Вайдеман понял, что «Штурмфогель» и на этот раз не взлетит. Он энергично потянул ручку на себя, стараясь увеличить угол атаки крыльев. Машина приподнялась, словно собираясь выстрелить в воздух. Поздно! Скоро конец полосы. Вайдеман рывком убрал тягу подачи топлива и нажал на тормоз. Только сейчас он поблагодарил Мессершмитта за напоминание о привязных ремнях. Его бросило на приборную доску, ремни с хрустом впились в плечи...

К самолету, как всегда, первым подбежал Гехорсман. Он привычно выдернул Вайдемана из кабины и бережно опустил на землю.

— Вы ударились? Вам нехорошо? — бормотал он.— Не нужно было пить вчера.

Вайдеман вдруг поднял на него налитые кровью глаза и с неожиданной силой ударил кованым ботинком по колену Гехорсмана. Старик скривился от острой боли. Его замызганная пилотка свалилась, болезненно вздрогнула рыжая с сединой голова. Карл медленно выпрямлялся. Удар показался ему таким несправедливым, что по глубоким черным морщинам потекли слезы.

— За что? — прошептал он побелевшими губами.

Вайдеман отвернулся.

Подъехала машина Мессершмитта. Конструктор спрыгнул с подножки и быстро подбежал к испытателю:

— Что случилось, капитан?

— Я не набрал нужной скорости. Это было невозможно. Машину все время тянуло на нос. Она не слушалась рулей.

— Понятно.— Мессершмитт выпрямился и посмотрел на Зандлера, который уже успел подъехать на санитарной машине.

— Что скажете, профессор?

— По-видимому, для самолета с носовым шасси мала взлетная площадка.

— Правильно. Но мне нужен солдатский самолет — простой в управлении и обслуживании, умеющий взлетать с самых малых фронтовых аэродромов.

— Необходимо сделать кое-какие расчеты.

— Делайте, профессор! Думайте, впрягайте своих инженеров, только быстрей, быстрей!

Мессершмитт сел в свою машину и пригласил Зандлера.

— И еще одно обстоятельство,— проговорил он, когда «мерседес» набрал ход.— Подумайте о замене Вайдемана. Психологическая травма... Вы знаете, что это такое, Иоганн?

— Весьма относительно.

— Это самое страшное для испытателя. Вайдеман дважды попадал в аварию. Дальше он будет бояться своей машины, потому что испугался ее еще до начала полета.

2

После неудачных испытаний «Штурмфогеля» Вайдеман не находил себе места несколько дней. Пихт пропадал у Эрики или отсыпался в общежитии, и его никак не удавалось встретить одного.

Странные чувства одолевали Вайдемана. Будущее вдруг заслонилось, стало страшным и черным. Настоящее уперлось в тяжелую дилемму: продолжать полеты или отказаться, пока не сыграл в ящик? Зандлер предложил подумать. Вайдеман думал. Советов Пихта он стал почему-то остерегаться и, однако, нуждался в них. Особенно сейчас. Летать его обязывал долг, которому он служил уже много лет. И в то же время он не хотел рисковать собой, так как был уверен, что может сделать что-то еще более значительное.

Как-то вечером Вайдеман не выдержал одиночества. Он вышел на улицу и позвонил в дом Зандлера. Ответила Ютта.

Вайдеман почувствовал, как от волнения вспотела трубка в его руке.

— Что же вы, Альберт, не предложите мне свидания? — засмеялась Ютта.

— У меня было много дел в последние дни, Ютта,— глуховатым голосом проговорил Вайдеман.— Пауль у вас? Да? Попросите его заехать за мной в общежитие. Я его жду у подъезда.

— Хорошо. До свидания, Альберт.

В трубке загудели короткие сигналы, но Вайдеман долго еще стоял, прижав ее к уху. Робость старого холостяка не позволяла сказать ему о своей любви.

Пихт подъехал на своем светло-сером «фольксвагене» и открыл дверцу.

— Я был излишне резок с тобой в тот день, когда собирался лететь на «Штурмфогеле»,— проговорил Вайдеман, усаживаясь.

— И я.

Стало сразу легко. Оба посмотрели друг другу в глаза и расхохотались.

— Эх, старые козлы! — Пихт крутнул баранку влево к лесу, где за арочным мостом возвышалось краснокирпичное здание, увитое плющом, с вывеской: «Добрый уют».

Вайдеман заказал пива.

— Кажется, ты отговариваешь меня летать на «Штурмфогеле»? — спросил он, когда бармен отошел от столика.

— Нет,— прямо ответил Пихт.— Ты будешь летать на «Штурмфогеле». Но я боюсь тебя потерять. Пока нет хороших двигателей, эта машина действительно будет взбрыкивать, и неизвестно, в какой момент свернет тебе шею.

— Зандлер предложил мне перейти на другую машину.

— Откажись.

— Хорошо, но тогда мне придется лететь снова.

— На какое число назначено испытание?

— На одиннадцатое августа. В Рехлине.

Пихт долго барабанил по столу своими длинными пальцами.

— И все же в полете одиннадцатого августа я участвовать не буду,— вдруг решительно произнес Вайдеман.— Скажем, заболею. Или у меня поднимется давление. А?

— Кто может заменить тебя? Вендель? — спросил Пихт.

— Нет, Фриц в это время будет испытывать другую модель «Штурмфогеля» на основном аэродроме в Аугсбурге.

— А-а, тогда полетит Франке. Ты видел, он вчера приехал от Мессершмитта?

— Наверное, он. Во всяком случае, его поставят запасным.

3

У Эриха Хайдте уже давно зажила нога, но на людях он ходил, по совету Перро, тяжело опираясь на трость. По мере того как все глубже и глубже уводил его лес, он ускорял шаги. В том месте, где автострада описывала дугу, неподалеку от пивной «Добрый уют», на опушке рос старый дуб. Если тщательно обследовать потрескавшуюся, пепельно-серую кору, то опытный глаз заметил бы крохотную шляпку ржавого гвоздя. Стоит потянуть ее ногтем, и кусок коры отделится от ствола, открыв дупло.

Лес посветлел. Скоро будет опушка. Эрих огляделся и пошел медленней. По автостраде с шумом проносились машины, но здесь было тихо. Тяжелый, нагретый солнцем лес, приглаженный и вычищенный от листьев, безмолвствовал. Эрих опустил руку в дупло и извлек маленькую пластмассовую коробочку, обклеенную красной лентой. Между концами ленты оставался зазор. Эрих приложил спичку. Примерил. Зазор скрылся. Значит, никто посторонний коробку не брал. Он натянул резиновые перчатки, которыми пользовался, проявляя снимки, и снял крышку. Записка была предельно краткой. «Сообщите Перро для Центра: испытания 11.08. Для меня не позднее десятого достаньте тепловую мину [1] или с часовым механизмом. Оставьте здесь же. Март».

«Придется ехать к Перро»,— подумал Эрих.

С тех пор как Эрих прибыл в Лехфельд, с Перро он встречался дважды. В первый раз передал пленки с заснятыми боевыми самолетами люфтваффе. В другой —

[1] Мина, взрывающаяся от резкого перепада температур.

большое зашифрованное письмо и микропленку «Штурмфогеля» от самого Марта.

«Все-таки интересно было бы встретить Марта. Кто он такой? Как выглядит?» — подумал Эрих. И жгучее любопытство, смешанное с уважением и гордостью за единомышленника по борьбе, наполнило его.

4

В пять часов утра 11 августа 1942 года инженеры и техники стали готовить к полету новую модель «Штурмфогеля».

На этот раз «Штурмфогель» испытывался в Рехлине — на имперском аэродроме. Мессершмитту не терпелось показать самолет высшим чинам люфтваффе, чтобы заручиться поддержкой и как можно скорее получить кредит на продолжение работ над своим реактивным чудом.

Генералы люфтваффе и Мессершмитт прошли на трибуну. Руководил полетом Зандлер.

В шесть должны были приехать Вайдеман и его дублер Франке. Но пилоты задержались где-то. Зандлер позвонил в санитарную часть.

— Да, у нас,— ответил врач.— У Вайдемана повышенное давление...

— Видимо, парень волнуется, и, естественно, у него повысилось давление,— проговорил Зандлер как можно более спокойно: он хотел, чтобы сегодня испытывал «Штурмфогель» Вайдеман, а не второй пилот, Франке.

Но врач заупрямился:

— Сейчас мы проведем дополнительное обследование, но Вайдемана я все равно не допущу к работе.

— Тогда мы рискуем сорвать испытания в присутствии столь высоких наблюдателей.

— Почему же? Пилот Франке здоров и скоро будет

у вас. Вы же отлично знаете порядки, утвержденные рейхсмаршалом.

Зандлер бросил трубку. Техники вывели самолет из ангара на взлетную полосу и стали заправлять баки горючим. Зандлер включил радио:

— Франке ко мне!

Через минуту летчик-испытатель Франке появился в диспетчерской.

— Что с Вайдеманом? Серьезно?

— Просто немного повысилось давление.

— Он бурно провел ночь?

— Нет. Отдыхал.

— Тогда полетите вы, Франке. Инструкцию и план испытаний усвоили? Вам надо поскорей забраться на высоту... От удачи сегодняшнего испытания зависит вся наша работа.

— Понимаю.

— А эта машина пока единственная, годная в полет! — почему-то разозлился Зандлер.— Идите одеваться!

Франке, обескураженный суровым тоном профессора, вышел.

В восемь утра Зандлеру доложили, что самолет и летчик к испытаниям готовы.

Красный свет маяка в конце взлетной полосы сменился на зеленый.

До Зандлера донесся мягкий, вибрирующий звук — заработал компрессор. Через минуту раздался громкий выхлоп. Из турбин вырвались облако белого дыма и струи сине-алого пламени.

— Создаю давление,— передал Франке.

Инженеры и техники бросились к автомашинам, чтобы сопровождать самолет во время разбега и следить за работой турбин.

Истребитель с грохотом двинулся вперед. Вот машины отстали — самолет заметно прибавил скорость.

— Франке, дайте полную тягу! — закричал Зандлер в микрофон.

— Тяга полностью,— передал Франке.

— Как взлетите, сразу убирайте шасси!

«Штурмфогель» тяжело повис над землей, вяло качнул крыльями. И вдруг сильная белая вспышка кольнула глаза Зандлера. Через несколько секунд до-

летел грохот взрыва — стекла в диспетчерской со звоном рассыпались по полу.

Завыли сирены. Пожарные машины рванулись к месту катастрофы. «Штурмфогель» горел, окутываясь черно-желтым пламенем.

— Франке! Франке! — тряс микрофон Зандлер, не отдавая себе отчета в том, что летчик уже погиб.

Когда он понял это, то уткнулся в пульт управления и судорожно сжал виски.

В толпе генералов, которые молча расходились к своим машинам, понуро шел Мессершмитт. Главный конструктор понимал, что теперь ни поддержки, ни тем более кредитов он не получит.

5

Коссовски получил известие о рехлинской катастрофе в тот же день вечером. Он взял из сейфа папку с материалами об испытаниях «Ме-262». В первой тетради были записаны все аварии и катастрофы, которые произошли с тех пор, как Мессершмитт начал заниматься реактивной авиацией.

Двигатели не развили тяги. Авария. Испытатель Вайдеман... «Штурмфогель» с добавочным поршневым мотором взлетел. Прогар сопла левой турбины. Испытатель Вайдеман...

На высоте 40 метров обрезало правый двигатель. Испытатель Вайдеман... Взрыв мотора «брамо» на испытательном стенде. Причина не выяснена... «Штурмфогель» с трехколесным шасси не развил взлетной скорости. В конце полосы Вайдеман затормозил...

И вот 11 августа взорвался самолет. Испытатель Франке погиб. У Вайдемана было повышенное давление. О дне испытаний знали Зандлер, Вайдеман, Франке, Гехорсман и другой обслуживающий персонал.

«А таинственное исчезновение мощного передатчика с транспортного «Ю-52»? — подумал Коссовски.

В вечерние часы его мозг работал с завидной четкостью. Вайдеман, Вайдеман... В тот момент, когда произошла катастрофа, у него внезапно повысилось кровяное давление... Слишком прозрачно. Впрочем, нет. Если так настораживает Вайдеман, значит, не он. Чутье

опытного контрразведчика восставало против Вайдемана. Кто же рекомендовал его в Лехфельд? Удет? Но Удет — это Пихт. Вайдеман — Пихт. Это Швеция, это Испания, Франция... И еще Зейц. И еще Гехорсман... Гехорсман — Зейц — Вайдеман — Пихт... Тьфу! Какое смешное сочетание.

Коссовски обратил внимание, что в любых раскладках появляется Пихт. Пихт — это Испания, Железный крест, Мельдерс, Удет, Геринг... «Любопытно, с кем в последнее время встречался Пихт? — подумал Коссовски.— Встречаться он мог где угодно. На ипподроме, в театре, кино, ресторане, просто на улице, даже на службе, пока работал у Удета. На службе? Это можно проверить. Конечно, это соломинка...»

Коссовски написал заявку в бюро пропусков. Там хранились корешки с фамилиями посетителей министерства авиации и указывалось, к кому шел тот или иной человек.

Коссовски раскрыл окно. Большой черный город спал. Ни огонька, ни единой души на улицах. Берлин в затемнении. Ночной прохладой тянуло от Тиргартена, главного парка берлинского центра.

«Пожалуй, надо идти домой. У сына простуда. Странно, так жарко в августе — и простуда...»

Коссовски отдал ключи дежурному офицеру и пошел в настороженную, почти непроглядную ночь, только сверху накрытую редкими звездами.

...Утром, бреясь, Коссовски внимательно посмотрел на свое изображение в зеркале. Волосы у лба начали редеть. Шрам — дань лихим юнкерским временам — прятался уже за глубокими бороздками морщин. Кончики усиков опустились; придется их подровнять в парикмахерской господина Бишофа — у него он подстригался всю жизнь.

Без четверти восемь Коссовски съел бутерброд с колбасой, поджаренные ломтики белого хлеба с ячменным кофе.

Без пяти спустился к зеленому армейскому «оппелю», курсирующему между квартирами сотрудников «Форшунгсамта» и министерством авиации.

В свой кабинет он вошел в тот момент, когда большие электрические часы в коридоре с глуховатым перезвоном пробили восемь ударов.

Минуту спустя штабс-фельдфебель из бюро пропусков принес ему объемистый пакет с корешками пропусков.

— Я могу предложить свои услуги,— сказал фельдфебель.

— Нет, благодарю.— Коссовски никого не хотел посвящать в тот план, который созрел в его голове.

Через два часа несложного, но довольно утомительного перелистывания корешков Коссовски наткнулся на фамилию Пфистермайстера, который посетил 28 августа 1939 года Пауля Пихта.

«Зачем же потребовался постоянному представителю Хейнкеля в Берлине Пихт?» — подумал Коссовски.

Некоторое время он раздумывал, потом взял телефонную книжку и набрал нужный номер.

— Господин Пфистермайстер? Вас беспокоит капитан Коссовски из научно-исследовательского отдела министерства авиации.

— Слушаю вас,— поспешно ответил Пфистермайстер.

— Не могу ли я поговорить с вами, скажем, через тридцать минут?

— Хорошо, жду у себя в конторе.

Когда-то господин Пфистермайстер выглядел шустрым, преуспевающим старичком, с плутоватыми, близко посаженными глазками. Сейчас же навстречу Коссовски семенил глубоко увядший старик в простом пиджаке, без знаменитой золотой цепочки на пенсне, согбенный и утративший, казалось, все жизненные силы. Два его сына — правда, интенданты — служили в Богемии. Но там партизаны, а их пули мало разбираются в должностях и чинах солдат фатерланда.

— Чем могу служить? — спросил Пфистермайстер.

— Не припомните ли вы, господин Пфистермайстер, с какой целью вы посещали адъютанта Удета?

— Адъютанта Удета? Назовите, пожалуйста, его фамилию.

— Пихт, Пауль Пихт.

— Ах, отлично помню этого молодого и чрезвычайно предупредительного офицера. Н-но... мы говорили... о сущих пустяках.

— Нам важно знать подробности этого разговора,— более строгим голосом проговорил Коссовски.

— Не помню... Нет, не помню. Кажется, я передал какое-то письмо по просьбе господина Хейнкеля.

— Письмо? Вы не знали его содержания?

— Простите, но это секрет фирмы,— посуровел Пфистермайстер.

— Я выполняю важное государственное задание.

— В таком случае спросите об этом самого доктора Хейнкеля.

Пфистермайстер хотел узнать, не случилось ли чего с Пихтом, но Коссовски его опередил:

— Пауль мой хороший знакомый, даже друг, сейчас он работает у Мессершмитта.

— Тогда спросите Пауля,— проговорил Пфистермайстер и встал, давая понять, что больше он не может задерживать гостя.

Коссовски ничего не оставалось делать, как выйти.

«Все ясно. По тому, как вдруг уперся этот старый ослик, видно, что Пихт кормится у Хейнкеля. Неудачи у Мессершмитта выгодны ему. А возможно, он и сам подстраивает эти неудачи...»

Последняя мысль показалась Коссовски кощунственной.

Вернувшись к себе, он снова достал личное дело Пихта и пытался между строчек справок, сухих документов и характеристик найти лазейку, чтобы проникнуть в истинную душу Пихта. Деятельность в Швеции и Испании была безукоризненной. Франция? Францию следует проверить. Ведь и он был свидетелем случая в «Карусели», и к нему могло относиться слово «март». Заметил Коссовски и такую особенность: как только начались испытания реактивных самолетов, Пихт развил чрезмерную активность. Он присутствует, правда с Удетом, на испытаниях «Хе-176» в Ростоке, затем в Рехлине. Приезжает на испытание «Штурмфогеля» к Мессершмитту...

Вдруг какое-то необъяснимое чувство заставило Коссовски рассердиться на самого себя:

«Дался мне этот Пихт. Стареешь, друг. Из ума выживаешь! Вот справка. Пихт передал в фонд авиации 20 тысяч марок. Не из жалованья же. Ясно, такие деньги он мог получить от Хейнкеля. И Пфистермайстер их вручил Пихту». Коссовски снова позвонил представителю Хейнкеля. И тот наконец подтвердил, что вру-

чил премию Пихту, как, впрочем, и другим энтузиастам реактивной тяги.

«Нужно немедленно выехать в Лехфельд. Кстати, проверю, чего добился Флике»,— решил Коссовски и пошел к Регенбаху.

— Да, да, я уже знаю о катастрофе,— встретил его майор.— Что вы собираетесь делать?

Коссовски хотел отделаться общими фразами, но Регенбах вдруг потребовал рассказать обо всем самым подробнейшим образом. Он задавал вопрос за вопросом, и хотел этого или не хотел Коссовски, но ему пришлось изложить все подозрения, которые касались Вайдемана, Зейца, Пихта, Гехорсмана, инженеров Зандлера.

— А Март, а радиостанция в Аугсбурге и Брюсселе? — сухо спросил Регенбах.— Мне кажется, ищейка пошла по ложному следу.

— Можете на меня положиться, господин майор,— официальным тоном проговорил Коссовски.

Регенбах близко подошел к капитану и внимательно посмотрел ему в глаза.

— Вы хороший шахматист, Зигфрид? — задал он неожиданный вопрос.

— Играю немного.

— Тогда вы, конечно, должны знать, что такое гамбит.

— Начало партии, когда один из противников жертвует пешку или фигуру ради быстрейшей организации атаки на короля.

— Совершенно верно. Слово «гамбит» происходит от итальянского выражения «даре ил гамбетто» — подставить ножку. Так вот, Зигфрид, чтоб подставить ножку этому самому Марту, нам придется разыграть оригинальный гамбит.

— Чем же мы пожертвуем?

— Внезапностью.

Коссовски непонимающе поглядел на Регенбаха.

— Мы сообщим по каким-либо каналам всем подозреваемым важные государственные тайны. Разумеется, разные. И вполне правдоподобные. Если кто-то из них агент, он не сможет не воспользоваться радиостанцией в Аугсбурге. На это уйдет несколько дней, но мы не будем горячиться, будем просто ждать.

— Не ново, однако попробовать можно,— сказал Коссовски.

В кабинете Коссовски между сейфом и окном за шторкой висела карта Европы вплоть до Урала. Коссовски отодвинул шторку и стал изучать обстановку на Восточном фронте. Потом он сел за стол и стал писать:

«Для Вайдемана — на Восточный фронт в район Дона вылетает особая эскадра асов «Удет». Плата за боевой вылет там увеличивается на триста пятьдесят марок.

Скажет ему об этом офицер штаба люфтваффе, который на испытательных аэродромах вербует добровольцев среди пилотов и техников.

Для Зейца — 17 сентября в Ростов-на-Дону вылетает рейхсмаршал Геринг. Самолет — «Ю-52» с обычными армейскими опознавательными знаками. Сопровождение — двенадцать «Ме-109».

Источник информации — один из пилотов Геринга, приехавший в Лехфельд в краткосрочный отпуск.

Для Пихта — готовятся к отправке на русский фронт в район Орла пятьдесят новейших истребителей «Фокке-Вульф-190».

Операцию проведет ас-пилот Вендель, которого якобы отзывают из Лехфельда для сопровождения этой истребительной эскадры...»

Коссовски сделал подобные наброски для Гехорсмана, Зандлера и других инженеров Лехфельда, которых можно было так или иначе подозревать в связях с русскими.

Дня два он составлял подробнейшие инструкции для лиц, участвующих в операции. Утром третьего дня перед Регенбахом он положил папку. На черном коленкоре была приклеена полоска бумаги с надписью: «Операция «Эмма».

6

Ютта получила телеграмму из Берлина. Тетя просила достать очень ценное лекарство. Даже в столице его найти невозможно, а она так страдает от язвы желудка. Если лекарство будет, то пусть Ютта не посылает его, а подождет тетю. Она собирается навестить Эриха и Ютту в самые ближайшие дни.

Днем позже Эрих получил письмо от фронтового друга. Телеграмма Ютты давала совершенно новый, более сложный код к расшифровке письма. Невинная болтовня друга открывала тревожное сообщение Перро. Он написал о подозрениях Коссовски, о скором приезде капитана в Лехфельд, а также о том, что Марту будет подсунута в ближайшее время фальшивка якобы важного государственного значения. Пусть он ее не передает Директору, а Ютта отстучит ложную телеграмму с таким текстом: «ХРС 52364 72811 63932 29958 19337 27461». Необходимо обезвредить Коссовски, но не в Лехфельде или Аугсбурге, а где-то в Берлине. Возможно, следует Марту запросить у Директора группу обеспечения для проведения этой операции.

Эрих немедленно отправился к тайнику и вложил записку. На следующий день пластмассовая коробочка в дупле старого дуба была уже пуста.

7

В три часа ночи капитана функабвера Флике разбудил дежурный солдат. В районе западной окраины Лехфельда заработала подпольная радиостанция. Мониторы устремились туда, но на полдороге радист оборвал связь. Телеграмму он передал предельно короткую. Службе перехвата все же удалось ее принять. Как и ожидал Флике, она была закодирована. Опытный дешифровальщик определил, что агент воспользовался неизвестным кодом.

Флике передал телеграмму в различные дешифровальные отделы, в том числе и в «Форшунгсамт» люфтваффе.

Коссовски не на шутку взволновался. Ее содержание с головой выдаст таинственного Марта. В том, что агент попал в силки, им расставленные, Коссовски не сомневался. Операция «Эмма», несмотря на простоту и неоригинальность, по-видимому, сработала безукоризненно.

Об этом он доложил Регенбаху.

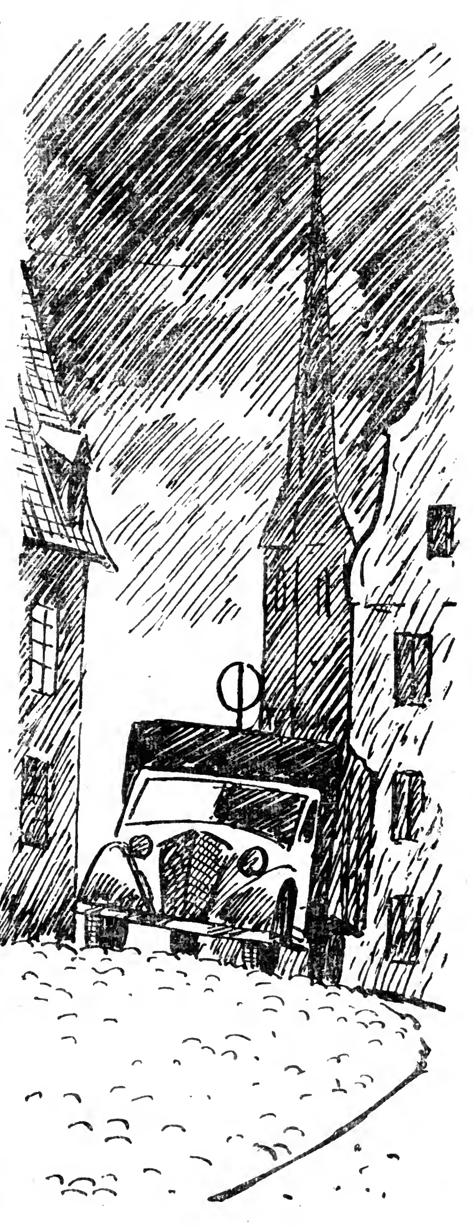
— Посмотрим,— уклончиво ответил Регенбах.— Как только заполучу от дешифровальщиков настоящий текст, я немедленно вызову вас.

Коссовски пытался сесть за работу, но не мог со-

средоточиться. В кабинете было солнечно и жарко. Он снял френч. Высокий, чуть сутуловатый, седой, он среди серых казенных стен казался чужим человеком. Но эти стены надежно оберегали его на протяжении многих лет. Он входил сюда мучительно долго, прокладывая ступеньку за ступенькой в свирепых джунглях подозрительности, взаимной слежки и вероломства. Все это скрывалось, разумеется, за тщательно отрепетированным дружелюбием, простотой, даже фамильярностью подчиненных и начальников.

Коссовски был слишком умен и осторожен, он умел вовремя предупредить надвигающуюся опасность. Сейчас же он вдруг почувствовал, что она где-то рядом, но с какой стороны ее ждать, не знал.

Так прошел день. Сумерки накрыли город. Стало тише и прохладней.

Где-то далеко прокатывался гром. Коссовски задернул черную штору, положил руку на включатель электрической лампочки, но света не зажег. Так и остался сидеть в своем жестком кресле.

Давно Коссовски не ощущал такого мерзкого состояния. В последний раз, пожалуй, тогда, в Испании. Правда, с тех пор этот кошмарный страх посещал его по ночам. Смертельная опасность лавиной надвигалась из темноты, и не было сил пошевельнуться, защитить себя. Кончалась жизнь. Но он не мог даже крикнуть. И никто не услышал бы крик обреченного.

От ночных кошмаров оставалась на утро настороженная тень в глазах. Откуда надвигается роковая беда?

Беда таилась повсюду.

Тогда, в Испании, он не уступил страху. Не выдал себя. Но внезапный холод опустошил сердце и все тело, едва он услышал протяжный голос Зейца: «Выбора у тебя нет, приятель. Нам деваться некуда, и тебе придется послушаться нас. Или... Впрочем, какое дело мертвецам до того, что происходит с живыми. Трупы не любопытны, И не разговорчивы...»

Он не мог ничего ответить. Он знал, что любой ответ приведет его к гибели.

Тогда его спас Пихт. Сейчас надеяться можно только на себя. К тому же сила, навалившаяся на него теперь, была, очевидно, беспредельно огромнее той, что угрожала ему в Испании...

Вдруг сон улетучился, как паутина, сорванная ветром. Коссовски вспомнил день, когда Регенбах как бы между прочим сказал: «А старикашка Хейнкель потихоньку лепит самолет-гигант с четырьмя реактивными моторами». Неделю спустя служба радиоперехвата расшифровала телеграмму с подобным сообщением. Она была подписана именем Март... Почему пришло на память именно это?

От резкого, короткого звонка Коссовски вздрогнул. Он поднял телефонную трубку и услышал голос Регенбаха:

— Коссовски, немедленно едем в абвер к Лахузену.

«Вот откуда началось»,— подумал Коссовски.

«Оппель» бесшумно мчался по широкой Вильгельмкайзерштрассе. Всю дорогу Регенбах молчал. Взвизгну-

ли тормоза. Открылась и закрылась дубовая черная дверь.

Коссовски вошел в кабинет начальника второго отдела абвера и доложил о прибытии. Регенбах отошел в тень. «Значит, он уже был у Лахузена»,— подумал Коссовски и снова ощутил на сердце мерзкий холодок. Опасность — огромная, безжалостная. Он сам был ее частицей и потому хорошо знал, что сопротивляться бессмысленно, если приговор уже вынесен. А приговор вынесен. Он прочел его в глазах Лахузена.

Полковник Лахузен не смог скрыть того профессионального, слегка сострадательного любопытства, какое всегда испытывает охотник к смертельно раненному зверю, сыщик — к пойманному с поличным вору, палач — к смертнику, а контрразведчик — к допрашиваемому шпиону.

Лахузен заговорил о лехфельдской радиостанции. Начало беседы мало походило на допрос. Полковник, казалось, советовался с младшим коллегой. Советовался, мягко и настойчиво загоняя Коссовски в только ему известную ловушку. Коссовски понял, что он может никогда не узнать, какая вполне невинная фраза окажется для него роковой. Когда полковник обмолвился о Регенбахе, присутствующем тут же, Коссовски уже знал точно, что ему нечего надеяться на спасение.

Лахузен поднялся, и лицо его, вначале освещенное слабым отражением настольной лампы, скрылось в тени.

— Майор Регенбах сказал мне,— неожиданно ласковым тоном заговорил полковник,— что вам не терпится выехать в Лехфельд и самому поймать шпиона. Поезжайте, Коссовски, ловите...

— Да, но...— Коссовски так оглушило это разрешение, что он не сразу пришел в себя.

— За чем же задержка? — спросил полковник.

— Мне важно знать, расшифровали или нет ту телеграмму, которую перехватили после осуществления операции «Эмма».

— Понимаю... Вам знать важно.— Лахузен подошел к Коссовски почти вплотную и вдруг круто вильнул в сторону.— К сожалению, мы расшифровать ее не сумели. Вы свободны, капитан. Извините за поздний вызов. Такова служба... Вы, майор, останьтесь...

— Значит, Коссовски? — Лахузен взял текст расшифрованной телеграммы.

Он гласил: «От Марта Перро. Предупреждение получил. Жду срочно лично. Март».

Телеграмма о том, что Хейнкель работает над созданием четырехмоторного реактивного самолета была послана Центру и подписана Перро. Лахузен сам просил Регенбаха намекнуть об этом Коссовски за несколько дней раньше.

Но обвинение в шпионаже, считал Лахузен, слишком серьезное, чтобы немедленно арестовать такого человека, как Коссовски. И поэтому он решил выждать, когда тот сам выдаст себя и заодно Марта, с которым постарается встретиться в Аугсбурге или Лехфельде.

В ту же ночь, после ухода Коссовски домой, был вскрыт его сейф и изучено дело, которое он вел, расследуя аварии и катастрофы «Штурмфогеля».

За Коссовски решено было установить самую тщательную слежку.

Возможно, Лахузен имел бы больше оснований для ареста Коссовски, если бы он знал о том, что произошло в Испании в жаркий полдень августа 1937 года.

Но Лахузен об этом не знал. Знали трое: Зейц, Пихт и Коссовски. И все молчали.

Глава десятая

ДЕНЬ КАТАСТРОФЫ

Как и в 1941 году, Геббельс стал вещать об окончательной победе над Россией. Горно-егерские части генерала Дитля рвутся к Мурманску, единственному незамерзающему порту на советском Севере. Рейдер «Адмирал Шеер», войдя в арктические моря, потопил легендарный у русских пароход «Сибиряков» и обстрелял порт Диксон в устье Енисея. Ленинград зажат в железных тисках блокады.

Наступление на юге идет с блистательным успехом. Громадные армии Паулюса и Гота продвигаются все дальше и дальше к Сталинграду. Операция «Брауншвейг» осуществлялась без особых изменений. Для под-

держки наступающих немецких войск с воздуха сюда брошен восьмой корпус генерал-полковника Рихтгофена. Корпус в три-четыре раза превосходит силы советской авиации на юге. В ночь с 22 на 23 августа 1942 года его эскадры получили приказ Гитлера о тотальном разрушении Сталинграда.

Бомбардировщики шли волнами, шли так тесно, что, казалось, временами заслоняли небо. Миллионы бомб сыпались на город, превращая его в руины. Они постепенно перемещали удары к Волге, давая свободу действий наземным войскам, завязавшим кровопролитные уличные бои.

В эти дни сверхдальний бомбардировщик «Юнкерс-390», вылетев из Берлина и приземлившись в Токио, привез германскому послу Отту шифровку о том, что Германия после захвата Сталинграда надеется на вступление в советское Приморье Квантунской армии. В императорском кабинете министров генералу Отто дали понять, что японский солдат с радостью пожмет руку германскому солдату на транссибирской магистрали.

1

«Испания, чертова Испания... Пихт привел этого самого Штайнерта к нам,— думал Коссовски.— Я не поверил его документам. Зейц застрелил Штайнерта. А ведь Штайнерт нес от Канариса секретный пакет Франко. Откуда я тогда мог знать, что Штайнерт подполковник и что он хотел предупредить о наступлении красных под Валенсией?! А мы не хотели тащиться с ним по жаре и горам. Когда я получил приказ о розыске Штайнерта, я разрыл его могилу и труп сбросил в реку. Но дело было сделано...»

Лехфельд после духоты и столичной суеты всегда казался Коссовски чем-то вроде домика его старой бабушки. Такой же опрятный, позеленевший от старости, тесный и добрый. Когда с аэродрома не разносился душераздирающий вой турбин, над городком воцарялась глубокая, почти сельская тишина.

Коссовски захотел немного освежиться и выпить пива.

Размявшись после долгой дороги, он вошел в пив-

ную «Фелина». Час был ранний, и кельнер еще убирал низкий, отделанный под дуб зал с антресолями — там были номера. Извинившись, кельнер заковылял к стойке.

— Вы были на фронте? — спросил Коссовски.

— Да, ранен под Смоленском.

— Бедняга...

— Почему же, господин капитан? Зато меня не пошлют обратно,— простодушно ответил кельнер.

Коссовски усмехнулся, глядя на доверчивого конопатого парня, и стал пить прохладное, крепкое пиво.

— Вы больше ничего не будете заказывать?

— Пожалуй, сосисок.

Кельнер отварил сосиски и подал на маленькой картонной тарелочке.

— Если позволите, я продолжу уборку,— попросил он.

— Пожалуйста.

Коссовски медленно жевал мясо и думал, с кого же начать разговор?

«Пожалуй, с Зандлера. Этот старый тетерев все выложит как на духу. Чего-то он боится. Боится всю жизнь. Видимо, в молодости кто-то его сильно напугал».

После разговора с Лахузеном Коссовски понял, что должен любой ценой найти этого самого Марта.

На карту поставлена его жизнь. По тому, как изменил отношение Регенбах, как говорил с ним Лахузен, а главное, как сильно было его предчувствие, Коссовски понял, что на нем лежит какое-то подозрение. Отвести его от себя можно только в том случае, если Март попадет ему в руки живым или мертвым.

Покончив с пивом и сосисками, Коссовски расплатился и направился к машине.

— На аэродром,— бросил он.

Шофер повел машину на большой скорости, петляя по узким улочкам.

— Вы хороший водитель,— похвалил Коссовски ефрейтора.

Шофер ухмыльнулся, но промолчал. У него было сытое, широкое лицо, навыкате глаза и абсолютно белые ресницы. Пилотка неуклюже прикрывала большую голову.

— Вы недавно служите в министерстве? — спросил Коссовски.

— Давно. Просто я обслуживал другие отделы,— ответил шофер.

Коссовски подумал, что этот шофер может работать и в абвере. А может, и правда этот парень послан следить за ним? Он снова ощутил на сердце неприятный холодок, как за несколько часов до встречи с Лахузеном.

Профессор Зандлер принял Коссовски учтиво. Они были почти одного возраста, и скоро между ними установилось взаимопонимание, разумеется, в той мере, какая может быть в отношениях профессора и конструктора с контрразведчиком.

Коссовски стал расспрашивать о делах, о людях, с которыми работает. Но скоро он заметил, что профессор старается быть предельно кратким.

— Простите, господин Зандлер,— перебил его Коссовски.— Мне нужны детали даже незначительные. Ведь вам приходилось встречаться с журналистами, они тоже просили деталей, чтобы более правдоподобно обрисовать ту или иную картину. Кроме дочери, в вашем доме живет секретарша Ютта Хайдте?

— Да. Но у меня нет никаких оснований подозревать эту старательную и милую девушку.

Его длинные, в синих жилках пальцы дрожали. Он опустил руки на колени, стараясь скрыть это от Коссовски.

Коссовски тоже смутился и опустил глаза. Ему вдруг стала неприятна собственная роль. «Человек изобретает, творит, отдает своему делу и нервы и жизнь. И вдруг мы объявляем его же работу секретной, присваиваем его мозг себе и вдобавок его же караем, если он не выполнил нами же составленных инструкций»,— подумал он.

— Кто часто посещает ваш дом, господин профессор?

— О, многие люди, и, как вы убедились однажды, разглядывая фотографическую галерею моей дочери, известные,— с достоинством произнес Зандлер.

— Я подразумеваю завсегдатаев вашего дома.

— Ну, Вайдеман, Зейц, Пихт, Вендель, иногда Эрих.

— Кто такой Эрих?
— Хайдте, брат Ютты.
— Вот как! Откуда он?
— Был ранен. Сейчас содержит фотолабораторию напротив моего особняка.
— С кем он живет?
— Один. Впрочем, в одном доме с Зейцем.
Новое имя насторожило Коссовски. «Ютта — Эрих... Зейц! Неужели Зейц! Или он профан, или очень умный разведчик?..»
— Итак, господин профессор, 25 ноября 1941 года на высоте сорока метров отказал правый двигатель?
Зандлер кивнул.
— Как раз тот, который был неправильно отрегулирован?
— Да.
— Испытывал Вайдеман?
— Разумеется.
— Вы не вспомните, как вел себя Вайдеман перед полетом?
— Как обычно. Был деловит, весел и, я бы сказал, спокоен.
— Он не ожидал аварии?
— Странный вопрос, господин капитан. Какому летчику-испытателю хочется отправиться на тот свет, пока не призовет его бог?
— Простите, господин профессор. Теперь поговорим о том дне, когда вы на испытательных стендах у моторов заметили постороннее лицо.
— Да, я вошел, и мне показалось, что один из двигателей работает не на обычном, а на взлетном режиме. Я подошел к пульту, дежурный инженер спал. И тут я увидел промелькнувшую тень. Сам включил сирену. По тревоге в мастерскую сбежались все, кто был на аэродроме. Даже пилоты. Но мы в мастерской никого не нашли.
— Где сейчас инженер?
— Он был уволен и послан на фронт. Кстати, это был порядочный, крайне добросовестный человек. Я ничем не могу объяснить его сон на дежурстве.
— Кого из пилотов заметили вы?
— Пихта и Вайдемана.
Коссовски не делал пометок. Его натренированная

память крепко схватывала все, что могло относиться к делу. Просто на листке блокнота он чертил замысловатые фигурки, что делал всегда, когда в работе решал какой-нибудь ребус. Когда Зандлер произнес фамилии пилотов, завитушка под карандашом круто взбежала вверх.

— И еще вопрос, господин профессор,— проговорил он, помолчав.— Вы можете предположить, что рядом с вами действует иностранный агент?

— Агент — могу. Иностранный — сомневаюсь. Может быть, антифашист?

— Вы были в социал-демократической партии?

Лиловые веки Зандлера вмиг одрябли.

«Ага, вот чего боится профессор Зандлер»,— отметил про себя Коссовски, а вслух проговорил:

— Меня вам нечего опасаться, я же не штурмовик и не гестаповец...

— Да, я придерживался до 1920 года демократических взглядов,— выдавил из себя Зандлер.

— Ну, кто из нас не был романтиком,— усмехнулся Коссовски.— Я тоже протестовал, когда убили Либкнехта и Люксембург. И даже был молодежным функционером демократов.

— Да, времена меняются,— вздохнул свободней Зандлер.

— Ну, у меня все... Извините за эту крайне неприятную беседу.— Коссовски простился и поехал в общежитие летчиков.

Авиагородок располагался за Лехфельдом: прямой проспект с особняками и виллами, в которых жили служащие Мессершмитта. У самого аэродрома выстроились бараки, одинаково длинные и низкие, с редкой зеленью перед окнами. А за кирпичным забором с колючей проволокой тянулся испытательный аэродром.

...Вайдеман играл в джокер, когда в общежитие пилотов вошел Коссовски.

— Зигфрид! Ты имеешь обыкновение появляться, как дух, бесшумно. По каким делам сюда?

— Проездом, Альберт. Некоторым образом я теперь отвечаю за Лехфельд. А заодно решил навестить друзей.

«Надо быть начеку с этим волкодавом»,— подумал Вайдеман.

— Кстати, ты хорошо выглядишь,— сказал Коссовски.

— В двадцать восемь лет рано жаловаться на здоровье.

— А почему же тогда, в Рехлине, у тебя вдруг повысилось давление?

— Ах, вот ты о чем... Честно говоря, меня преследовала неудача за неудачей. Много раз смерть заглядывала мне в глаза. Я испугался.

— Ты не пил накануне?

— Кажется, пил.

— С кем?

— С Пихтом, конечно.

— Ты дружишь с ним?

— Как сказать?.. Вначале были дружны, сейчас, по-моему, между нами пробежала какая-то кошка.

— Почему?

Вайдеман пожал плечами.

— Раньше вас что-то объединяло. А сейчас дороги расходятся? — Алый шрам на лице Коссовски напрягся сильней.

— Да нет, ты неправ, Зигфрид,— набычившись произнес Вайдеман.— Я и сам не могу объяснить это. Хотя у него сейчас свои увлечения, у меня — свои.

— Ютта?

— Откуда ты узнал? — Шея Вайдемана сделалась пунцовой.

Коссовски рассмеялся:

— Уж если одна девица занята Пихтом, то другая...

— У меня серьезно.

— А у Пихта?

Вайдеман вдруг разозлился:

— Откуда мне знать, что у Пихта?!

«Значит, Ютта — ее брат Эрих Хайдте — Вайдеман»,— мысленно протянул ниточку Коссовски.

— Слушай, Зигфрид, если ты приехал сюда искать шпионов, так ищи где-нибудь в другом месте, а не среди нас.

Коссовски засмеялся:

— Ну что ты, Альберт, в самом деле... Наоборот, я хочу вас обезопасить в случае чего. По старой дружбе.

...Вечером Коссовски уехал к Флике. Капитан функабвера жил в походной мастерской мониторов.

— Станция водит меня за нос,— пожаловался Флике.— За все месяцы мы смогли только определить район, где действует передатчик. Это Лехфельд. Близко от аэродрома. Может быть, авиационный поселок. Три монитора день и ночь дежурят в том районе.

— Вас никто не может обнаружить?

— Нет. Мониторы скрыты палатками над канализационными колодцами. Солдаты и офицеры переодеты и делают вид, что ремонтируют канализацию.

— Вы хорошо придумали, Флике.

— Но радист замолчал... Последняя радиограмма, кажется, расшифрована.

— Да? — Коссовски чуть не выронил планшет, который держал в руках.

— А вы разве не знаете? — удивился Флике.

— Я уехал до того, как расшифровали телеграмму,— медленно произнес Коссовски.

«Они следят за мной,— подумал он.— Неужели стало что-либо известно об Испании? Кто выдал — Пихт или Зейц? Или оба вместе?»

Коссовски несколько раз хотел рассказать в абвере об убийстве связного Канариса подполковника Штайнерта, но не хватало духа пройти всего три квартала до всемогущего управления разведки вермахта. Несколько раз он садился за бумагу и рвал ее, не дописав строчки. Из троих он был самым виновным. Он приговорил Штайнерта, Зейц исполнил приговор, Пихт остался свидетелем... Если кто-то из них связан с Мартом, Коссовски будет очень трудно их обвинять.

Впрочем, нет. Коссовски найдет выход, лишь бы только напасть на след этого Марта. Резидент в Аугсбурге и, возможно, другой в Берлине снимут с него вину пятилетней давности. Даже сам Канарис...

Он простил бы Коссовски за поспешное решение в Испании. Ведь в Испании все было очень сложно и запутано. Друг оказывался красным, красный переходил на сторону Франко, как анархисты под Толедо. И откуда знал Коссовски, что Штайнерт не красный с поддельными документами? Его никто не предупреж-

дал. Притом убивала жара, горы плавились от зноя, а с трех сторон наступали республиканцы и теснили фалангистов.

Нет, Коссовски сумел бы оправдаться, если бы нашел Марта, его радиостанцию.

На следующий день Коссовски, переодевшись в штатский костюм, зашел к Эриху Хайдте. Фотоателье помещалось в довольно просторном холле. Коссовски заметил две двери. Одна, вероятно, вела в фотолабораторию, другая — в жилую комнату. Из жилой комнаты, услышав звонок, вышел довольно молодой седоволосый человек с тростью в руке, в голубом френче люфтваффе.

У него были внимательные серые глаза, белый лоб. Он мало походил на Ютту.

Коссовски изъявил желание сфотографироваться.

— Мне кажется, вы родственник Ютты? — спросил он, усаживаясь в кресло перед аппаратом.

— Да, ее брат.

— Приятно познакомиться, Ютта меня знает. Я бывал в доме Зандлера, когда по делам министерства авиации приезжал в Лехфельд.

Коссовски назвал свою фамилию. Эрих — свою. Только как внимательно ни наблюдал за ним Коссовски, он все же не заметил бледности, мгновенно покрывшей лицо Эриха. Возможно, этому помешали вспыхнувшие софиты, на минуту ослепившие Коссовски.

«Надо предупредить Марта, а может, он знает? Нет, все равно я вложу в тайник записку»,— подумал Эрих, рассматривая через матовое стекло серьезное, немного грустное лицо Коссовски, его опущенные седеющие усики, шрам на щеке.

— Вы часто видитесь с Юттой? — спросил Коссовски.

— Нет. У нее свои дела. Не понимаем мы друг друга...

Эрих вставил кассету и нажал спуск.

— Готово. У вас не найдется сигареты, господин Коссовски?

— Пожалуйста.

Эрих с удовольствием закурил и присел на подоконник. Он хотел поболтать с новым человеком.

— Признаться, тянет на фронт. Встретить бы там старых друзей. Может, со временем я бы окончил офицерскую школу.

— В каком чине вас уволили?

— Я был фельдфебелем. Летал на «дорнье». Но однажды какой-то отчаянный англичанин обстрелял нас, и вот...— Эрих показал на свою ногу.

— А почему все же у вас разлад с Юттой? — спросил Коссовски.— Она придерживается совсем других взглядов, чем вы?

— Да нет. Примерная девушка Германии...

— А вы?

— Я-то...— Эрих сделал вид, что смутился, но потом овладел собой.— Я не верю в богов. Я могу уважать вождя, но отдать жизнь хочу не за него, а за родину, у которой есть этот вождь.

— Вот вы какой! — улыбнулся Коссовски.— Но знаете, обожествление вождя — это государственная политика.

— Я солдат и мало что смыслю в политике. Отправили бы меня на фронт, и там бы я на деле, а не на словах показал, как я люблю Германию.

«Нет, этот парень, пожалуй, не может быть агентом или каким-нибудь антифашистом: он слишком простодушен»,— подумал Коссовски.

— Вы часто встречаетесь с Зейцем и Пихтом?

— Зейц — мой сосед, вполне порядочный человек, он живет наверху, а Пихт... Я его видел мимоходом. Он какой-то... заносчивый. Таких не люблю.

— Почему же?

— Слишком хвастлив. Как же, бывший адъютант Удета... Таким в штабе кресты вешают направо и налево.

— Э-э, вот вы и ошиблись, господин Хайдте. Он был отличным боевым летчиком и крест получил за храбрость. Не помню точно: или он спас знаменитого Мельдерса, или Мельдерс спас его (Коссовски умышленно путал), но крест он заработал честно.

— Ну, да мне все равно,— махнул рукой Эрих.

— А что вы думаете о Вайдемане?

— Дубина. Волочится за Юттой и надеется, что она согласится стать его женой. Уж если она пойдет замуж, так за Зейца.

— А что у нее с Зейцем?

— Да пока ничего. Но, кажется, Ютта предпочитает черные мундиры СС голубым люфтваффе.

— Ну что ж, желаю вам всего доброго,— сказал Коссовски, поднимаясь.— Надеюсь, мы будем встречаться даже после того, как я получу снимки?

— Буду рад.— Тяжело наваливаясь на трость, Эрих проводил гостя до дверей...

После Эриха Коссовски навестил Зейца.

— У вас под носом работает подпольная станция,— прямо объявил он,— загадочный Март шлет в Москву телеграмму за телеграммой, в Лехфельде авария за аварией... Чья это работа? Вайдемана?

— Я не понимаю вашего тона, Коссовски. С каких пор гестапо стало подчиняться контрразведке люфтваффе?

— Говорю я об этом потому, что у нас с вами одна задача — обеспечить секретность работ на заводах Мессершмитта. Мне необходимы все данные о служащих фирмы.

— Я не могу их дать вам, Коссовски.

— Меня интересует весьма узкий круг лиц, так или иначе связанный с секретными материалами,— как бы не слыша, продолжал Коссовски настойчивым тоном.— Весьма узкий...

— Кто же, если не секрет?

— Зандлер, Вайдеман, Вендель, Гехорсман, секретарша Зандлера, Пихт.

— По-вашему, кто-то из них шпион?

— У меня нет еще доказательств. Но если вам дорога ваша голова, вы поможете их достать...

Вдруг в кабинет вошел шофер и молча протянул Коссовски радиограмму от Лахузена. Начальник отдела абвера требовал, чтобы Коссовски немедленно выехал в Берлин.

От перегретого мотора тянуло теплом. О том, что может произойти в Берлине, Коссовски решил не думать. Мало ли какая идея осенит Лахузена? Он перебирал в уме впечатления от Лехфельда. Обескураживал Коссовски вчерашний разговор с Пихтом. Пауль вел себя в высшей степени высокомерно.

— Может быть, тебе стоит вспомнить Испанию? — спросил Пихт прямо.

— Это уже давно забылось,— стараясь быть спокойным, проговорил Коссовски.

— Напрасно ты так думаешь, Зигфрид.— Пихт кольнул его взглядом.

— Сейчас меня интересует авария в Рехлине,— насупился Коссовски.— Ты знал, что должен лететь Вайдеман?

— Разумеется. Я же его сопровождал в первых испытательных полетах.

— Но почему перед полетом вы напились?

— Напился не я, а Вайдеман. Он боялся этих испытаний.

— Тогда пусть он поищет для себя более спокойное место. Вайдеман говорил об испытаниях в Рехлине? — спросил Коссовски.

— Я не интересовался. Кроме того, ты осведомлен, разумеется, о приказе, запрещающем должностным лицам разглашать время и место испытаний?

— Но Вайдеман мог поделиться об этом с другом...

— Коссовски, ты считаешь меня за дурака. Вайдеман всегда выполняет любой приказ с безусловной точностью, независимо от того, пьян он или нет.

— Ты допускаешь возможность, что в Рехлине самолет взорвался от мины, скажем, с часовым механизмом?

Пихт откровенно захохотал, глядя на Коссовски:

— Тебе ли не знать, Зигфрид, о том, что с тех пор, как появился первый аэроплан, в авиации потерпело аварию две тысячи триста семнадцать самолетов. Не сбитых в бою, а просто потерпевших аварию из-за туманов, гроз, плохих аэродромов, слабой выучки, а главное, от несовершенства конструкции. «Штурмфогель» — нечто новое в самолетостроении. И я не знаю, сколько еще аварий и катастроф произойдет с ним, пока он научится летать. И если такие бдительные контрразведчики, как капитан Коссовски, будут искать в них мину и подозревать пилотов в шпионаже, клянусь, он никогда не взлетит...

2

Машина со скрежетом остановилась. У шлагбаума стояли два жандарма с блестящими жестяными нагрудниками на шинелях. Шофер предъявил пропуск.

Жандарм осмотрел машину и, козырнув, разрешил ехать дальше.

Берлин, как обычно, был погружен во тьму. Машина помчалась мимо черных громад зданий.

— Остановитесь у абвера,— сказал Коссовски, когда «оппель» выехал на Вильгельмкайзерштрассе.

Коссовски думал, что Лахузена он не застанет, но тот, оказывается, ждал его.

Лицо полковника абвера выражало крайнее недоумение.

— Проходите и садитесь, капитан,— проговорил Лахузен, собирая со стола документы.—Вы устали, конечно, но придется еще поработать. Невероятное дело. Из ряда вон...

— Не понимаю вас, господин полковник.

— Ах да! В руки гестапо попал человек. У него выколотили признания. Он оказался связным «Роте капеллы» — красной подпольной организации. Он шел к Перро. И знаете, кто им оказался? Майор Эвальд фон Регенбах!

Если бы Коссовски не сидел в кресле, у него, наверное, подкосились бы ноги. Он мог подозревать Регенбаха, как подозревал в измене и второго коричневого фюрера — Гесса, когда тот перелетел в Англию, но то, что неуловимый, всезнающий, загадочный Перро — это Регенбах, никак не укладывалось в его сознании.

— Мы узнали об этом утром. Канарис уехал к Гиммлеру, потом докладывал рейхсмаршалу Герингу. Ведь Геринг рекомендовал Регенбаха на высшие курсы штабных офицеров люфтваффе. Тот дал согласие на арест совсем недавно: от улик не уйдешь.

— Какая же роль уготовлена мне в этом деле? — спросил Коссовски.

— Самая первая. Гиммлер обещал Канарису передать Регенбаха нам. За его домом установлена слежка. Вы проникнете к нему, скажем, с важным сообщением и арестуете его. А то, не дай бог, он вздумает застрелиться. Нам он, конечно, нужен живым. Действуйте сейчас же.

— Неужели даже среди таких немцев могут быть красные?

Лахузен развел руками.

— Теперь от Перро нас поведет прямая дорога

к Марту с его рацией в Лехфельде...— жестко проговорил Коссовски.

— Вот поэтому мы и решили дать вам первую роль, так как вы наиболее преуспели в этом деле,— сказал Лахузен.— Оттого, насколько удачно вы проведете операцию, будет зависеть ваше повышение по службе.

— Я всегда служил рейху и фюреру...— начал, поднявшись, Коссовски.

— Да, да...— перебил его Лахузен.— Вы были исполнительным работником. Только не поскользнитесь сейчас. Регенбаха, повторяю, нужно взять живым. Пароль: «Изольда».

Лахузен нажал на кнопку звонка. В кабинет вошли трое сотрудников абвера. Одного из них Коссовски уже знал — это был шофер, который возил его в Лехфельд.

— Довольно шустрые ребята,— порекомендовал Лахузен.— Вы поедете с ними, капитан. Да! И как только возьмете Регенбаха, сразу же позвоните мне. Я буду вас ждать.

...В два часа ночи машина остановилась у подъезда аристократического особняка недалеко от Тиргартенпарка. Из темноты выросли две тени в штатском. Коссовски назвал пароль.

— При любом подозрительном шорохе ломайте дверь и берите,— сказал Коссовски абверовцам.— Я же позвоню ему из автомата.

«Если Регенбах еще ни о чем не догадывается, попробую взять его без лишнего шума, а то и вправду, чего доброго, он вздумает пустить себе пулю в лоб»,— подумал он, опуская в автомат десятипфенниговую монету.

В трубке довольно долго раздавались гудки. Наконец кто-то поднял трубку и держал ее в руке, словно раздумывая, отвечать или не отвечать.

— Господин майор? — спросил тогда Коссовски.

— Да,— сонным голосом ответил Регенбах.

— Извините за поздний звонок, но я только что вернулся из Лехфельда и привез ошеломляющее известие, которое не терпит отлагательств.

— Что случилось? Вам удалось выудить Марта?

— Разрешите мне заехать к вам и все объяснить.

Некоторое время Регенбах колебался:

— Вы где сейчас?

— Совсем рядом, звоню из автомата.

— Хорошо, жду.

Коссовски кинулся к особняку Регенбаха.

— Встаньте в тень. Беру его сам,— шепнул он абверовцам.

Через пять минут Коссовски нажал на кнопку звонка.

Регенбах встретил его в пижаме и домашних туфлях.

— Здесь никого нет? — спросил Коссовски.

Из глубины спальни раздался лай.

— Прекрати, Зизи! — приказал женский голос, и собака успокоилась.

Регенбах и Коссовски прошли в кабинет. Опытным взглядом Коссовски ощупал карманы Регенбаха и убедился, что пистолета там нет.

— Ну? — нетерпеливо спросил Регенбах.

— Перро...

— Что Перро?

— Я привез приказ арестовать вас, Перро...

Регенбах побледнел. Рука упала на ящик письменного стола.

— Отойдите! — крикнул Коссовски.

За дверью послышались шаги. Тот абверовец, который был шофером у Коссовски, подошел к майору и ловко защелкнул наручники.

— Что случилось, Эви? — растолкав офицеров, в кабинет стремительно вошла красивая женщина в халате из цветного японского шелка.

— Успокойся, дорогая,— пробормотал Регенбах и опустил голову.

— Фрау, дайте одежду вашему мужу,— приказал Коссовски.

— Я пожалуюсь штандартенфюреру! — Женщина гордо откинула белокурые волосы.

— Бесполезно, Лези.— Регенбах вдруг выпрямился и в упор посмотрел на Коссовски.— Вы неплохо сработали, Зигфрид.

...Лишь на рассвете Коссовски добрался до собственного дома. Голову ломило от нестерпимой боли. Он понимал, что ему надо присутствовать на первом допросе Регенбаха. От первого допроса, как это часто бывает, зависели и остальные допросы. На первом допросе

Коссовски и абверовец вывели Регенбаха из дома.

в какой-то мере можно определить характер преступника, его стойкость, мужество или трусость, его поведение в дальнейшем. Но он настолько устал, что Лахузен сам заметил землистый цвет его лица и предложил поехать домой, как следует выспаться. Слишком трудным и нервным был этот день даже для такого опытного контрразведчика, каким был Коссовски.

Глава одиннадцатая

ЭХО В БЕСКРАЙНЕМ НЕБЕ

В конце августа 1942 года в Житомир выехал начальник политической разведки СС Вальтер Шелленберг. В полевой штаб-квартире рейхсфюрера он высказал Гиммлеру мысль о том, что, пока германские войска наступают на Сталинград, надо прийти к «компромиссному соглашению» с Англией и США.

Шелленберг был весьма дальновиден в вопросах политики. Одним из первых среди высших чинов рейха он понял, что война с Россией принимает затяжной, а значит, гибельный для Германии характер. Обладая колоссальными ресурсами на Урале и в Сибири, русские выпускают все больше и больше танков, самолетов, орудий, боеприпасов. Все сильней возрастает сопротивление, ширится партизанская борьба, растет оппозиция и в самой Германии.

Если объединиться с США и Англией, то еще может возникнуть шанс на победу.

Придется отказаться от прежней мечты о мировом господстве и разделить русский пирог на троих. Чтобы «сосредоточиться на конфликте с Востоком», Гиммлер и Шелленберг собирались предложить западным державам такой план: вермахт выводит свои войска из Северной Франции, Голландии и Бельгии. После разгрома Советского Союза Германия передает Англии район между Обью и Леной, а Соединенным Штатам — район между Леной, Камчаткой и Охотским морем.

Придется внушить фюреру мысль: пока не поздно, пойти на мировую с томми и янки!

1

Летчики Лехфельда проснулись в одну минуту от тяжелого гула самолета. Они хорошо разбирались в звуках своих машин, но рев, прокатившийся по небу, был им незнаком. Они высыпали на веранду, но самолет уже скрылся в неясной предрассветной дымке.

Два «Ме-109» взлетели и понеслись в ту сторону, куда скрылся неизвестный самолет.

Через несколько минут с аэродрома на мотоцикле приехал Гехорсман.

— Видали, господа? — крикнул он снизу.

— Что случилось, Карл? — спросил Вендель.

— Случилось то, чего можно было давно ждать.

— Да говори же толком!

— В службе оповещения спали, дьяволы... Он свалился вон оттуда и пролетел над полосой.

— А ты, идиот, думал, что он решил садиться?

— Я не думал, а просто дежурил в мастерской,— обиделся Гехорсман.

— Какой марки был самолет?

— «Москито».

— Теперь черта с два догонишь...

— Может быть, сшибут зенитчики? — спросил пилот Шмидт.

— Ха, ты видел, чтобы они когда-нибудь сшибали? — рассмеялся Вендель.

Спор оборвался, когда пилоты услышали приближающийся гул. Истребители вынырнули из-за леса и сразу плюхнулись на землю. Мотор одного из них сильно дымил. Летчики побежали к аэродрому.

— Ну как, Пауль? — закричали они Пихту, вылезающему из кабины.

Пихт только махнул рукой.

— Он припустил от нас, как заяц.— Вайдеман сбросил парашют на землю и, разминаясь, прошел взад-вперед.— Засек все-таки... Теперь будем ждать гостинцев...

— А «фокк» догнал бы? — спросил Пихт Вайдемана.

— Вряд ли,— ответил Вайдеман.— Тяжеловат он.

На аэродроме с самого начала войны с Россией дежурили по готовности номер один два истребителя.

В любую минуту дня и ночи они могли взлететь навстречу неприятелю. В это раннее утро дежурили Пихт и Вайдеман — оба на самолетах «Ме-109».

Истребитель «Фокке-Вульф-109» с поршневым мотором воздушного охлаждения был прислан в Лехфельд недавно. Летчики могли наблюдать за ним только издали: подходить к нему близко никому не разрешалось, кроме Вайдемана, который с должностью первого летчика-истребителя «Штурмфогеля» сочетал обязанности командира отряда воздушного обеспечения.

Самолет был хорошо вооружен и защищен броней. Министерство авиации дало фирме большой заказ. Эту машину Гитлер намеревался бросить в одну из решающих битв.

— Наше дежурство кончилось, сегодня будем тренироваться на стрельбах,— проговорил Вайдеман, оглядывая свой истребитель.

На опушке леса в отвале саперы оборудовали для летчиков тир. В трехстах метрах от движущихся мишеней самолетов была установлена кабина «мессершмитта» с прицелом. Перед фонарем стоял пулемет «МГ-17». Летчик ручкой управления мог направлять кабину в любую сторону — создавалось ощущение полета. Он ловил в прицел движущуюся мишень русского самолета и открывал огонь.

Лучше всех стрелял Вайдеман. Кабина легко шла вслед за ручкой управления, он быстро ловил мишень и короткой очередью прошивал ее от носа до хвоста.

— Вот это стрелок! — восхищались пилоты.— Скажи, Альберт, как это тебе удается?

Вайдеман, усмехаясь, отвечал:

— Профессиональная тайна. Если я научу вас, мне не дадут Железный крест.

Отстрелявшись, он подошел к Пихту:

— Пауль, надоела мне вся эта штука. Буду проситься на фронт.

— Там-то тебе приготовят березовый крест,— сказал Пихт.— В конце концов, доделают же «Штурмфогель».

В это время «москито» — облегченный английский бомбардировщик со снятым вооружением — перелетел Ла-Манш и приземлился на авиабазе в юго-восточной

части Англии, Медменгеме. Капитан Чарлз Боут, командир «москито», немедленно передал пленку в фотолабораторию.

Да, он сфотографировал уединенный в сельской местности близ Аугсбурга аэродром.

Да, он видел в конце взлетной дорожки странные черные полосы.

Да, они спаренные.

Фотолаборатория аэрофотограмметрического подразделения подтвердила сообщения о том, что немцы заняты исследованиями новых летательных аппаратов. По всей видимости, это ракеты или самолеты с реактивными двигателями. Они и оставляют на взлетной дорожке черные следы от газовых струй. Ни в Англии, ни в Соединенных Штатах такого оружия не было, если не считать нескольких экспериментальных экземпляров «Глостер» и «Белл Р-59»...

2

Для нового «Штурмфогеля» фирма Юнкерса прислала опробованные двигатели, и Зандлер решился снять поршневой мотор, чтобы не утяжелять нос машины. Впервые после долгого перерыва он решил испытывать «Штурмфогель» только на реактивной тяге.

— Альберт,— сказал Зандлер Вайдеману перед полетом,— я приказал поставить в кабине киноаппарат. Если вам удастся взлететь, не забудьте его включить. Кинопленка расскажет нам о показаниях приборов.

— Это в том случае, если я сыграю в ящик? — наигранно-наивно спросил Вайдеман.

— Мало ли что может случиться.— Зандлер нервно дернул худым плечом.— После катастрофы в Рехлине мы должны всем господам великого рейха доказать, что «Штурмфогель» — это не мертворожденное дитя.

— Понимаю,— на этот раз серьезно ответил Вайдеман.

...Бешено взвыли двигатели. Стрелка керосиномера поползла вниз — так грабительски моторы сжигали топливо.

— «Штурмфогель», вам взлет! — услышал Вайдеман в наушниках.

Самолет рванулся вперед. Вайдеман двинул педали, потянул ручку, но машина не слушалась рулей. Она неслась по бетонной полосе независимо от воли пилота. Почувствовав, что скоро кончится бетонная полоса, Вайдеман убрал тягу и нажал на тормоза. Машина резко качнулась, едва не перевалившись на хвост.

«Да ведь только так я сумею поднять самолет! — догадался Вайдеман.— На скорости сто шестьдесят километров я нажму на тормоза, хвост попадет в воздушный поток, и «Штурмфогель» станет управляем».

К остановившемуся в конце аэродрома самолету подъехали инженеры и Зандлер.

— Опять не получилось? — спросил обескураженный Зандлер.

— Я не мог оторвать хвост самолета. На взлете он был неуправляем.

— Да, я видел это. Что-то я не рассчитал.

— Разрешите попытаться взлететь еще раз.

— Что вы задумали? — насторожился Зандлер.

— Попробую на взлете тормознуть.

— Это опасно, Альберт.

Но Вайдеман промолчал. Он отстегнул парашют и вылез из кабины. Подъехал керосинозаправщик. Техники перекинули его шланги к горловинам баков в крыльях «Штурмфогеля».

— Хорошо, сделаем еще одну попытку,— разрешил Зандлер.

«Старик долго не протянет»,— подумал Вайдеман, глядя на бледное, изможденное лицо профессора.

Снова с чудовищным грохотом рванулся «Штурмфогель» по аэродрому. Вайдеман легким нажимом придавил педаль тормоза. «Штурмфогель» помчался теперь на основных шасси. Ручка управления упруго впилась в ладонь.

— Ага, послушался! — лизнув губы, прошептал Вайдеман.

Теперь он ясно видел полоску аэродромных прожекторов в конце бетонной площадки. Машина достигла взлетной скорости, но Вайдеман ручкой прижимал ее к бетонке и лишь на последних метрах потянул управление рулем высоты на себя.

Самолет устремился вверх. «Летит, летит!»

— Алло! Я «Штурмфогель»!— закричал Вайдеман,

прижав к горлу ларингофон. — Взлет на скорости сто шестьдесят два километра в час. Набираю высоту. Скорость сейчас шестьсот пятьдесят. Температура газов за турбиной...

— Альберт! — услышал Вайдеман взволнованный голос Зандлера.— Поздравляю, Альберт! Скорость не повышайте. Работайте до пустых баков!

— Хорошо, профессор! Ого, как быстро я набрал высоту.

Вайдеман пошел на разворот. Привязные ремни больно врезались в плечи. Рот скособочило. Кровь прихлынула к глазам.

— Чувствую большие перегрузки,— передал Вайдеман.

— Так и должно быть, Альберт,— немедленно отозвался Зандлер.

Под крыльями разворачивалась земля. Краснели среди светло-ржавых полей и темных лесов Лехфельд, замок Блоков. Вдали голубели Баварские горы и дымил трубами заводов Аугсбург.

Через двадцать минут стрелка расходомера подошла к критической черте. Убирая тягу, Вайдеман по-

несся к земле. Он удивился приятному наслаждению полетом на «Штурмфогеле».

Впереди не было винта мотора, и не лезли в кабину выхлопные газы. Звук от работы двигателей уносился назад, и пилот чувствовал лишь мерное дребезжание корпуса да иногда прокатывающийся гром — моторы дожигали топливо.

Над землей Вайдеман выровнял самолет и плавно посадил его на бетонку.

Вайдеман увидел бегущих к нему людей. Весь аэродром сорвался с места — «Штурмфогель» наконец увидел небо.

— Полет закончил,— передал Вайдеман и добавил совсем уж некстати для этого момента: — А все же надо повыше поднять стойку носового колеса, профессор.

3

Коссовски стал временно замещать должность начальника отдела «Форшунгсамта», но ответственность за секретность работ в Лехфельде с него не сняли. Присутствуя на допросах Регенбаха, он никак не мог уловить связей, которые тянулись из Берлина в маленький городок под Аугсбургом. Регенбах молчал. Он терял сознание от боли при пытках, его лечили в тюремном лазарете и снова истязали, но едва он приходил в себя, сжимал рот и не произносил ни единого слова. Коссовски понимал, что у Регенбаха наступило такое ожесточение, которое заглушало даже самую чудовищную боль. Понимал он и то, что такие уловки, как обещание сохранить жизнь, дать возможность жить дома при домашнем аресте, даже вручить пистолет, чтобы тот сам покончил с собой, ни к чему не приведут. Поэтому оставался лишь один метод — сломить ожесточение постоянной, не прекращающейся ни днем, ни ночью болью.

Таинственный Март был надежно прикрыт яростным, нечеловеческим упорством Регенбаха.

Снова и снова Коссовски сопоставлял факты, искал зацепки в лехфельдских авариях. Но картина получалась расплывчатая, неясная, как ранние осенние ночи, когда он, изнуренный, с тяжелой головной болью, возвращался домой отдохнуть, чтобы с утра снова тянуть

бесполезную канитель с Регенбахом и ускользающими именами Вайдемана, Зейца, Пихта, Ютты...

Вдруг функабвер прислал Коссовски две перехваченные телеграммы. Расшифровать их удалось далеко не полностью. Но все же стало ясно, что Директор дважды запрашивал у Марта сведения о каком-то объекте «Б». Значит, лехфельдская радиостанция должна непременно отозваться. Коссовски выехал в Лехфельд.

Осень уже собрала свою жатву. Леса и рощи стали светлей, прозрачней. Опустели поля. Лес неподалеку от Лехфельда съежился и потемнел; обнаружилось кладбище, где рядом с крестами и памятниками стояли погнутые винты самолетных моторов — здесь мокли под моросящим дождем мертвые пилоты.

Коссовски сразу же проехал к Флике. Шарообразная голова с уныло повисшим носом и маленькими глазами освещалась крошечной лампочкой от бортового аккумулятора, которая висела над крупномасштабной картой района Аугсбурга и Лехфельда. Сверху опускались шнурки с грузиками, при помощи которых можно по пеленгам засечь подпольного радиста.

— Ничего утешительного, — развел руками Флике, увидев входящего в автофургон Коссовски.

— Станция должна заработать,— сказал Коссовски.— От вас можно соединиться с Зейцем?

— Разумеется.— Флике нажал на коммутаторе кнопку и набрал номер телефона оберштурмфюрера.

— Говорит Коссовски... Вальтер, вам известно о новых телеграммах?

— Да.

— Как вы думаете, радист отзовется?

— Конечно. Только я еще не знаю, что это за объект «Б».

— Я тоже не знаю... Но радист должен рано или поздно ответить Директору,— помолчав, сказал Коссовски.— Поэтому в мое распоряжение дайте взвод солдат. Мы должны сразу же определить местонахождение рации и взять радиста.

— Хорошо, я дам вам взвод солдат из охраны аэродрома,— поколебавшись, согласился Зейц.

— И еще одна просьба... О том, что я в Лехфельде, никто, кроме вас, знать не должен.

— Понятно,— отозвался Зейц и положил трубку.

4

...Рация заработала в одиннадцать ночи, когда на город опустилась холодная, звездная ночь. «КПТЦ 6521. 9006. 5647...» — понеслись в эфир торопливые точки-тире. Сразу же в динамик ворвались голоса функабверовцев, которые дежурили на мониторах.

— Я «Хенке», сто семьдесят три градуса...

— «Бове», сорок семь...

— Говорит «Пульц», двести шестьдесят...

— Я «Кук», сто двенадцать...

Фликс стремительно передвигал на карте Лехфельда красные шнурки с тяжелыми грузиками. В перекрестке этих шнурков Коссовски увидел район авиагородка. Кровь ударила в виски. «Все точно!» Он бросился к выходу, к своей машине.

— Тревога!

— Куда? — вынырнул из темноты лейтенант Мацки.

— Оцепить дома Зандлера, Хайдте, Венделя, Бука!

Шофера поблизости не оказалось, и Коссовски сам погнал «оппель». Хорошо, что никто не шатался по шоссе. «Скорей, скорей!» Он нажимал на газ. Машина летела на предельной скорости. Коссовски, обычно предусмотрительный, осторожный, на этот раз не думал, сможет ли он один справиться с Мартом или радистом. Он хотел лишь застать разведчиков за рацией, у работающего ключа.

Коссовски всего на мгновение оторвал взгляд от дороги, но в память уже цепко вошла увиденная картина: приземистый особняк Зандлера, бордовые шторы гостиной — там кто-то есть. Нога соскользнула с рычага газа на большой рычаг тормоза. Коссовски качнулся на баранку, больно ударившись грудью. Пинком он отшвырнул дверцу и выскочил из машины, выхватывая из кобуры пистолет.

Дверь заперта. Коссовски показалось, что машины с солдатами идут слишком медленно, хотя они неслись на предельной скорости. Наконец солдаты высыпали из кузовов. Коссовски приказал ломать дверь. Застучали приклады. Дверь, сорвавшись с петель, рухнула. В гостиной никого не было.

В три прыжка Коссовски взбежал к антресолям.

— Руки! — Коссовски успевает заметить отступившую в темноту Ютту.

С грохотом распахивает дверь. В углу на тумбочке горит крошечная лампочка под голубым абажуром. На столе стоит чемодан с зеленым глазком индикатора, рычажки настройки, ключ, полоска бумаги...

— Руки! — Коссовски успевает заметить отступившую в темноту Ютту.

«Почему поднимается одна рука?» — мелькает мысль.

Что-то тяжелое падает на пол. Глаза ослепляет яростная вспышка. Чудовищная сила бросает Коссовски вниз. Падая, он ударяется затылком, скребет по ковру, встает и, шатаясь, опаленный, почти без сознания, вываливается в коридор. Оттуда, где была комната Ютты, бьет огонь. Затухающее сознание ловит еще какой-то резкий звук. Боли нет, только что-то мягкое, сильное ударяет в грудь и опрокидывает навзничь.

Глава двенадцатая

ГОД, ПЕРЕЛОМЛЕННЫЙ НАДВОЕ

Гитлер молча выслушал доклад генерал-полковника Паулюса. Ударом с флангов русские прорвали фронт и окружили крупнейшую группировку у Волги. Паулюс советовал отходить, чтобы сохранить свою армию.

— Ни в коем случае! — закричал вдруг Гитлер.— Запомните, генерал, я не собираюсь уходить с Волги.

— Тогда мне нужна помощь,— сказал Паулюс.

— Помощь вам придет. Кейтель, сформируйте группу армий «Дон». Перебросьте танковые дивизии из Воронежа, Орла, с Кавказа, из Франции, с Балкан.

— Кто будет снабжать меня боеприпасами? — спросил Паулюс.

— Герман, сможешь ли ты по воздуху обеспечить Паулюса?

— Да, мой фюрер! — ответил Геринг.

— Мне до зарезу нужны сейчас транспортные самолеты, тысячи бомбардировщиков.— Гитлер подошел к огромному глобусу на массивной подставке и с силой крутнул его.— Тогда я смету с лица земли всех сопротивляющихся! — Внезапно Гитлер остановился перед Герин-

гом.— Вчера мне докладывал Галланд о том, что новый самолет «Штурмфогель» прошел испытания.

— Это будет превосходный перехватчик, мой фюрер.

— Мне нужен бомбардировщик! Скоростной дальний бомбардировщик, способный уничтожать!

— Хорошо, мой фюрер.

— Испытательный аэродром спрячьте в горы, заройте под землю. Но сделайте так, чтобы об этих бомбардировщиках враг ничего не знал до тех пор, пока они не появятся в небе!

А у Волги в это время продолжались бои. Армия Паулюса отказалась от капитуляции. Она сопротивлялась, она ждала помощи. Но Геринг дал заведомо нереальное обещание. Несмотря на то, что к Сталинграду были стянуты все наличные силы транспортной авиации, армия не получала и десятой доли требуемых ей боеприпасов.

Советские истребители перехватывали и уничтожали самолеты люфтваффе. Но самой ощутимой потерей было то, что гибли вместе с самолетами лучшие кадры Германии, так как к пилотированию транспортных самолетов привлекались инструкторы авиационных училищ. Почти все они не вернулись с фронта.

1

Испытания «Штурмфогеля» вступили в решающую стадию, но неожиданно из штаба люфтваффе Мессершмитту пришел приказ сформировать из летчиков, занятых в работе фирмы, боевой отряд и направить в район станции Морозовской, северо-восточнее Ростова. Мессершмитт понял, что воздушные силы на Восточном фронте основательно поистрепались, летные школы не в состоянии восполнить потери, и поэтому командованию пришлось собирать в Германии резервы и бросать их на фронт. Летчики Мессершмитта назначались в действующую истребительную эскадру асов «Генерал Удет». К машинам, помимо крестов и номерных цифр, полагался отличительный знак эскадры — красный туз, обрамленный венком, сверху корона.

Техники выкрасили самолеты в маскировочные пятнистые цвета, намалевали на бортах знаки, поставили новые моторы. Скрепя сердце Мессершмитт утвер-

дил список личного состава отряда. Командиром назначался Вайдеман. Вместе с ним вылетали на русский фронт второй испытатель Вендель, пилоты воздушного обеспечения Пихт, Шмидт, Штефер, Привин, Эйспер, Нинбург, механик Гехорсман.

Вайдеман и Пихт поехали проститься к Эрике и Зандлеру. После невероятного случая с Юттой профессор и Эрика долго не могли прийти в себя. Ютта, секретарша самого конструктора, оказалась красной радисткой. Она взорвала себя и рацию гранатой, которую, очевидно, берегла на тот случай, если ее попытаются схватить гестаповцы. Огонь, несмотря на все усилия пожарных, успел сожрать все, что могло бы оказаться важной уликой. Весь пепел был собран и отправлен экспертам, но они нашли в нем только несколько попорченных деталей. Эти детали позволили установить, что радиостанция была немецкого производства, из тех, что монтировались обычно на транспортных трехмоторных самолетах «Юнкерс-52».

Дом отремонтировали, стену, отделявшую комнату Ютты от спальни Эрики, завесили алым крепом. Зейц, который в последнее время особенно часто навещал профессора, говорил, что в ту же злопамятную ночь скрылся и брат Ютты — Эрих Хайдте. Коссовски, по счастливой случайности, выжил. Опытный хирург сделал отчаянно смелую операцию, и теперь Коссовски лежит в лучшем военном госпитале в Бернхорне.

Когда Пихт и Вайдеман вошли к Зандлеру, они обратили внимание на то, как изменился профессор: опустившиеся плечи, бледное, даже голубоватое лицо, резкие морщины. Эрика была обеспокоена здоровьем отца.

Пихт крепко обнял девушку.

— Это встреча или прощание? — спросил Вайдеман.

Эрика освободилась от объятий и вопросительно посмотрела на Вайдемана.

— Встреча, Альберт,— сказал Пихт.

— Альберт, почему вы всегда так зло шутите? — Эрика отошла к буфету и сердито зазвенела чашками.

— Тогда пора прощаться,— посмотрел на часы Вайдеман, пропустив мимо ушей слова Эрики.

— Что это значит, Пауль?

— Через три часа мы улетаем на фронт.

— На фронт?

Пихт кивнул:

— На русский фронт.

— Надолго?

— Не знаю. Постараюсь вернуться, как только мы победим.

— Не волнуйтесь, фрейлейн.— Вайдеман сам достал из буфета коньяк и наполнил рюмки.— Выпьем за наши победы в русском небе!

— Ты вылетаешь на новом «фоккере», кажется? — спросил Пихт.

— Да. Я должен оценить его боевые качества и прислать фирме обстоятельный отчет.

В дверь позвонили.

— Это, наверное, Зейц,— шепнула Эрика и выбежала в переднюю.

Оберштурмфюрер сухо поздоровался с летчиками и сел за стол.

— Какой ты стал важный, Вальтер,— толкнул его локтем Вайдеман.

— Дел много...— односложно ответил Зейц.— А вы на фронт? Прощальный ужин?

— Как видишь...

Зейц поднял рюмку:

— Не дай бог попасть вам в плен.

— А мы не собираемся попадать в плен к русским,— засмеялся Пихт и снова обнял Эрику.— Надеюсь, невеста меня подождет?

Эрика покраснела и опустила голову.

— Как здоровье Коссовски? — вдруг серьезно спросил Пихт и в упор посмотрел на Зейца.

Тот нервно зажал рюмку.

— Поправляется, кажется. Я дважды навещал его...

— Ну, бог с ним, передай ему наши пожелания.— Пихт допил рюмку и встал, окинув взглядом, словно в последний раз, уютную гостиную Эрики.

2

Колючие метели носились по огромной русской степи. Обмороженные техники в куртках из искусственной кожи возились по ночам у моторов, едва успевая гото-

вить машины к полетам. «Ме-109» не выдерживали морозов. Моторы запускались трудно, работали неустойчиво, в радиаторах замерзало масло. Прожекторы скользили по заснеженным стоянкам, освещая скорчившихся часовых, бетонные землянки, вокруг которых кучами громоздились ржавые консервные банки, картофельная шелуха и пустые бутылки от шнапса. Только в дотах и можно было обогреться.

— Ну и погода, черт возьми! — ругался лейтенант Шмидт.— Если я протяну здесь месяц, то закажу молебен.

— Перестань ныть,— мрачно отозвался Вайдеман. — Мы здесь живем, как боги. Посмотрел бы, в каких условиях находятся армейские летчики...

— Я не хочу, чтобы в этой земле замерзали мои кости! — взорвался Шмидт.— Я не хочу, чтобы о нас в газетах писали напыщенные статьи, окаймленные жирной черной рамкой!

— Ты офицер, Шмидт! — прикрикнул Вайдеман.

— К черту офицера! Неужели вы не понимаете, что мы в безнадежном положении? Наши дивизии все равно пропадут, и отчаянные наши попытки пробиться к ним стоят в день десятков самолетов. Я не трус... Но мне обидно, что самую большую храбрость я проявляю в абсолютно бессмысленном деле.

— Фюрер обещал спасти армию,— сказал Пихт.

Летчики замолчали и оглянулись на Пихта, который сидел перед электрической печью в меховой шинели и грел руки.

— Из этой преисподней никому не выбраться,— нарушил молчание фельдфебель Эйспер.— Позавчера мы потеряли семерых, вчера — Привина, Штефера. Сегодня на рассвете — Нинбурга...

— Это потому, что у нас плохие летчики.—Вайдеман бросил в кружку с кипятком кусок шоколада и стал давить его ложкой.— Такие нюни, как Шмидт...

— Черта с два, я уже сбил двух русских!

— А они за это время четырнадцать наших.

— У них особая тактика. Видели, как вчера зажали Пихта?

— Какая там особая! Просто жилы покрепче.

Вайдеман отхлебнул чай и поморщился:

— В бою надо всем держаться вместе и не рассы-

паться. Русские хитро делают: двое хвосты подставляют, наши бросаются в погоню, как глупые гончие, а в это время их атакует сверху другая пара.

— Но и мы так деремся!

— Завтра кто нарушит строй, отдам под суд,— не обращая внимания на Шмидта, сказал Вайдеман.

...На рассвете техники стали заливать в моторы «мессершмиттов» антифриз [1]. Пихт побежал к своему самолету. Обросший, с коростами на щеках и носу, фельдфебель Гехорсман копался в моторе «фокке-вульфа».

— Что не весел, Карл? — спросил Пихт.

Гехорсман стянул перчатку и показал окровавленные пальцы:

— Я не выдержу этого ада.

— Вот коньяк, выпей — будет легче.— Пихт протянул ему фляжку.

— Слушайте, господин капитан,— проговорил Гехорсман тихо.— Смотрю я на вас, вы не такой, как все.

— Это почему же?

— Да уж поверьте мне. Если бы все были такие, как вы, Германия не опаскудилась бы, боль им в печень!

— Брось, Карл,— похлопал его по плечу Пихт.— Самолет готов?

— Готов.

— Когда-нибудь ты все поймешь,— многозначительно произнес Пихт.— Я могу рассчитывать на тебя?

— Как на самого себя!

— Хорошо, Карл. А теперь давай парашют.

Гехорсман помог Пихту натянуть на меховой комбинезон парашют и подтолкнул летчика к крылу:

— Только берегитесь. Русские когда-нибудь посшибают вас всех.

Из землянок выходили другие летчики и медленно брели к своим машинам.

— Ты знал Эриха Хайдте? — вдруг спросил Пихт.

— Знал,— помедлив, ответил Гехорсман.

— Он был неплохой парень?

Гехорсман сделал вид, что не расслышал, спрыгнул с крыла и отбежал в сторону.

[1] Антифриз — жидкость, не замерзающая при низких температурах.

Над аэродромом проплыли на большой высоте две группы трехмоторных «юнкерсов». Около восьмидесяти самолетов. Их и должны были прикрывать асы отряда Вайдемана. Истребители, стреляя выхлопами, стали выруливать на старт. Снежная пороша забушевала на стоянках.

Пихт включил рацию. Сквозь треск в наушниках прорвался голос Вайдемана:

— Так не забудьте: кто выскочит из строя, отдам под суд!

Истребители на форсированном режиме догнали транспортные самолеты и построились попарно сверху. Пихт посмотрел вниз на белую снежную пустыню. Ни деревень, ни городов — снег и снег. Люди давно ушли отсюда, а если кто и остался, то, наверное, зарылся так глубоко в землю — не достать никакими фугасками. Иногда через поля, а чаще через холмы пробегали обрывистые змейки покинутых окопов.

— Внимание, проходим линию фронта,— предупредил Вайдеман.

Никакой линии внизу не было. Та же равнина, те же снега. Только где-то на горизонте дымно чадил подожженный дом, черная лента тянулась по белому снегу. В небе слева вдруг что-то передвинулось и насторожило Пихта. Закачали крыльями пузатые транспортники, закружились турели с короткими спарками пулеметов. «ЯКи»!

Светло-зеленые истребители с яркими красными звездами стремительно сблизились с тяжелыми самолетами, и строй сразу же стал распадаться. Одна машина, задымив, пошла к земле.

— Русские! — закричал Вайдеман.— Звенья Пихта и Шмидта вниз!

Пихт, убрав газ, нырнул в образовавшуюся брешь и сразу же попал в клещи двух «ЯКов». Он двинул ручку вперед, крутнул нисходящую спираль. Ушел! И тут в прицеле появился «ЯК». Истребитель шел в атаку против трех «юнкерсов». Пихт дал длинную очередь. Трасса прошла перед носом истребителя. Русский летчик оглянулся назад, увидел повисший в хвосте «мессершмитт» Пихта, видимо, что-то закричал и змейкой стал закрывать своего товарища, который шел впереди.

Откуда-то сбоку вывалился Шмидт.

— Мазила! — заорал он, повисая на хвосте ведомого и стреляя из всех пулеметов.

«ЯК» завалился на крыло и, рассыпаясь, полетел вниз.

Пихт бросил истребитель в сторону, оглянулся — ведомого нет. «ЯКи» и «мессеры» крутились, как взбесившиеся осы. Внизу на земле дымило несколько рыжих костров — горели первые сбитые самолеты. Русских было немного. Но две пары сковали Вайдемана. Две пары щелкали «юнкерсов». Три истребителя навалились на Шмидта и его ведомого. Шмидту удалось сначала вырваться из тисков, но на крутой горке [1] его самолет потерял скорость и завис. В этот момент «ЯК» с короткой дистанции срезал самолет очередью. «Мессер» взорвался, рассыпав по небу куски крыльев и мотора. «Отвоевался Шмидт»,— успел подумать Пихт.

Строй «юнкерсов» распался окончательно. Теряя машину за машиной, группы разворачивались и, разгоняясь на планировании, пытались оторваться от «ЯКов».

«Теперь попробуй уберечь себя»,— приказал себе Пихт.

Он направил машину вверх, где дрался Вайдеман. Один из «ЯКов», заметив его, вошел в полупетлю. Нажав на гашетки, Пихт отбил атаку. «ЯК» скользнул на крыло, стараясь зайти в хвост. «Нет, не отцепится». Тыльной стороной перчатки Пихт вытер пот. На помощь «ЯКу» подоспел еще один.

— Фальке! [2] — закричал Пихт, вызывая Вайдемана.— Отгони сверху, они зажали меня.

— Не могу, Пауль...— хрипло отозвался Вайдеман.

В бешено перемещающихся линиях земли и неба Пихт все же увидел его самолет — единственный «Фокке-Вульф-190» новейшей модификации, который еще не вошел в серийное производство. Пихту удалось на несколько секунд отбиться от «ЯКов». Он пристроился к Вайдеману так, что тот не мог уйти с левым разворотом.

— Освободи путь! — закричал Вайдеман.

«ЯК» открыл огонь.

---

1 Горка — резкий набор высоты самолетом.
2 Сокол (нем.).

— У меня заклинило мотор! — испуганно сообщил Вайдеман.

— Попал снаряд?

— Наверное. Я выхожу, следи за мной.

«Фоккер» быстро проваливался вниз.

— Садись на вынужденную. Видишь реку? — спросил Пихт.

Вайдеман промолчал, видимо, отыскивал на карте место, над которым сейчас летел.

— Да, кажется, рядом можно сесть. Но там русские!

— Вряд ли. Зажигание выключено?

— Да.

— Перекрой баки!

Сильно раскачиваясь с крыла на крыло, «фоккер» Вайдемана планировал с выключенным двигателем. Вот он перевалил через овражек, достиг реки.

— Если русские — беги! — успел крикнуть Пихт.

Самолет Вайдемана врезался в сугроб и пропал в фонтане снега.

Пихт резко потянул ручку на себя. От перегрузки потемнело в глазах. Два «ЯКа» шли на него. Тогда он закрутил отчаянный штопор, вышел из него почти у самой земли и хотел уйти на бреющем. Но «ЯКи» решили доконать его. Тогда Пихт снова полез вверх. Последнее, что он увидел в холодном небе,— дымящийся «юнкерс». Чей-то истребитель отвесно шел к земле и, воткнувшись в запорошенную землю, взорвался, как большая фугасная бомба. «Мессеры» и «юнкерсы» скрылись. Теперь Пихт видел только «ЯКи».

Взрыв у мотора сильно качнул самолет. В следующую секунду будто треснул фюзеляж. Пихт выпустил управление из рук и до боли сжал зубы. «Все...— На плечи навалилась страшная усталость.— Обидно, такая нелепая смерть...» Мотор захлебнулся и трясся оттого, что еще крутился погнутый винт. На мгновение Пихт услышал цепенящую тишину, а потом свист.

«А может, попробовать?» — шевельнулась мысль.

Рука нашла у левого борта ручку, потянула вверх. Скрипнул задний козырек кабины и рванул фонарь. Морозный воздух хлестнул по лицу. И тут Пихт увидел кружащуюся внизу белую землю, проволочные заграждения, дорожки темных окопов. Правой рукой он рас-

крыл замок привязных ремней. Больно дернули лямки парашюта. «ЯКи» прошли рядом. В заиндевевших фонарях Пихт увидел любопытные лица пилотов.

На землю он свалился, как будто сбитый ударом кулака,— ударился подбородком о твердую кочку. Закапала кровь. Он стянул перчатку, зажал рану.

— Да вот он! — услышал Пихт за спиной русскую речь.

— Вот фриц проклятый, притаился,— проговорил другой.

— Тише, Семичев! Еще стрелять будет.

— Я вот ему стрельну!

Из глаз Пихта сами собой потекли слезы. Он уткнулся в колючий сугроб и замер.

Над головой захрустел снег.

— Может, убился? — почему-то шепотом спросил солдат.

— Давай перевернем. Кажется, дышит еще.

— А парашют добрый. Нашим бабам на платье бы...

— Да он пойдет и на военную надобность. Берем?

— Давай.

Солдаты взялись за плечи Пихта.

— Я сам,— проговорил Пихт.

— Живой! Что-то лопочет по-своему! — обрадованно воскликнул солдат.

Пихт поднялся на колени и освободился от ремней парашюта.

— Не балуй,— отскочив и вскидывая винтовку, неожиданно закричал солдат в рыжей старой шинели и подшитых валенках, видимо Семичев.— Хенде хох!

Другой, помоложе, маленький и узкоплечий, вытащил из кобуры парабеллум, поглядел на Пихта и удивленно свистнул:

— Плачет...

— От мороза надуло,— сердито сказал солдат с винтовкой, Семичев.— Он ведь, немец, к зиме непривычный.

Тот, кто обезоружил Пихта, был так мал, что винтовка, перекинутая через плечо, ударяла его прикладом под колено. Лицо у солдатика почернело от холода, на бороде заиндевел белесый пушок. Он еще раз взглянул на Пихта.

— Первый раз вижу фрица так близко.

— Насмотришься еще,— вздохнул Семичев и дернул винтовкой.— Ну, идем, гей форвертс!

Вдруг издалека донеслись выстрелы. Стреляли беспорядочно и зло. Пихт увидел зарывшийся в снег «фокке-вульф» Вайдемана. Альберт, сильно хромая, бежал в сторону немецких окопов. Значит, уцелел.

Шагов через двести Пихт свернул в лесок. Пахнуло дымом и душноватым солдатским теплом. Он спустился в траншею. У дверей одной из землянок появился солдат с грязным ведром. Видимо, он собирался выбросить сор на помойку. Увидев летчика в серо-голубом немецком комбинезоне, солдат истошно закричал:

— Братцы, глядите! Фрица ведут.

Из землянок выскочили солдаты — кто в нательном белье, кто в гимнастерках без ремня, в шинелях внакидку, а кто и совсем голый до пояса. Гомон вдруг смолк. В настороженной тишине Пихт почувствовал и любопытство, и ненависть, и еще что-то недоброе.

— Длинный, гадюка,— тихо проговорил кто-то.

— А видел, как наших сшибал?!

Семичев, видимо гордый поручением привести пленного, сообщал подробности:

— Упал, значит, и лежит, примолк. Думал, мы не заметим.

— А может, треснулся об землю и дух на миг потерял?

— Да нет, мы когда подошли, он забормотал чтой-то по-своему и стал снимать парашют. Дескать, Гитлер капут.

Солдаты засмеялись. Кто-то спросил:

— И куда его теперь?

— А там разберутся.

В командирской землянке было жарко. На раскрасневшейся железной печке подпрыгивал чайник. В темном закутке виднелись нары, но свет падал только на стол, сколоченный из расщепленных и необструганных бревен, да на сердитое лицо старшего лейтенанта в расстегнутой гимнастерке, с перевязанной рукой.

— Товарищ комбат! — крикнул с порога Семичев.— Ваше приказание выполнено, фриц доставлен.

— Встань у двери.— Комбат здоровой левой рукой застегнул воротник и, поднявшись, обошел вокруг Пихта.

— Значит, попался? Ферштеен?

Пихт отрицательно замотал головой. Комбат неуклюже достал из кобуры наган и взвел курок.

— К стенке! — закричал он вдруг.— Семичев, ну-ка отойди в сторону.

— Я прошу доставить меня к старшему командиру,— проговорил Пихт.

— Что он говорит? Понял, Семичев?

— Никак нет, товарищ комбат.

— Просит доставить к старшему командиру,— отозвался из темноты с нар глуховатый голос.

Пихт повернулся на голос. С нар сползла шинель и появилось заспанное пожилое лицо. Офицер с капитанской шпалой на петлицах сунул босые ноги в валенки, поискал в кармане очки и нацепил на широкий нос, отчего лицо посуровело, сделалось строже. У капитана на шее лиловел фурункул, и голову он держал, наклонив в сторону, изредка притрагиваясь рукой к больному месту.

— Я для него старший! — куражливо крикнул комбат.

— Ладно, Ларюшин,— остановил его капитан.— Я поговорю с пленным, а то ты сгоряча пустишь его в расход.

На хорошем немецком языке капитан спросил Пихта:

— Какого ранга вам нужен старший?

— Полка или дивизии.

— Они, гады, семью мою под Смоленском...— прошептал комбат и вдруг смолк, всхлипнул носом.

— По какому делу? — спросил капитан, неодобрительно покосившись на Ларюшина.

— Извините, но я вам не могу сказать. Лишь прошу об одном: на нейтральную полосу приземлился новейший истребитель «Фокке-Вульф-190». Добудьте его любой ценой...

— Ларюшин, позвоните в штаб.— Всем туловищем капитан повернулся к Пихту: — Вы из эскадры асов «Удет»?

— Да.

Комбат крутнул ручку полевого телефона:

— Алло, алло, шестой говорит. Дайте второго... Смирнов, ты?.. Слушай, надо прислать к нам кого-нибудь из отдела разведки дивизии. Пленный немец-летчик просит... Да, важный... Из эскадры «Удет»...

Пихт переступил с ноги на ногу, спросил:

— Вы не можете дать мне чая?

— Что он мелет? — Комбат оглянулся на капитана.

— Чая просит.

— Вот нахал! — удивленно воскликнул комбат и вдруг засуетился, достал откуда-то из-под вороха карт кружку, горсть сухарей, кусок сахару, налил кипятка.

От чая пахну́ло нагретой медью и дымком. Жадно Пихт впился зубами в черный сухарь.

— Не кормят вас, что ли? — спросил комбат.

— Видать, проголодался,— ответил капитан.

Через час приехал майор из отдела разведки дивизии, а вечером Пихта доставили на аэродром.

Сопровождающий офицер помог ему снять комбинезон и надеть армейский полушубок, от которого пахло

по-домашнему теплой овчиной и кожей. Вместо шлема Пихт надел шапку. Из ящиков офицер соорудил нечто вроде сидений. В кабине витал стойкий запах ржаных сухарей, стылого металла, оружейного масла.

— Не замерзнем, наверное.— Офицер с сомнением потрогал заиндевевшие стенки фюзеляжа.

Взревели моторы, погрохотали, то сбавляя газ, то прибавляя. «Дуглас» наконец качнулся и начал разбег.

— У вас есть папиросы? — спросил Пихт.

— Пожалуйста.— Офицер щелкнул портсигаром.

От крепкого дыма Пихт закашлялся. Настоящий, русский табак вошел в легкие и закружил голову.

В иллюминаторе плясали близкие зимние звезды. Убаюкивающе гудели моторы. Пихт привалился спиной к переборке кабины, попытался задремать, но не смог. От волнения дрожали руки и сильнее билось сердце.

Офицер открыл дверцу кабины летчиков и попросил радиста включить приемник. Стихийно-могучую «Песню темного леса» Бородина услышал Пихт. Он судорожно глотнул. Снова, как и в первый раз, на глаза набежала слеза. «Нервы»,— подумал Пихт и отвернулся, испугавшись, что офицер заметит слезы. Неожиданно музыка оборвалась и донесся бой кремлевских курантов. Часы били полночь.

— Далеко еще до Москвы? — спросил офицер.

Второй пилот, молоденький, курносый парень, посмотрел на часы и, не оборачиваясь, ответил:

— Минут сорок лёта...

«Сорок минут... Сорок»,— подумал Пихт и прижался лбом к холодному плексигласу иллюминатора.

3

Пихт шел бесконечно длинным пустым коридором, и взгляд его цепко останавливался на каких-то пустяковых деталях: на отбитой штукатурке, отсыревшем углу, где стояла старая фарфоровая урна, склеенная гипсом, на окнах с бумагой крест-накрест или забитых фанерой, на паркетном полу, на котором каждая дощечка издавала тягучий и больной звук. Большинство кабинетов было закрыто.

Сопровождающий офицер остановился перед угловой дверью, на которой висел обыкновенный тетрадный лист, пришпиленный кнопками. На бумаге косо была выведена фамилия: «Зяблов». Из-под двери на пол падала полоска света.

Офицер постучал.

— Войдите,— услышал Пихт глуховатый, знакомый голос.

— Товарищ полковник, по вашему приказанию пленный доставлен,— доложил офицер.

— Вы свободны. Вот вам пропуск в гостиницу.

Когда офицер вышел, Зяблов по-стариковски медленно поднялся из-за стола. В округлившихся его глазах светились и радость и изумление.

— Мартынов? Павел? — тихо, почти шепотом спросил он.

— Собственной персоной, товарищ полковник,— ответил Пихт — Мартынов по-русски.

Зяблов быстро подошел к нему и обнял:

— Здравствуй, Павлушка!

— Здравствуйте... Здравствуйте,— снова повторил Мартынов, удивившись, как нежно звучит это обыкновенное русское слово.— Вот, довелось все же встретиться. Господи, я уж и не чаял...

Он почувствовал, что язык стал каким-то непослушным и твердым, как-то странно прозвучали его слова. Будто он вообще был немым и только сейчас обрел дар речи. Звук «л» соскальзывал, «г» получалось как горловое, твердое «х».

— Акцент у тебя сильный,— огорчившись, произнес Зяблов.

— Я боялся, что за русского не признают, когда вернусь домой.

Зяблов на столе расстелил газету, достал из шкафчика бутылку водки, колбасу, соленый огурец и полбуханки ржаного хлеба.

— Ты раздевайся, покажись,— сказал он, рассекая огурец на дольки.

Павел сбросил полушубок и, улыбаясь, подошел к столу.

Зяблов взял с тумбочки стакан, поискал второй — не нашел, снял с кувшина крышку. «Мне, старику, и этой хватит»,— и разлил водку.

— Ну, Павел, как говорят, за встречу!

Водка обожгла горло. Павел закашлялся, пытаясь поддеть ножом пластинку огурца.

— Что, крепка! — обрадованно воскликнул Зяблов.

Горячая волна захлестнула грудь. В этот момент от Павла отделилось всё и все, с кем он встречался последние годы,— и Зандлер, и Зейц, и Вайдеман, и Коссовски, и Мессершмитт. Они как будто существовали отдельно, призраками на другой планете, на чужой земле. Сейчас был только старый-престарый друг, бывший наставник по спецшколе Зяблов.

— Скажите, «фоккера» добыли все-таки? — спросил Павел.

— Добыли,— кивнул Зяблов.— Бросили батальон Ларюшина в бой. Оттеснили фашиста, уволокли самолет на тягаче. А вот летчик успел скрыться.

— Из-за этого «фоккера» погибла Ютта,— нахмурился Павел.

— Как это произошло? — спросил Зяблов.

— Вы потребовали срочно передать данные об этом истребителе... Я рискнул, и... немцы засекли рацию. Коссовски ее раскрыл.

Зяблов выдвинул ящик и достал бланк принятой радиограммы, последней Юттиной радиограммы... Павел взял бланк и стал читать свое донесение: «Передаю данные объекта «Б». Мотор воздушного охлаждения «БМВ-801», мощность 1650 сил. Скорость — 600 км/час. Вооружение — четыре пулемета 12,5 мм, две пушки 20 мм «Эрликон». Усилена броня под мотором и баками. Установлены в кабине пилота две бронеплиты из спрессованных листов дюраля. Кабина более поднята, благодаря чему улучшен обзор, особенно задней полусферы. Дальность действия...»

Буквы перед глазами стали раздваиваться. Радист, принимающий эту телеграмму, дальше поставил знак «неразборчиво». Что произошло дальше, знал только Павел. Дальше ворвался Коссовски, Ютта схватила гранату и швырнула ее на пол... И Павел ничего не мог поделать. Он в это время специально увел Эрику в кино, а Зандлер был в Аугсбурге на основном заводе.

Зяблов налил водки:

— Давай выпьем за тех, кто воевал с фашистами

и геройски погиб... Вот Виктор, «гарсон» из «Карусели».

— Что с ним?

— Погиб... Выследило гестапо. После пыток отрубили голову и выставили на шесте...

«А мы всегда считали, что ему здорово везет,— подумал Павел.— Эх, Витька, Витька...»

Сначала он был в Черной Африке. Он видел немилосердные южноафриканские саванны, прямые слоновьи тропы, рыжие пятна высохших озер. Он готовился в школе для Германии — потенциального врага — и там в Африке вместе с немцем-летчиком возил алмазы с приисков в Дурбан, Ист-Лондон, Порт-Ноллот. Они летали, куда их гнали, летали на дохлых самолетиках, а внизу — пески, дикая жара, отравленные испражнениями пресмыкающихся ручьи. Во вторую кабину можно было бы ставить бак с водой на случай вынужденной посадки, но его занимал охранник из фирмы: не дай бог пилот украдет самолет и алмазы.

Напарника-немца звали Шуце. Когда с ним произошла авария, на розыски послали Виктора. Одного — ведь он не вез алмазы.

С большим трудом Виктор отыскал самолет Шуце. У мотора отлетел винт. Шуце изнемогал от жажды, а его охранник, забрав фляжку с водой, сидел поодаль и держал на коленях кольт. Виктор напоил Шуце — парень ожил. «Эй, ты! — крикнул охранник Виктору.— Перегружай ящик на свой самолет, и полетим!» — «А куда денем Шуце?» — «Черт с ним, он может подождать». Шуце возмутился. Но Виктор сдержал его. «Хорошо, он будет ждать,— сказал Виктор,— только сейчас он мне поможет». Они пошли к упавшему самолету за ящиком. «Убьем охранника и сбежим вместе с алмазами,— сказал Виктор.— Твоего и моего горючего хватит до Лоуренсу. Там найдем местных наци и передадим алмазы в фонд партии. Немцы помогут немцам...»

Что и говорить, план был рискованный, но верный. Шуце мог составить протекцию. Перенесли они ящик к самолету Виктора и стали копаться в моторе. «Я из вас душу вытрясу, чего копаетесь?» — орал охранник. «Чем кричать, помогите винт провернуть»,— сказал Виктор. Охранник вложил в кобуру кольт и уцепился

за винт. И тут Виктор крутнул ручку магнето. Винт разнес охраннику голову.

Виктор и Шуце слили горючее в один бак и на другой день были уже недалеко от Лоуренсу. Местные наци из колонистов, как и предполагал Виктор, помогли им перебраться в Германию, снабдили рекомендациями и документами. В то время со всех концов света собирались немцы на родину...

Из Германии Виктора перебросили во Францию. Там его и встретил Павел, но вида не подал. Виктор, рискуя провалиться, предупреждал, чтобы он, Павел, не шел на первую явку, уже засеченную гестапо.

— Ну что ж, выпьем, Владимир Николаевич, за мертвых, выпьем и за живых...

— Расчувствовался? — прищурился Зяблов.

— Работа, сами знаете, у нас нервная,— не то в шутку, не то всерьез ответил Павел.

Зяблов, думая о чем-то своем, собрал в газету остатки еды и спрятал пакет в стол. Потом он достал из сейфа толстую папку с надписью «Март».

— Ну, давай, дорогой товарищ Март, разберемся, что к чему...

За черным окном посвистывал ветер. Неизвестно, как он проникал через стекла и тихо шевелил плотные старые шторы.

На ночной улице властвовала тишина. Кружил только мягкий и крупный снег.

— Итак,— проговорил Зяблов,— первая часть твоей работы, начиная со Швеции и Испании, выполнена тобой неплохо... Стравливал по возможности Хейнкеля с Удетом, Мессершмитта с Хейнкелем, лишал Вайдемана уверенности в новой машине, ухаживал за дочерью Зандлера... Связь между нами, Перро — Регенбахом и тобой осуществлялась тоже нормально. Эрих Хайдте и, конечно, Ютта работали по его заданиям. Но Ютту мы потеряли. Перро погиб. Гестаповцам удалось разгромить крепкую и многочисленную подпольную антифашистскую организацию «Роте капелла». Ею руководили коммунисты Арвид Харнак и молодой офицер Харро Шульце-Бойзен. Не стало таких стойких антифашистов, как писатель Адам Кукхоф, Йон Зиг, Ганс Коппи, Вильгельм Гуддорф, Вальтер Хуземан... Потери серьезные.

Полковник подошел к батарее и приложил к ней зябнущие руки.

— Были ошибки. Первая: кража радиостанции с «Ю-52»... Слава богу, что эта история сошла с рук. Пока сошла.— Зяблов поднял палец.— В руках Коссовски веская улика: Ютта пользовалась этой рацией. Коссовски сейчас в госпитале, но будь спокоен: выздоровеет и все поставит на свои места.

— Да, история рискованная. Но добывал рацию Эрих. Я не знал, что наша испортилась.

— Все равно Коссовски может нащупать твои связи с Хайдте. Вторая ошибка: зная о том, что функабвер прислал мониторы в Аугсбург и Лехфельд, ты все же попросил Ютту передавать сведения об объекте «Б», то есть о «фокке-вульфе».

— Вы требовали срочного ответа на запрос.

— Понимаю. Важно было знать, что это за птица — новейший истребитель — и какого сделать на нее охотника. Но рисковать радистом я бы лично не стал, поискал бы другие возможности.

— Я не знал о том, что приехал Коссовски. Он жил в Лехфельде нелегально.

— Ну и что же из этого? Коссовски не Коссовски, а функабвер-то был.

— Они вытащили свои мониторы из водосточных труб, и машины перебросили их в какое-то другое место.

— Они ловко провели тебя, Мартынов. Ты видел в городе закрытые армейские машины?

— Видел.

— Так антенны они спрятали под брезент. Эти машины были даже замаскированы под санитарные.

— Точно! Я видел несколько санитарных машин, хотя в них особой надобности не было.

— Вот-вот. Ну ладно. Расскажи мне об Эрихе Хайдте. Он скрылся или попал в гестапо?

— Скрылся. Я просил вас убрать Коссовски.

— Пока это сделать невозможно, Павел. Мы не можем послать человека с единственным заданием убрать Коссовски.

Зяблов выключил свет и раздвинул шторы. Занималась робкая зимняя заря. Улицы и дома были в белом. По замерзшей Москве-реке тропкой шли женщины на

работу в первую смену. Кое-где висели аэростаты заграждения, высеребренные инеем.

— Как ты думаешь, они все же успеют бросить «Штурмфогель» на фронт?

— Трудно сказать. Мессершмитт продолжает доводку на свой страх и риск.

— Значит, торопится?

— Выходит, так.

— Деталь существенная. Дальше?

— В Германии начинает ощущаться недостаток топлива — бензина, керосина, масла. В скором времени это отразится и на «Штурмфогеле». Кроме того, не хватает летчиков. Факт, что нас бросили сейчас на фронт, говорит сам за себя.

— Помаленьку выбиваем, значит?

— Да. Летные школы не в состоянии удовлетворить нужды люфтваффе.

— Понадеялись на молниеносную войну, да просчитались,— засмеялся Зяблов.

— Гитлеровцы возлагали большую надежду на асов. У них такое неофициальное звание присваивается тому, кто сбил не меньше десяти самолетов противника.

— Вот в первую мировую из девяти тысяч самолетов пять сбили асы,— проговорил Зяблов,— этакие воздушные снайперы.

— У немцев своеобразная тактика: асы могут выбирать цель, какую хотят, и летают, куда хотят. На свободную охоту. Но асам надо отдать должное: они хорошо знают слабые и сильные стороны нашей авиации. Они виртуозно владеют самолетом, разумеется, смелы, дерзки, расчетливы... Спортивный дух, жажда боя — вот что ими движет.

— Ничего, у нас тоже есть асы, и не одиночки, как барон Рихтгофен или граф Эйхенгаузен, а тысячи толковых ребят.

— Это я почувствовал на себе,— улыбнулся Павел, потирая шею.

— Вот-вот, а еще крест нацепил.— Зяблов, помолчав, серьезно спросил:—Какие модификации «Ме-109» применяют фашисты у Сталинграда?

— «Мессершмитт-109Ф», «109Г», «109Г2»... Но все эти модификации только утяжеляют машину. Больше

пулеметов — добавочный вес, поставили более вместительные баки с горючим — тоже, увеличили скорость, форсируя двигатель,— опять же лишний вес. В результате Вилли снизил показатели скороподъемности, вертикального и горизонтального маневра. А вот «фокке-вульф» — машина хоть и тяжеловатая, но серьезная. Конструкторам надо призадуматься, чтобы наши истребители могли бить и этот самолет.

— Кстати, кто такой Фокке? — спросил Зяблов.

— Основатель фирмы, профессор. Но гитлеровцы выгнали его с собственных предприятий и дали ему недалеко от Бремена заводишко, похожий на конюшню. Только имя его оставили. Невыгодно фашистам поступаться технической надежностью фирмы «Фокке». Сейчас заводами руководит Курт Танк, бывший шеф-пилот Геринга, этакий прусак в шрамах. У него лицо будто вырублено одним топором.

— А Юнкерс, слышал, попал в опалу и незадолго до войны умер? — спросил Зяблов.

— С Юнкерсом случилось то же самое. Измордовали. Но, между прочим, в Германии о его смерти не сообщалось. «Юнкерс был, Юнкерс остался» — так, по крайней мере, пишут газеты.

Помолчав, Павел спросил:

— Владимир Николаевич, скажите честно: у нас-то есть что-либо подобное «Штурмфогелю»?

— Есть! И не подобное, а лучше, надежнее. Когда-нибудь о таком самолете напишут истории... Насколько я понял, немцы ищут решения быстрого и компромиссного. Торопятся, делают тяп-ляп, обжигаются...— Зяблов сел за стол и задумался.— И все же хотелось бы нам знать о «Штурмфогеле» побольше.

— К сожалению, я не имею допуска к этому самолету...

— В том-то и беда... Сейчас идет война и людей и техники. Нам очень важно в подробностях знать, какое еще оружие фашисты думают применить на фронте... До мелочей, до винтика... Можно испробовать такой вариант: скажем, заполучим знающего человека, ну хотя бы Гехорсмана...

— Рискованно, Владимир Николаевич.

— Верно, рискованно,— согласился Зяблов.— Да Гехорсман и недостаточно сведущ. А если Зандлера?

— Он умрет от страха, как только поймет, что попал к русским.

— А если поискать у него слабые струнки, взять на крючок?

— Но самолет будут продолжать делать другие.

— Да, ты прав... Тогда придется устроить шум на всю Германию, сделать так, чтобы «Штурмфогель» не вошел в серийное производство.

— Уничтожить опытный образец?

— Да, уничтожить! Взорвать, сжечь, разбомбить!

— Хоть и чудовищно трудно сделать это, но попробовать можно.

— Нужно сделать. К тому же надо похитить техническую документацию «Штурмфогеля», да так, чтобы немцы знали об этом. Все это натолкнет фашистов на мысль, что для нас не существует секрета «Штурмфогеля». Стало быть, вряд ли они отважатся все начинать сначала. Да и заказов из министерства авиации Мессершмитт не получит. Тебе придется им помочь в этом.

— Разве вы направите меня обратно?

— Да. Именно на эту отчаянную диверсию.

Павел порывисто встал и отошел к окну. Упершись лбом в оконную раму, он глухо проговорил:

— Я не был в России восемь лет... Я не видел лица матери восемь лет... Пошлите меня лучше на фронт. Я хочу убивать их, а не играть в друзей.

Некоторое время Зяблов молча смотрел в спину Павла, давая ему выговориться. Но Павел смолк, и тогда Зяблов жестко произнес:

— Хорошо... Я дам тебе отпуск. Ты останешься работать в управлении... Хорошо... В конце концов, ты заслужил это.— Владимир Николаевич встал и заходил по кабинету.— Я не буду говорить банальные слова о том, что иной раз один такой, как ты, стоит целых дивизий. Ты уйдешь... Ты не полетишь обратно в Германию... Но нам придется восстанавливать все связи заново. Без уверенности в успехе. Без надежды на успех! Если этот самый «Штурмфогель» войдет в серию, он отдалит день нашей победы!.. Подожди, не перебивай! Идет страшная война, которая не снилась ни одному поколению. И если «Штурмфогель» ее затянет хоть на день, он убьет тысячи тысяч людей. Людей, Павел! — Зяблов остановился рядом и сжал локоть Павла.— Нам не нужен фашистский «Штурмфогель». Мы делаем машину, повторяю, во сто крат лучше, надежней. Но если тебе удастся разнести в пыль опытный образец «Штурмфогеля», работа над реактивным самолетом у фашистов надолго задержится, если не прекратится вообще. Закрыть «Штурмфогелю» дорогу к небу, к новым жертвам означает приближение часа нашей победы. Вот смысл всего, что ты должен сделать.

— Когда мне обратно? — глуховатым голосом спросил Павел.

Зяблов положил на его плечо руку, внимательно и ласково посмотрел в глаза:

— Ты пока отдохни. Я вызову специалиста по реактивным самолетам. Подумаем вместе, что сделать нам с этим «Штурмфогелем».

— А где отдыхать?

— Придется здесь, Павлуша... На улицу появляться тебе не надо. Сегодня вечером будет самолет...

— Понимаю, Владимир Николаевич,— опустил голову Павел.

Зяблов провел его в другой кабинет, уложил на диван. Павел едва дотронулся до жесткого, прохладного валика, как сразу его потянуло ко сну. Владимир Николаевич накрыл его полушубком, подоткнул за спиной и тихо, на цыпочках вышел.

...Сон был так глубок, так спокоен, что Павел нисколько не ощутил его продолжительности. Просто закрыл глаза и открыл. Зяблов тряс его за плечо:

— Вставай, Павел. Идем.

Павел сунул ноги в войлочные немецкие сапоги, застегнул «молнии», надел полушубок поверх своего комбинезона и пошел в кабинет полковника.

Там он увидел высокого, плечистого мужчину с твердым, чуть выдающимся вперед подбородком, крупным носом и высоким лбом, рассеченным поперечной морщиной. Одет он был в командирскую гимнастерку, но без петлиц, в гражданские диагоналевые брюки, заправленные в белые бурки. Что-то знакомое промелькнуло в его облике.

— Знакомься — Семен Феоктистович Бычагин,— представил Зяблов.

— Семен,— подал руку Бычагин и лукаво усмехнулся.

Павел отступил на шаг, пригляделся и хлопнул себя по лбу:

— Вот так встреча! Владимир Николаевич, да ведь я Семена знаю! Я поступал в Качинскую летную школу, а Бычагин ее заканчивал.

— Точно! Мы еще гоняли вас, салажат, по плацу! — Бычагин обнял Павла.— Так вот куда ты залетел, дружище.

— Залетел да слетел,— проговорил Зяблов.— Ну, братцы хорошие, давайте за дело. Садитесь.

Полковник разложил на столе копии фотографий «Штурмфогеля», когда-то присланных Павлом.

— Это та штука, ради которой я и пригласил вас, Семен Феоктистович. У немцев, очевидно, это наиболее перспективная машина... и они вот-вот запустят ее в серию. Так? — Зяблов посмотрел на Павла.

— Пожалуй,— согласился Павел.

— Следовательно, нам нужно торопиться.— Владимир Николаевич прошел по кабинету и остановился напротив Бычагина.— Эта машина превосходит в скоро-

сти все поршневые самолеты. Мессершмитт собирается вооружить ее скорострельными пушками. Новые самолеты могут стать опасными, особенно для тяжелой авиации союзников.

— Да, этот перехватчик, наверное, будет с успехом сражаться с «ланкастерами» и «летающими крепостями»,— проговорил Павел.

— Мы разрабатываем принципиально другой реактивный самолет, но нас, конструкторов, интересуют в «Штурмфогеле» некоторые узлы.— Бычагин перетасовал фотографии и обернулся к Павлу.— А почему на машине нет опознавательных знаков? Крестов на крыльях и свастики на стабилизаторе? Только цифры на фюзеляже.

— У Мессершмитта есть такая привычка: пока он не запустит самолет в серию, пока машина экспериментальная — никаких крестов и свастик.

— Вот нам и нужно сделать все возможное, чтобы «Штурмфогель» остался без свастики,— сказал Зяблов и папкой с надписью «Март» придавил раскиданные на столе снимки «Ме-262».— А пока, Семен Феоктистович, возвращайтесь на завод и ждите нашего вызова. Попрактикуйтесь в ночных прыжках с парашютом. Подзубрите немецкий...

Бычагин, прощаясь с Павлом, сказал:

— Ну, друг, надеюсь еще повоюем.

— Придется,— ответил Павел и пожал сухую и сильную руку Бычагина.— Так вы думаете заслать его ко мне? — спросил Павел, когда Семен вышел.

— Если начальство утвердит наш план, то лучшей кандидатуры я не вижу. Отлично знает язык, имеет отношение к реактивной технике. Ему, как специалисту, надо познакомиться со «Штурмфогелем». В Лехфельде постарайся прикрыть Бычагина в случае чего. Мы, разумеется, снабдим его самыми надежными документами и протолкнем к Мессершмитту через Берлин. Впрочем, детали мы продумаем позднее... А теперь, Павлуша, пообедаем, и садись за отчет. До отлета время у тебя есть... Так ты говоришь, Зейца зацепил на крючок?

— Кроме убийства Штейнерта, у него есть еще один грешок. Когда из Испании он вывозил золото, драгоценности, ну, все, что выменивал на эшелоны продуктов по бешеным ценам, то присвоил двести пятьде-

сят тысяч марок и положил на свой счет в швейцарском банке.

— Да, за это его упекут в концлагерь... Ладно, идем в столовую...

...В одиннадцать вечера в кабинет Зяблова вошли три офицера. Они познакомились с Павлом, потом Владимир Николаевич посмотрел на часы и сказал:

— Ну, братцы хорошие, пора...

4

— Да очнитесь! Вы понимаете по-русски?

— Что вы говорите? — переспросил Пихт.

— Куда нас везут? — брызгая слюной, повторил офицер в эсэсовской полевой шинели без погон.

— Не знаю.

— Я немного понимаю. Нас расстреляют.

В темноте Пихт с трудом различал его лицо. Он видел только нечто белое, круглое, брызгающее слюной.

— Почему?

— Эсэсовцев и асов они расстреливают еще до лагерей.

Невдалеке шел бой. За березняком поблескивали синие всполохи. Не умолкая, бил пулемет. С тугим шелестом пролетали мины и взрывались где-то позади. Солдаты, охраняющие Пауля и эсэсовца, робко втягивали головы в плечи. Полуторка с потушенными фарами неслась на большой скорости, подскакивая на ухабах.

— Эй, не дрова везешь! — прокричал старшина, склонившись к кабине шофера.

— Опасное место надо проскочить, немцы и слева и справа,— отозвался шофер.

— Да этих мы и здесь можем прикончить!

— А сами куда денемся?

— Вы слышите, «прикончить»? — опять зашептал эсэсовец.

— Кажется, они и вправду собираются нас расстрелять,— сказал Пихт.

— О бог мой! — простонал эсэсовский офицер.

Машина нырнула в лощину и, обо что-то ударившись, встала. Выскочил шофер, пробежал вперед.

— В ручей залетели, елки-палки! — заругался он.

— А ты куда глядел? — сердито крикнул старшина.

— Так ведь темень, будь она проклята!

Шофер потоптался у мотора:

— Придется вытаскивать. Давайте двое мотайте в лес, рубите слеги.

— А этих куда? — Старшина кивнул на немцев.

— Да никуда они не денутся!

Эсэсовец крепко сдавил локоть Пихта.

Двое солдат спрыгнули на землю и пошли в лес. Один остался стоять, прижавшись к кабине. Шофер возился у мотора.

— Бежим. Не все ли равно, где убьют? — тихо сказал Пихт.

— А солдат?..

Пихт схватил солдата за ногу и дернул на себя.

Тот повалился и выпустил из рук автомат. Эсэсовец перемахнул через борт. За ним прыгнул Пихт.

Ветки хлестали по лицу, ноги натыкались на вывороченные пни, цеплялись за стылые бугры. Минут через пять сзади послышалась стрельба. Эсэсовец, было приустав, подпрыгнул, словно его хлестнули кнутом. Бой шел справа. Там взлетали ракеты, строчил тяжелый пулемет.

Эсэсовец упал на землю — его душила одышка.

— Где мы находимся? — спросил его Пихт.

— Знаю.— Эсэсовец кашлянул и сплюнул.— Вчера еще здесь были мы.

Он поднялся на четвереньки и пополз. У Пихта не было перчаток. Снег колол и резал пальцы. Через полкилометра эсэсовец остановился, приподнялся и встал на колени.

— Если не ошибаюсь, где-то здесь должна стоять подбитая танкетка.

— Вон что-то темнеет.

— Да, кажется, она.

— Как вас зовут? — спросил Пихт.

— Готлиб Циммер.

— Нам надо перебраться еще через русские окопы?

— Ни черта вы, летуны, не понимаете в войне,— ухмыльнулся повеселевший эсэсовец.— Вы думаете, линия фронта — это сплошные окопы?

— А как же?

Эсэсовец перемахнул через борт. За ним прыгнул Пихт.

— Идемте.— Не ответив, Циммер поднялся и, прихрамывая, направился к танкетке.

— Кто идет? — крикнули из темноты.

— Свои, командир третьей роты оберштурмфюрер Циммер!

Из-под танкетки выполз солдат в меховом кепи.

— О, герр оберштурмфюрер! Это я, Отто Ламмерс,— в секрете. И здесь же Мартин Хобе. А мы думали, попали вы к иванам.

— Был там, да вот с другом захотели еще пожить.— Циммер похлопал по спине Пихта.— Где сейчас командир батальона?

— Идите прямо, потом сверните по траншее и метров через триста увидите его наблюдательный пункт.

— А почему бой?

— Черт его знает! Иваны что-то сбесились, атаковали первую роту...

...Когда Циммер и Пихт рассказали о своих приключениях, командир батальона так расчувствовался, что сам написал письмо командиру эскадры «Удет» с просьбой наградить капитана Пауля Пихта за спасение Циммера, одного из лучших командиров его батальона.

— Гвардия рейха умеет ценить смелых людей,— сказал он с пафосом.— Я дам вам адъютанта, он проводит вас до вашей авиагруппы.

...В отряде уже похоронили Пихта. Но когда он появился перед Вайдеманом в сопровождении эсэсовского офицера, у того полезли глаза на лоб от удивления.

— Пауль, живой?— Он бросился обнимать Пихта. Потом разорвал пакет, пробежал по строчкам.— Узнаю своих! — воскликнул он.— Немедленно доложу командиру эскадры, черт возьми! А я тоже тогда едва унес ноги...

— Поздравляю. А как ребята?

Вайдеман помрачнел.

— Шмидт погиб в том же бою. Потом Грубе, Миттельштадт, Любке, Гюртнер...

— Дали нам жару!

— Как видишь.— Вайдеман уныло развел руками.

Снова начались полеты. Истребители по-прежнему сопровождали транспортные самолеты, дрались

с «ЯКами». Но с каждым днем к «котлу» летало все меньше и меньше самолетов.

К рождеству пришел приказ командира воздушной эскадры откомандировать Вайдемана, Пихта, механика Гехорсмана и еще нескольких летчиков обратно в Германию на испытательный аэродром в Лехфельд.

Глава тринадцатая

НАЧАЛО КОНЦА

17 января 1943 года в номер военно-морского атташе Соединенных Штатов в Анкаре постучался высокий большеухий человек в штатском.

— Чем могу служить? — спросил Джордж Говард Эрл.

— Адмирал Канарис, начальник абвера,— представился человек и поклонился атташе, который от удивления на минуту онемел.— Я хотел бы с вами обсудить возможность американо-германского сближения.

Эрл наконец пришел в себя. Он пригласил гостя в кабинет. Канарис начал говорить начистоту — «как разведчик разведчику». Он считает заявление западных держав о необходимости безоговорочной капитуляции Германии роковым для Европы.

— Это,— сказал адмирал,— означает войну до горького конца, ликвидацию Германии как военной державы и рост влияния красной России.

Эрл не задумываясь согласился и ответил, что и он считает лозунг безоговорочной капитуляции катастрофой.

— Что же предлагает адмирал? — поинтересовался Эрл.

— Наши генералы никогда не согласятся на безоговорочную капитуляцию, они будут продолжать войну,— категорически заявил Канарис.— Учтите, что Германия, несмотря на сталинградскую неудачу, достаточно сильна, чтобы воевать и десять и двадцать лет. Мы разрабатываем сейчас такое оружие, которое еще никому не снится.

— Ваши условия? — спросил Эрл.

— Сепаратный мир с США и отказ от лозунга безоговорочной капитуляции. Я готов ждать ответа до марта.

Эрл сразу же после беседы послал письмо в Вашингтон. Но ответа не последовало. Слишком сильно было озлобление народов, и правительство Соединенных Штатов не решилось пойти на мир с германскими фашистами.

Появление адмирала Канариса в номере гостиницы в Анкаре было не случайным. Зондирование гитлеровской разведки выражало стремление фашистов сохранить для себя то, что они захватили в Европе, и сделать еще одно усилие, чтобы покончить с Россией.

1

Уже в конце января начались оттепели. По булыжным мостовым потекли мутные ручьи. Мокрые деревья запахли разогретой древесиной и смолой. На балконах запестрели полосатые перины и матрацы — хозяйки спешили проветрить их после слякотной и пасмурной зимы.

От щебета воробьев и теплого влажного воздуха, от тошнотворной слабости и пронзительного крика мальчишек, марширующих по улицам, у Коссовски закружилась голова. Он забрел в сквер и опустился на скамью в мелких бисерках брызг. Шеф-врач госпиталя, где лежал Коссовски, посоветовал ему найти более спокойную и менее опасную работу. Но человек, связавший себя с разведкой и контрразведкой, мог расстаться с работой только в случае смерти. Другого выхода Коссовски не видел.

За четыре месяца лечения он многое передумал, расставил все события на свои места, разработал систему поисков загадочного Марта.

«С Мартом я еще разделаюсь»,— подумал Коссовски, поднимаясь со скамьи и направляясь к зданию министерства авиации.

У себя в кабинете он стал знакомиться с бумагами. Пост наблюдения «Норд» сообщал: «На сверхдальнем бомбардировщике «ПЕ-8» русские совершают полеты по маршруту Москва — Шотландия — Фарерские острова — Исландия — Канада — Вашингтон и обратно через Гренландию».

«С большой эффективностью русские применяют основной фронтовой бомбардировщик «ПЕ-2»,— писал пост «Ост-17».

«Формируются новые полки и дивизии, оснащенные штурмовиками «ИЛ-2» — «черная смерть»,— телеграфировал командир танкового корпуса Гельмут Медер.

Коссовски оторвался от бумаг. Задумался. Война приобретала зловещий для Германии характер. Коссовски всегда трезво смотрел на вещи, и простой анализ даже той информации, что лежала перед ним, предсказывал скорый конец.

Внимание привлек еще один документ. Он был отпечатан шифровальщиком на двух страницах. Начав его читать, Коссовски почувствовал боль в том месте, где была рана.

«Русские продолжают работать над истребителями с реактивными двигателями. Один из них уже создан. Силовая установка — жидкостный ракетный двигатель — расположена в хвостовой части фюзеляжа. Самолет снабжен радиоаппаратурой и двумя авиационными пушками...»

Коссовски встал. Паркет пронзительно заскрипел под его сапогами. Он распахнул окно. Рядом на фронтоне колыхалось огромное красное полотнище с белым кругом и черной свастикой. «Нет, не удержать нам тебя, Германия...— подумал он, сжав зубы, от чего шрам на лице заалел еще больше.— Но прежде чем падет Германия, я должен поймать Марта».

2

Когда Вайдеман и Пихт вернулись в Лехфельд, на аэродроме они застали большое строительство. В трех километрах от прежнего аэродрома, в лесу, военнопленные сделали новую взлетную полосу и накрыли ее огромной маскировочной сетью. Ночью туда был перевезен опытный самолет, с двигателями Франца из фирмы «Юнкерс». Зандлер теперь был доволен. Двигатели работали безотказно.

На «Штурмфогеле» поставили бронированные плиты, четыре двадцатимиллиметровых пушки. В носу фюзеляжа смонтировали радарное устройство для об-

наружения самолетов противника ночью и в плохую погоду.

Расчетная скорость достигла невиданной цифры — 900 километров в час.

«Могущество разума безгранично» — так, кажется, утверждают марксисты,—думал Зандлер, дымя сигаретой.— Люди просто не поняли природу, чтобы властвовать над ней. Я в какой-то мере обуздал новую область. Ведь скорость — это та же власть».

Через окно Зандлер всматривался в далекую синеву неба. Там висели легкие, прозрачные облака. «Разреженное пространство, стратосфера — область новых скоростей и грядущих боев. На высоте свыше двенадцати тысяч метров можно добиться феноменальной скорости.— Пуская колечки дыма, профессор наблюдал, как они разбивались о стекло.— Со «Штурмфогелем» теперь мы выиграем сражение».

Вайдеман сделал несколько полетов и готовился к последнему прыжку в стратосферу. Испытательный самолет находился теперь в специальном ангаре в лесу. Вокруг него Зейц поставил эсэсовскую охрану. Солдаты пропускали к самолету лишь инженеров и техников, обслуживающих «Штурмфогель», конструктора Зандлера и пилота-испытателя. Пихт, как и другие летчики из отряда воздушного обеспечения, до этой стоянки не допускался.

Полет в стратосферу назначался на раннее утро. Оттепель согнала из леса снег, но там еще стояли лужи. Поеживаясь от зябкой прохлады, к Пихту на обычную стоянку подошел Вайдеман.

— Если я уцелею и машина будет запущена в серию, войне конец,— проговорил он.

— Только ты поторапливайся, как бы русские не закончили войну сами,— усмехнулся Пихт.

— Не пугай,— грубовато ответил Вайдеман.

В последнее время Пихт стал замечать, что отношения между ним и Вайдеманом стали натянутыми. Вайдеман, правда, исправно получал деньги, которые якобы пересылал ему Хейнкель за некоторую информацию о «Штурмфогеле», но, видимо, его начинало тяготить это двойственное положение. Однажды он сказал

Пихту: «Мне не нравится эта затея, Пауль. Я чувствую себя воришкой, который залез в карман к Мессершмитту. Давай покончим со старым индюком Хейнкелем». Пихт молчаливо согласился. Вайдеман все чаще слушал сводки с фронтов, читал газеты и журналы и иногда говорил: «Сейчас от каждого немца фатерланд требует полной отдачи сил».

В авиационном военном журнале «Адлер» о нем напечатали пространную статью, где перечисляли все его заслуги перед рейхом. В Берлине сам фельдмаршал Мильх вручал ему Рыцарский крест с дубовыми листьями. Вайдеман теперь надулся как индюк.

— При моем полете следи за турбинами,— не глядя на Пихта, процедил он.

— Конечно, буду следить.

Вайдеман потоптался, видимо, хотел еще что-то сказать, но махнул рукой и пошел на свою стоянку.

Ровно в шесть из леса донесся свист запускаемых двигателей. Прошла минута, другая, третья. Двигатели грохотали, то набирая, то уменьшая обороты. Небо светлело, хотя земля и лес оставались в темноте.

Пихт залез в кабину и подключился к рации.

— Я «Штурмфогель», к полету готов,— услышал он голос Вайдемана.

— Четвертый, вам взлет,— скомандовал Зандлер Пихту.

Пихт включил зажигание. Могуче и ровно затрещал мотор. Вспыхнули аэродромные огни. Двинув вперед сектор газа, Пихт начал разбег.

— Я «Штурмфогель», прошу взлет,— услышал он.

Пихт склонил машину в глубокий вираж и увидел в темноте леса два огромных огненных хвоста. «Штурмфогель» стремительно набирал скорость и высоту. На некоторое время Пауль потерял самолет из виду, но вскоре увидел серебристую точку, вспыхнувшую в лучах солнца. «Штурмфогель» несся, как жук-светлячок. Вайдеман разогнал самолет до максимальной скорости.

— Двигатели работают нормально, Альберт,— сказал Пихт.

— Благодарю. Сейчас вхожу в полупетлю,— отозвался Вайдеман.

Через двадцать минут «Штурмфогель» стал сни-

жаться, оставляя за собой спиральный шлейф конденсирующихся паров. Самолет низко прошел над старым аэродромом и скрылся в лесу. Пихт повернул самолет к своей посадочной площадке.

В летную комнату Вайдеман вошел с посиневшим лицом.

— Дайте поскорее выпить. Комбинезон примерз к позвоночнику.

— Холодно было? — спросил Пихт.

— Дьявольски. На высоте страшный мороз. Я думал, что околею и не доберусь до земли...

Летчики помогли стянуть с Вайдемана меховой комбинезон и сапоги.

— Майора Вайдемана просит профессор Зандлер,— донеслось из репродуктора.

Вайдеман заторопился к выходу.

Полетов больше не предвиделось, и Пихт пошел в лес. Солнце бледным пятном проглядывало сквозь мокрые голые ветви. В воздухе висела мучительная напряженная тишина. С черных вязов бесшумно стекали мутные капли. Вдали, по автостраде, тянулась жирная лента грузовиков. В кузовах покачивались матово-серые шлемы солдат. Грузовики шли один за другим. И солдатам не было конца. И танкам с экипажами в черных комбинезонах. И бронетранспортерам, окрашенным под цвет поздней весны.

Пихт шел по лесу, бесцельно глядя на чужую, холодную землю. Под сапогами сочились грязные ручьи. Под шинель забирался сырой ветер. Далеко-далеко, где-то у пределов памяти, теплилась его собственная, настоящая весна.

Он помнил ее, полную света, солнца, зелени, неба и жаворонков. Помнил блестящие от долгой работы лемеха плугов. Они поднимали пашни, распугивая глянцевых черных скворцов. В логах шумели речки, качались ивы, и по вечерам, когда остывал весенний день и тишина опускалась на деревни Подмосковья, далеко неслись бойкие девичьи песни.

Все умирающее в той весне давало жизнь новым цветам и краскам. Круговорот природы был так же естествен, как счет простой человеческой жизни. Но для него, разведчика Павла Мартынова, прожитое не измерялось годами. Не быстротечность времени накла-

дывала морщины. Нервы, напряжение в ожидании опасности, в постоянной, даже во сне, страшной работе головы и сердца вели другой счет прожитому.

Он прижал лоб к мшистому стволу вяза. Дерево, налитое влагой, слабо постанывало. Кое-где не стаял снег. Он лежал грязными, серыми шапками у пней, у куч опавшей листвы. Черная ветка задела лицо и уронила холодную каплю.

Пихт оторвался от вяза и медленно побрел в темную глубину леса, чистого, опрятного и холодного, как парк. Этот лес не знал тех песен, что пел лес его родины; эта голая земля с гниющими в компостах листьями несла в себе другие запахи. И ветер гудел не тем гулом...

Москва снова далеко отодвинулась от него, и то, что он там все же был, казалось неправдоподобным, шатким и призрачным, как сон. Чем занимается сейчас Владимир Николаевич Зяблов, его Директор? Конечно, обдумывает какую-нибудь новую ребусную загадку, за кого-то беспокоится, кого-то старается выручить из беды. Ведь таких, как Павел, у него, наверное, немало. И каждый по-своему близок ему, как хорошему командиру дорог солдат.

Что поделывает Сеня Бычагин? Подучивает немецкие диалекты или прыгает с парашютом? Тренируется на рации или стреляет в цель? Быстрей бы он приезжал сюда! Воевать вдвоем легче. Любопытно, что придумал Зяблов, чтобы устроить его на экспериментальный аэродром Лехфельд? Конечно, в Москве снабдят его соответствующими документами. Но какая ему предстоит проверка в имперском управлении безопасности. Порядок этой проверки Пихт изучил досконально. Разветвленные, как конечности спрута, учреждения имели свои собственные методы исследования жизней и душ граждан рейха. Каждый поступающий на секретный завод изучался в шести отделах — в уголовной полиции, военном управлении, государственной тайной полиции, разведывательной службе за границей, в управлении по выявлению мировоззрения врагов и в управлении по расовым вопросам. Кроме того, нового работника испытательного аэродрома Лехфельда проверяли соответствующие службы абвера и контрразведки люфтваффе...

Когда Пихт пересек лес и вышел на опушку, уже вечерело. Заката не было, просто кругом стало темнеть. Вдали он увидел человека и пошел к нему.

— Добрый вечер, господин офицер,— первым приветствовал его пожилой мужчина в егерской куртке, потертых кожаных штанах и гольфах.

— Здравствуйте,— ответил Пихт.

— Гуляете? — подозрительно спросил мужчина.

— Как видите... Я люблю лес.

— О, все люди должны любить лес,— менторски произнес мужчина.

— Вы здесь живете?

— Да. На ферме у Лехфельда.

— Вы крестьянин?

— Что вы? — обиделся мужчина.— Я дорффюрер[1].

— Прошу прощения,— пробормотал Пихт и заспешил уйти прочь от этого благообразного «фюрера».

3

С тех пор как Пауль вернулся с фронта, Эрика проницательным женским чутьем уловила, что он в чем-то изменился, почужел. Она тянулась к нему всей душой, но иногда встречала холодное, даже враждебное к себе отношение. Она мучилась, страдала и наконец решила поговорить с ним серьезно. Пауль, думая о чем-то своем, снял шинель и фуражку, машинально поцеловал ей руку.

— Я вижу, ты снова не в духе, Пауль? — холодновато спросила Эрика.— Или я стала безразлична тебе?

Пауль удивился ее тону и взглянул ей в глаза — они быстро наполнялись слезами. «Белокурые красивые волосы, большие красивые синие глаза, большие, будто приклеенные, ресницы, капризные губы — и все чужое»,— подумал он, и вдруг ему стало жалко девушку: ведь она, в сущности, добрая, милая, верная.

— Я не знаю, что со мной происходит,— искренне сознался Пихт.— Устал.

— Может быть, папа даст тебе более легкую работу?

[1] Дорффюрер — сельский староста.

— Нет, Эрика, меня мучает совсем другая усталость. Мы начинаем уставать от войны.

Эрика прижалась к нему щекой.

— Я вижу, Пауль, понимаю...

— Нас бросают в пекло, убивают, калечат, нам лгут, с нами не считаются.

— Бедный мой Пауль! Я так люблю тебя, я думаю только о тебе,— проговорила Эрика.— Фрау Шольц-Клинк, эта первая женщина рейха, писала мне, что сейчас надо встать рядом с мужчиной — настоящим арийцем и рожать больше детей, будущих солдат фатерланда. А я не хочу, чтобы моими детьми распоряжались чужие люди, чтобы их мучили и убивали на войне.

Пихт удивленно взглянул на Эрику:

— Будь осторожна, детка. Тебя могут схватить черти.

— Я хочу уехать из Германии куда угодно. Только подальше от войны. В Швейцарию, Бразилию, Африку,— мне все равно. Только спасти тебя. Только спасти наше счастье.

— Глупенькая...— Пихт ласково потрепал девушку по щеке.— С самого дня рождения каждый мечтает о таком островке, но никто не находит его. Мы все, как белки, влезаем в одно колесо и вертимся там до самой смерти. А смерть уже в пути к нам.

— Неужели русские победят?

— Россия оказалась более сильной, чем представлял себе фюрер.

— Боже, эти азиаты уничтожат страну, как Аттила.— Эрика взяла в ладони лицо Пихта: — Мне страшно за тебя, Пауль. Я буду молиться богу.

— Какому богу? — усмехнулся Пихт.— В нынешней Германии нет даже приличного бога. Христианство мы назвали религией иудеев и у языческих предков стащили Вотана — бога ветра, бури и войны, объявив это буйволоподобное чудовище своим богом...

— У меня есть свой бог. Здесь.— Эрика прижала руки к груди.— Это ты! Ты мой бог!

Пихт грустно усмехнулся и покачал головой.

— Мы родились в невезучее время, и всех нас забрала себе война,— сказал Пихт, медленно поднимаясь с дивана.

Было уже без четверти девять вечера. За все годы, проведенные в Германии, у него, как и у любого немца, выработалось уважение к порядку. На фронте, на заводах, на аэродроме, в самых неожиданных условиях немцы строго соблюдали раз и навсегда заведенный порядок. Они вовремя завтракали, обедали и ужинали, ложились спать, вставали на работу.

Ровно без четверти девять в пивную «Фелина» приходил механик Карл Гехорсман и заказывал вечернюю кружку. Пихт хотел встретиться с ним.

— Я пойду с тобой,— решительно проговорила Эрика.

Поколебавшись, Пихт согласился.

Они увидели Гехорсмана зверски пьяным. Старый механик сидел за угловым столиком и тупо глядел на полупустую бутылку дешевого венгерского рома. По щекам его текли слезы. Он не смахивал их, они скапливались в щетине на подбородке и капали на измятый френч.

Пихт и Эрика молча сели рядом.

Подбежал кельнер.

— Бутылку «Гюблю»,— заказал Пихт.

Гехорсман поднял глаза и долго, не узнавая, смотрел на Пихта:

— Пауль?

— Что случилось, Карл?

Гехорсман из внутреннего кармана извлек белый стандартный конверт с изображением орла, широко распластавшего крылья.

— Он пал за честь Германии и ее фюрера... Последний!

Кулак Гехорсмана рухнул на стол, отчего бутылки и рюмки прыгнули и зазвенели. Карл полез в карман куртки, достал пачку фотографий и рассыпал по столу.

— Один под Смоленском, двое у Пскова, четвертый в Одессе... Уезжая, они говорили мне: «Старик, мы победим! Победим даже тогда, когда окончится эта кампания и начнется другая. До тех пор пока на земле будет жить хоть один немец, который умеет стрелять, он будет воевать». Теперь он... последний... Не в бою. Просто русские выбили их из окопов в открытую степь, и он замерз.

Пихт покосился на Эрику. В ее глазах блестели слезинки. Ей было жаль старика Гехорсмана.

— Я вижу их трупы. Они валяются в сугробах в самых безобразных позах!

— Тише, тише,— попытался остановить его Пихт, но Гехорсман оттолкнул локтем его руку.

— К черту! Я не могу сейчас говорить тихо. Мои глупые мальчишки кричали: «Мы, молодые, в обиде на вас, стариков. Вы проиграли одну войну и бросили Германию на растерзание. Мы, идущее за фюрером молодое, энергичное поколение, плюем на вашу робость! Мы поставим мир на колени!» — Гехорсман круто обернулся к Эрике и, казалось, теперь обращался только к ней: — Они маршировали с лопатами на плечах, когда попали на трудовой фронт. «К чертям белоручек! Труд оздоровит нацию!» Каково? «Нация солдат» приучала своих сограждан к труду. К какому? Двое моих парней строили. Но что? Автострады. По ним пошли танки и машины. Двое других строили заводы. На них делали самолеты, которые сыпали бомбы на чужие города. Один варил сталь для «фердинандов»... Они строили, чтобы распространять смерть по земле.

Гехорсман уронил рыжую голову на стол и затрясся от рыданий.

Посетители, опасаясь неприятностей, отошли со своими бутылками и кружками подальше от столика, где сидели Гехорсман, Пихт и Эрика.

— Что же мы, немцы, сделали с собой? — застонал Гехорсман.— Глупцы! По какому праву мы пошли туда и пытаемся отнять у русских их землю? Ведь они не шли к нам, они занимались своими делами и ничего не просили у нас!

Пихт сильно сжал локоть Гехорсмана и тихо, но внушительно проговорил:

— Карл, если ты не замолчишь сейчас же, тебя, и меня, и Эрику упекут в концлагерь или вздернут на виселице, мы превратимся в ничто, так ничего и не успев сделать для Германии.

Гехорсман долго, не мигая, смотрел на Пихта и, что-то поняв, проговорил тихо:

— Из всех немцев я больше всего верю тебе, Пауль...

— Ты неосторожен,— шепнула Эрика Пихту.

Пихт и сам уже подумал, что сказал лишнее.

...Проводив Эрику домой, он поехал к себе, снова и снова думая о «Штурмфогеле». Павел соглашался с Зябловым в том, что сейчас нужно наделать шума на всю Германию, то есть взорвать «Штурмфогель», а для этого ему нужен был Гехорсман.

Удобнее всего это сделать во время ночной бомбежки. Но тогда будет отсутствовать главное, ради чего задумывалась операция.

Надо ведь сделать так, чтобы все почувствовали, что самолет взорван специально. Нужна явная диверсия!

Значит, взорвать или сжечь его требуется среди бела дня. Тогда его, Павла, ожидает верная смерть. А чем может помочь Гехорсман? Не полезет же он сам в петлю. Хорошо бы поднять «Штурмфогель» в небо. Истребитель за несколько минут забирался на высоту в двенадцать тысяч метров и там мчался со скоростью 850 километров в час, так что никакие поршневые «мессершмитты» и «фоккеры» там его не догонят. Но он не долетит ни до линии фронта, ни до партизанского отряда. Остается рисковать. Рисковать ему, Павлу.

4

Прошло полтора месяца после сталинградской катастрофы. Она потрясла не только вермахт, который лишился самых боеспособных, кадровых дивизий довоенного призыва, но и многих немцев, до сих пор веривших в непобедимость германской армии. Они задумались над будущим. Уныние сразу же отразилось на работоспособности механиков, техников, инженеров аэродрома в Лехфельде. Чувствуя это, Зейц решил созвать митинг.

Крыло одного из самолетов накрыли красным полотнищем. Служащие, рабочие, летчики выстроились на бетонке. Зейц быстро взбежал по стремянке и оглядел разношерстную толпу. Он был в черной парадной форме, перетянутой блестящей портупеей, в белоснежных перчатках. На рукаве алела нацистская повязка.

— Я горжусь тем,— начал он громким, вибрирующим голосом,— что говорю это немцам, людям той же

крови, которая течет в моих жилах. Сыновья фатерланда дерутся на Восточном фронте, во Франции, Греции, Африке, Сицилии. Для них мы куем новое оружие — оружие возмездия, смерти и разрушения. Победа или большевизм? Эти два пути встали сегодня перед нами. Мы хорошо помним девятнадцатый год, когда были обезоружены и лишены защиты от произвола победителей. Победу мы завоюем только сплочением нации, объединением ее под национал-социалистским знаменем. Национал-социализм и Германия — одно и то же. Тот, кто не верит в фюрера,— предатель. Мы будем драться не на живот, а на смерть, чтобы спасти Германию от славянского нашествия...— Зейц оглядел толпу.— Огонь ненависти мы чувствуем под пеплом Европы. Французы и сербы, поляки и англичане, словаки и чехи только и ждут случая, чтобы умертвить германскую нацию. Но мы спасем себя, свою историю, свой народ, своих потомков. Объединим наши усилия в работе над новым секретным оружием, над нашим «Штурмфогелем». Хайль Гитлер!

Потом на крыло поднялся летчик с перебитым носом — Новотны [1].

— Мы не отдадим Германию иванам! — пролаял он и выбросил вперед коротконалую руку.— Хайль Гитлер!

— Хайль! — еще громче гаркнула толпа.

После появления «москито» англичане попытались дважды бомбить Лехфельд, но их тяжелые «ланкастеры» были отогнаны истребителями воздушного обеспечения. Тем не менее несколько бомб упало на прежний аэродром, и взлетную площадку пришлось отнести еще глубже в лес.

«Но и здесь ты не спасешься, «Штурмфогель»,— подумал Пихт, уходя с митинга.

Пихт сел в свой «фольксваген» и медленно поехал в Лехфельд. Сильный мотор гудел ровно, почти бесшумно. По обе стороны дороги текли ручьи. С тонким свистом шумел ветер у бокового стекла. Ощущение скорости всегда успокаивало Пихта. В эти моменты его мозг работал более ясно и четко.

---

[1] Новотны — впоследствии командир отряда первых фронтовых «Ме-262».

Пихт стал анализировать свои отношения с теми, с кем в течение многих лет встречался.

Вайдеман быстро отходил от него. Вероятно, после случая с Юттой он начал его в чем-то подозревать. Стало быть, сам Пихт где-то допустил ошибку, возможно, был более откровенен, чем следовало.

Зейц его избегал. Не мог простить ему Эрику. Да и Испания не давала Зейцу покоя. Если бы воля Зейца, он бы глазом не моргнул, чтобы избавиться от свидетеля, который жил рядом и постоянно напоминал о шаткости его положения.

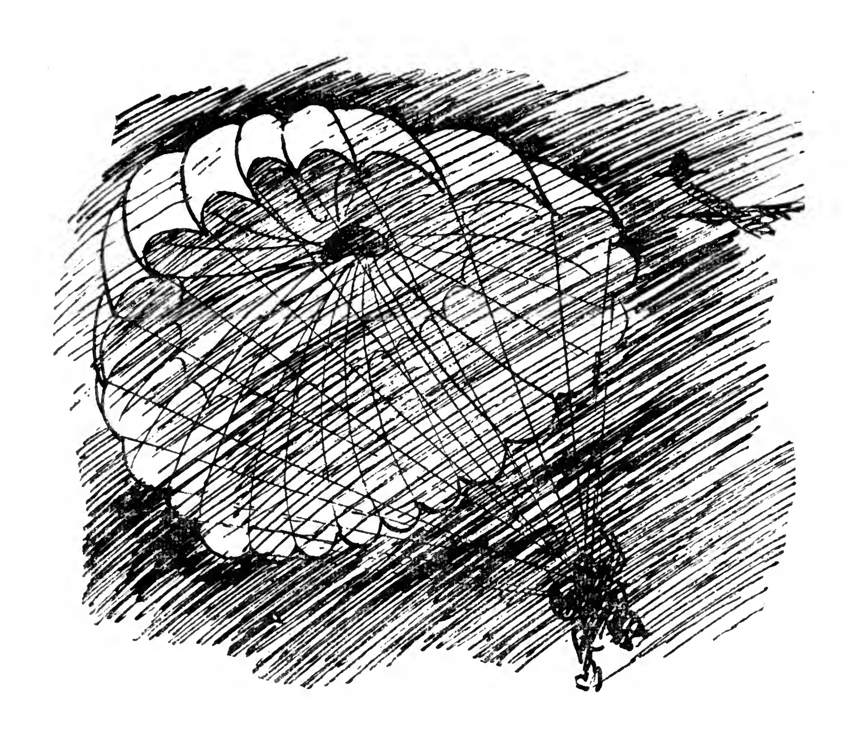
Коссовски все пристальней присматривался и, несомненно, ворошил его дела, наводил справки, упрямо шел по следу. Пихт мог бы пустить ему пулю в лоб — такой контрразведчик не менее опасен, чем даже «Штурмфогель». Но Коссовски всегда появлялся в тот момент, когда что-либо уже должно было случиться, как случилось, например, в ночь гибели Ютты.

Вспомнил Пихт товарищей по борьбе: Виктор погиб во Франции, Регенбах — Перро — в Берлине, Ютта — в Лехфельде, Эрих... Где Эрих? Очевидно, он ушел через германо-швейцарскую границу, по самой безопасной дороге, по которой каждое утро проходят домохозяйки: в Швейцарии дешевле кофе. Не на кого опереться. Только Гехорсман. Теперь он готов для борьбы. После встречи в кафе Пихт виделся с ним один на один. Старый механик обещал помочь, если Пихт призовет его.

5

Циклон, ворвавшийся в Европу из арктических областей, вконец испортил погоду. Дожди расквасили полевые аэродромы, дороги и тропы, по которым просачивались войска. В ночном небе не гудели самолеты, не блуждали прожекторы. Наступило временное затишье. Только однажды пост противовоздушной обороны засек пролетевший на большой высоте самолет. Радары долго вели его, но потом потеряли.

...Первое, что ощутил Семен Бычагин, был удар — тугой поток швырнул его в сторону, под стабилизатор. Во тьме он успел заметить два красных языка от моторов и тень от самолета.

«Четырнадцать, пятнадцать... двадцать... Пора!»

Семен дернул кольцо, распахнулся ранец, зашелестел купол и рванул его вверх.

Звезды исчезли. Семен почувствовал на лице капли. Попал в тучи. Ему показалось, что он висит и никуда не движется. Поудобней устроившись на лямке, он посмотрел вниз. Сплошная мгла обнимала его со всех сторон. «Не ошибся ли штурман?» — подумал Семен с беспокойством, вспомнив маленького веснушчатого штурмана, шмыгающего носом — болел гриппом.

Вдруг он услышал ровный, глуховатый гул. Это шумел внизу лес. «Что ж, для начала неплохо...»

Шум леса слышался все сильней и сильней. Бычагин поджал ноги, руки положил на привязные ремни. Где-то вдали мелькнул огонек. Ветки больно хлестнули по лицу. Упав на землю, Семен быстро подтянул стропы. «Хорошо, что не повис на дереве». Саперной лопат-

кой он стал рыть под стволом яму. Пока рыл, совсем взмок. Опустил руку в яму — глубоко, не меньше метра. В парашют сложил перчатки, шлем, лопатку, комбинезон, завернул в брезентовый чехол и все это зарыл. Утоптав землю, он натаскал прошлогодних листьев и разбросал их вокруг. На мгновение посветил фонариком — кажется, следов не осталось.

Из второго ранца Бычагин вынул шинель, деньги, кепи и трость. «Если штурман не ошибся, надо идти на север».

Достал компас. Фосфоресцирующая стрелка показала направление.

«Ну, а теперь я хотел бы познакомиться с господином оберштурмфюрером Зейцем»,— подумал он и двинулся в путь.

Несколько раз он попадал на одинокие хутора в лесу. Собаки поднимали неистовый лай, тогда приходилось делать крюк. Наконец, уже перед рассветом, Бычагин вышел на автостраду. Идти стало легче. Ни попутных, ни встречных машин не попадалось. Немцы проводили время в приятных сновидениях. Из предрассветных сумерек выплыли кладбищенские кресты из серого песчаника и могилы мертвых пилотов с воткнутыми в землю самолетными винтами. «Вот и Лехфельд»,— догадался Бычагин.

Городок был знаком ему по многочисленным фотографиям, которыми в свое время снабдил Центр Эрих Хайдте.

Он узнавал кирхи, замок Блоков, пивные, дорогу, ведущую к авиагородку.

В семь утра Бычагин остановился перед особняком Зейца, осмотрел себя, тщательно вытер с ботинок налипшую глину и позвонил.

Зейц брился. С удивлением он оглядел незнакомца и отступил в глубь комнаты.

— Простите за раннее вторжение, оберштурмфюрер,— нагловато произнес Бычагин, бросая в угол ранец.— Лейтенант Курт Хопфиц.

— Слушаю вас.

Бычагин из кармана френча достал пакет и передал Зейцу. На пакете был изображен личный гриф штандартенфюрера Клейна, непосредственного начальника

Зейца, и штамп: «Секретно. Государственной важности».

Зейц всегда робел, читая эти слова. «Секретно» означало для него то, что он удостаивался особой чести знать, чего не знают миллионы сограждан. «Государственной» — следовательно, он посвящался в интересы государства, и все, что ни делал, сообразовывалось с политикой рейха. «Важности» — стало быть, все, что в документе излагалось, носило характер высшей целесообразности, оправдывающей любые средства.

Осторожно он разорвал пакет и извлек бланк штандартенфюрера:

4-е управление Главного имперского управления безопасности.

Оберштурмфюреру СС
Вальтеру Зейцу,
Аугсбург — Лехфельд.

Податель сего, Курт Иозеф Хопфиц, облечен особым доверием в ликвидации агента иностранной разведки по кличке Март. Приказываю устроить указанное лицо инженером на объект «А» и оказывать всемерную поддержку.

Здесь же в пакете были диплом об окончании высшей инженерной школы в Любеке и офицерская книжка инженер-лейтенанта люфтваффе Курта Хопфица с указанием частей, где служил он, начиная с 1940 года,—Штутгарт, 8-й авиакорпус, Крит, Ростов...

— Вы действительно там служили? — спросил Зейц.

— Думаю, что справки наводить вам не придется, оберштурмфюрер.— Хопфиц сбросил шинель и без приглашения развалился на диване, давая этим понять, что ему, в сущности, на Зейца наплевать.

«Странно, почему господин штандартенфюрер не известил меня телеграммой»,— подумал Зейц, но Хопфиц сам ответил за него.

— Удивляетесь, что господин Клейн не известил вас заранее о моем приезде?

— Признаться, да,— ответил Зейц.

— После дела Регенбаха нам дано предписание по

возможности ограничить бюрократическую переписку. Из нее агенты черпали любопытные сведения. Кстати, это письмо к вам отпечатано в одном экземпляре. Храните его пуще глаза и никому не показывайте, иначе мы оба полетим к праотцам.

— Я же должен как-то объяснить Мессершмитту и Зандлеру.

— Бросьте, оберштурмфюрер! Кого рекомендует гестапо, принимают без малейшей задержки. Сварите мне кофе!

«Все же мне надо связаться с Клейном»,— решил Зейц, включая в сеть кофейную мельницу.

Из ранца Хопфиц вытащил бутылку французского коньяка «Наполеон», небрежно сорвал золотистую фигурку императора с пробки и наполнил рюмки.

— От того, насколько мы сработаемся с вами, Зейц, будет зависеть судьба этого самого Марта. А вам чин гауптштурмфюрера и Железный крест не помешают, хотя — между нами — рыцарей рейха орденами не так уж часто балуют.— Хопфиц пригубил и в упор посмотрел на Зейца.— Вы согласны со мной?

Зейц ухмыльнулся.

— То-то. Теперь расскажите о своих подозрениях. С вашими докладами я знакомился, но хотелось бы из первых уст и без грамматических ошибок...

Зейц упрямо продвигался по службе. Теперь, в условиях войны, когда на авиационные заводы Аугсбурга, в том числе и в мастерские Лехфельда, взамен немецких рабочих, ушедших на фронт, поступало много иностранцев, его должность стала необходимой Мессершмитту.

6

Впервые после долгой пасмурной погоды наступили погожие весенние дни. Быстро высыхал аэродром, лишь над лесом по утрам держались сырые туманы. Служба аэродромного обеспечения навела порядок, и от того вокруг стало шире, просторней. Неподалеку от офицерской казармы был устроен тренажер для пилотов, готовящихся летать на «Штурмфогеле». С потерпевшего аварию самолета отрезали кабину, установили мелкокалиберный пулемет, а внизу на катки на-

тянули полотно с изображением земного ландшафта. Катки вращались при помощи электромотора, соединенного с сектором подачи топлива в кабине. Летчик двигал ручку вперед, полотно бежало быстрей — создавалось впечатление скорости полета. Кабина перемещалась на шарнирах вверх и вниз, кренилась вправо и влево от движения педалей и ручки управления. Пилот мог «пикировать», «стрелять», «заходить в боевую атаку».

Вел занятия Вайдеман. В это утро на построении летного состава он объявил:

— Сегодня я буду рассказывать банальные вещи. Вы сами боевые летчики и не раз встречались в бою с врагом. Но мне придется говорить о качествах боевого летчика-истребителя, который вскоре полетит на «Штурмфогеле». Стоит ли вам рассказывать о том, что каждый из нас должен в известной мере обладать храбростью, выносливостью, знанием своей машины?..

Вайдеман важно прошел вдоль строя и остановился перед Пихтом:

— Но такие требования предъявляются к каждому, кто избрал небо полем боя. А летчик-истребитель в кабине один — ему никто ничего не подскажет. Он поддерживает связь с ведомым или ведущим, следит, что творится вокруг, ищет противника и не упускает его из виду до тех пор, пока не займет выгодное положение для атаки и не расстреляет. Одновременно он контролирует показания приборов, работу двигателей, винта. И все один! Быстрота реакции — вот чем должен обладать настоящий ас...

Вайдеман выдержал длительную паузу:

— Но летчик «Штурмфогеля» должен делать все это в два раза быстрей. Как бы ни был напряжен и скоротечен воздушный бой, на «Штурмфогеле» он сокращается вдвое, потому что эта машина обладает феноменальной скоростью. Едва заметишь точку самолета вдали, через две-три секунды будешь рядом с ним. Малейшая ошибка —и стрелой промчишься мимо. На маневр для новой атаки потребуется время, противник или уйдет, или распорет тебя очередью.

Потом пилоты садились в кабину тренажера и привыкали к системе управления, переживая полет на чудо-машине.

Пихт сидел в кабине «Штурмфогеля», когда увидел приближающихся Зандлера и какого-то новичка. Оба высокие, издалека они даже походили друг на друга.

Профессор Зандлер подошел к Вайдеману:

— Альберт, познакомьтесь, новый инженер вашей машины.

Вайдеман круто обернулся и снизу вверх посмотрел на Хопфица:

— Кто вас рекомендовал, лейтенант?

— Мне сдается, что господин Вилли Мессершмитт уважает фронтовиков и с готовностью предоставил мне самое широкое поле деятельности,— холодновато произнес Хопфиц, чтобы в дальнейшем избавиться от наивных вопросов.

Вайдеман, очевидно, это понял и быстро переменил тон:

— О, я сам фронтовик и уважаю ребят, которые понюхали пороху. Верно, Пауль?

Он обернулся к кабине «Штурмфогеля», ища в лице Пихта союзника.

— Что верно, то верно.— Пихт спрыгнул с тренажера и тоже представился Хопфицу.

Судя по выговору, Хопфиц был северянином или берлинцем.

— По этому случаю сегодня можно выпить, а, как вы считаете? — засмеялся Пихт, пожимая руку новому инженеру.

— Прошу вас к себе, господа,— проговорил Хопфиц.

— Вам, вероятно, дали комнату в общежитии?

— Да, семнадцатый номер.

— Тогда не пойдет. Мы соберемся с позволения господина Зандлера...— Пихт живо повернулся к профессору.

— Разумеется, прошу,— сказал Зандлер.

Видимо, ему тоже хотелось поближе познакомиться с инженером, так неожиданно рекомендованным Мессершмиттом, хотя скупой Вилли редко расходовался на новые должности.

Зандлер с Хопфицем пошли к ангару, где стоял опытный «Штурмфогель», а Вайдеман стал продолжать занятия.

— «Штурмфогель» — это самолет-перехватчик,—

сказал он.— Истребитель стремительно набирает высоту, обладает сильной огневой мощью. Генерал Рихтгофен, гроссмейстер вертикального маневра, мог бы по достоинству оценить этот самолет.

— Я слышал, что русские тоже начинают применять «воздушную этажерку»,— проговорил пилот Новотны.

— Да, они идут попарно на разных высотах и однажды — Пихт это хорошо помнит — мы попали в такую карусель, что я едва унес ноги, а Пихт чуть не отправился на тот свет. Но «Штурмфогелю» не страшна «этажерка».

— Быстрей бы его запустили в серию! — Новотны сжал худые, бледные кулаки.

Летчики знали, что Новотны отличился в бою над Гамбургом. Он поднялся во главе тридцати истребителей навстречу английской армаде из шестисот четырехмоторных «ланкастеров», прикрываемых сотней «харикейнов» и «спитфайров». Тысячи пушек и пулеметов создали такую завесу, что, казалось, простреливался каждый метр неба.

Новотны все же пробился к бомбардировщикам и лично в этом бою сбил четыре самолета. Когда он вернулся на землю, техники насчитали на его «мессершмитте» сорок пробоин.

Стриженный под бокс, нервный, узкогрудый капитан с перебитым носом мало походил на воздушного аса, но в самолете, очевидно, пробуждалась в нем вторая натура. Над аэродромом он показывал настоящие чудеса. Переворачиваясь на крыло, он, например, падал почти до самой земли, потом резко прибавлял газ, уходил свечкой вверх.

Не раз Вайдеман схватывался с Новотны в учебных боях.

Отчаянный каскад фигур, лобовые атаки, когда истребители, казалось, неминуемо должны столкнуться, приводили в восхищение всех летчиков. Но однажды Зандлер, увидев такой бой, запретил обоим полеты — он не на шутку испугался за жизнь своего шеф-пилота.

Все это время Зандлер лихорадочно работал.

«Детские болезни» опытного истребителя не прекращались. Зандлер с рвением одержимого вносил новые

и новые изменения. Недостающие детали вытачивали в токарных цехах, ковали в кузнечных, собирали в механических.

Мессершмитт, как всегда, торопил.

7

Эрика умела принимать гостей. Гостиная быстро наполнялась веселым гулом, суматохой, звоном посуды. Уроки домоводства, когда-то усвоенные ею в местном отделении объединения национал-социалистских женщин, как нельзя больше пригодились для нынешних времен, когда появилось много женатых «холостяков», военных, оторванных от своих семей. Она искренне радовалась, когда к ее особняку подъезжали машины во главе с «фольксвагеном» Пауля Пихта, и утомительное ожидание превращалось в несуразный, взбалмошный праздник.

Профессор Зандлер обычно поднимался к себе в кабинет и не мешал молодежи. Но на этот раз он рассматривал визит Курта Хопфица как деловой и остался с гостями. Рассказывая новичку о «Штурмфогеле» и показывая ему самолет, он с удовлетворением отметил большой интерес к машине и сообразительность нового инженера. Хопфиц, сбросив френч, тут же начал копаться в двигателях, высказывать свое мнение о самолете. Профессор понял, что приобрел толкового помощника.

Теперь же, за столом, Зандлер с радостью заметил еще одну импонирующую ему особенность инженера — он был воздержан в напитках, не в пример Пихту и Вайдеману. Реактивная авиация, очевидно, была давним увлечением новичка, и он с интересом расспрашивал профессора о работах в этой области у Хейнкеля, на фирмах «Арадо» и «Юнкерс». К сожалению, профессор знал о них лишь по довоенным статьям в технических журналах, позднее все это было засекречено, и каждому энтузиасту пришлось вариться в собственном соку.

А в это время Зейц звонил по прямому телефону штандартенфюреру Клейну. Он хотел лично удостовериться в надежности документов Хопфица. На тот случай, если Клейн выразит неудовольствие его звонком,

Зейц придумал оправдывающий его ответ: он скажет, что хотел просто доложить о том, что человек гестапо устроен и Зейц уделяет ему внимание. Однако телефон в Берлине молчал. Зейц позвонил через час, потом через полчаса. В трубке по-прежнему раздавались продолжительные гудки. Тогда Зейц переключился на телефон оберштурмбаннфюрера Вагнера — заместителя Клейна.

— Почему не отвечает штандартенфюрер Клейн? — зарычал в трубку Вагнер.— И не ответит, черт бы вас побрал. Вчера во время бомбежки его машину обстрелял какой-то мерзавец и сделал из Клейна решето. Сейчас ведем следствие.

— Господин оберштурмбаннфюрер,— выдавил из себя Зейц,— несколько дней назад ко мне был направлен господином Клейном некто Курт Хопфиц...

— Ну и что? — оборвал его Вагнер.

— Так я хотел доложить, что он устроен на работу и я со своей стороны...

— Вы умница, Зейц! Продолжайте выполнять приказы так же старательно.— В голосе Вагнера Зейц уловил злую иронию.

— Но почему-то господин Клейн прислал лишь пакет со штампом личного штандарта, но не известил меня телеграммой о приезде Хопфица.

— Да вы в своем уме! — заорал Вагнер.— Сидите там, как курочки, а здесь не прекращаются бомбежки!..

Через несколько секунд Вагнер успокоился.

— Кого, вы говорите, направил господин Клейн?

— Курта Хопфица... инженер-лейтенанта, с заданием ликвидировать русского агента Марта.

— Курт Хопфиц...— Вагнер, видимо, записал это имя и проговорил: — Хорошо, я узнаю о нем и вас извещу! Хайль!

Зейц положил трубку и уставился на черную пластмассовую коробку аппарата. «Странная смерть... Очень странная смерть у господина Клейна,— подумал он.— Конечно, о господине штандартенфюрере давно плачут черти, но не связана ли его кончина с появлением этого самого Хопфица?»

Зейц посмотрел на освещенные окна гостиной Зандлера. «Разве сходить? Присмотреться к Хопфицу?»

В полночь профессор поднялся к себе. Вайдеман, напившись, уснул. Эрика ушла готовить спальню. Хопфиц и Пихт вышли покурить и наконец остались вдвоем.

— Вам привет от дядюшки Эрнста,— наклонившись к Пихту, сказал Хопфиц.

— Разве еще жив старый стервятник?— спросил Пихт и стиснул руку Семена.— Как ты попал сюда?

— Заброшен с рекомендательным письмом-приказом к Зейцу от штандартенфюрера Клейна. В Берлине действует группа обеспечения.

— Что должна сделать группа?

— Убить Клейна. Вернее, привести приговор минского суда в исполнение.

— Об этом приговоре мог знать Клейн? — спросил Павел.

— Должен. В нашей печати сообщалось о зверствах его зондеркоманды в Белоруссии.

— Это хорошо. Но если убрать Клейна не удастся, ты обречен.

— Директор послал меня как конструктора. Знаешь, есть загадки, над которыми бьются все «реактивщики». Интересно, как с ними справились немцы на «Штурмфогеле». А тебе я привез мину особого действия и миниатюрную рацию. По ней надо сообщить день и час фейерверка.

— День и час...— повторил в раздумье Пихт и, что-то решив, выпрямился.— Все ясно. День и час тебе сообщу, Зейца беру на себя. Механик Гехорсман готов нам помочь. Работай с ним. Он честный человек.

Неожиданно заныла сирена. «Воздушная тревога! — ворвался в динамик голос диктора.— Воздушная тревога районам Мюнхена, Аугсбурга, Лехфельда, Дахау...»

Пихт растолкал Вайдемана, и оба помчались на машинах к аэродрому.

Техники дежурных самолетов уже запускали моторы. На горизонте полыхало зарево. Резкие лучи прожекторов метались по небу. Доносился обрывистый лай автоматических пушек «эрликонов», и среди звезд то тут, то там вспыхивали и погасали шарики разрывов.

Набирая скорость, истребители один за другим ухо-

дили в небо. Пихт прикрывал Вайдемана. Он следил за его самолетом по красным выхлопам мотора.

— «Фальке-один», «Фальке-один»! — вызывал Вайдемана пост наведения.

— Слушает «Фальке-один».

— К району Аугсбурга курсом триста десять на высоте двенадцать тысяч метров направляется большая группа «летающих крепостей Б-17».

— Понятно,— отозвался Вайдеман и начал набирать высоту...

— Группа «Л»,— через минуту включился он в эфир,— слушай мою команду: идем попарно до высоты двенадцать. Первое звено атакует сверху, второе — снизу. Новотны, Пихт и Вендель действуют самостоятельно по обстановке.

Пихт пытался в черноте неба отыскать «летающие крепости», но не увидел их и решил пока держаться за Вайдемана.

Вдруг внизу слева замелькали трассы. Их было так много, что они походили на рой светлячков. Вайдеман, видимо, тоже заметил трассы и резко завалил машину в вираж. «Вот они, крепости»,— подумал Пихт, щурясь от ослепительных трасс, которые неслись навстречу. Стрелки́ американских самолетов били наугад, пытаясь отогнать немецкие истребители. Вайдеман нырнул ниже. Какой-то прожектор достал длинное брюхо «крепости». Зеленая колючая трасса впилась в самолет. За мотором потянулся дымок, и вдруг яркая вспышка на мгновение ослепила Пихта. Вспыхнули бензиновые баки «крепости».

Бомбовозы, очевидно, начали перестраиваться. Пихт и Вайдеман метались по небу, надеясь отыскать среди огня их пушек лазейку, но повсюду встречали плотную завесу. Где-то сбоку задымила еще одна «крепость». Потом еще одна. Американцы стали сбрасывать бомбы и разворачиваться.

Так, точно приклеившись к самолету Вайдемана, Пихт пролетал весь бой. Горючее было на исходе.

— «Фальке-один», ухожу на заправку,— передал он.

— Ага, «Фальке-четыре», идем домой,— отозвался Вайдеман и со скольжением на крыло стал проваливаться вниз...

Пихт зарулил на стоянку и побежал к Вайдеману. Тот медленно шел навстречу, держа руками голову.

— Ты ранен? — спросил Пихт.

— Да нет, наверное, я хватил лишнего,— ответил Вайдеман.— Голова болит адски.

Пихт рассмеялся.

— А ты здорово ссадил «крепость», Альберт,— польстил он.— Я ведь решил прикрывать тебя и все видел...

— Э, черт с ней, с «крепостью»,— махнул рукой Вайдеман.

Глава четырнадцатая

ШЕПОТ МЕРТВЫХ

По-провинциальному тихий, опрятный Берн в феврале 1943 года стал походить на осиный улей. Шпионы и дипломаты всех мастей и оттенков собирались в группки, разбивались, скучивались вновь. Непрерывные зондажи, полунамеки, полуофициальные встречи...

«Во имя войны на Востоке» гитлеровцы намеревались заключить сепаратный мир с Англией и особенно с Америкой.

Сюда же в это время приехал один из самых зловещих деятелей тайной дипломатии рейха князь Макс Гогенлоэ (агентурная кличка в картотеке СС — «Паульс»). Его приняли Аллен Даллес, назвавшийся мистером Баллом, и посол Гаррисон.

Даллес с традиционным американским прямодушием заявил, что «уважает историческое значение Адольфа Гитлера и его дело». Но Гитлер поспешил и переиграл, ударил слишком рано и не там, где следовало, а сейчас «трудно себе представить, чтобы возбужденное общественное мнение англосаксов согласилось на Гитлера как на бесспорного хозяина Великой Германии».

«У господина Паульса,— пишется в стенографическом отчете,— сложилось впечатление, что американцы, в этом случае и мистер Балл, знать не хотят о большевизме или панславизме в Центральной Европе и, в противоположность англичанам, ни в коем случае не хотят видеть русских на Дарданеллах и в нефтяных областях

Румынии или Малой Азии. Тут снова подтверждается, что Англия во имя сохранения свободной от русских Западной Европы и Средиземноморья готова пойти на расчленение Северной и Центральной Европы и на разграничение сфер влияния с русскими в этом районе...»

Но пока шпионы и дипломаты прощупывали позиции враждующих государств, Гитлер в «волчьем логове» задумал взять реванш за поражение под Сталинградом. Он приказал провести тотальную мобилизацию и начать наступление на Орловско-Курской дуге.

Танковые заводы начали выпускать машины новейшей конструкции — «тигр» и «пантера». В эскадры люфтваффе пришли усовершенствованные истребители «Ме-109» и «Фокке-Вульф-190». Фирма «Хеншель» разработала проект самолета — истребителя танков — «Хеншель-129», поставив на них моторы французского производства.

В преддверии гигантской битвы на «Огненной дуге» над Кубанью и Таманским полуостровом разгорелось еще одно воздушное сражение. В нем участвовало 1200 немецких самолетов, в том числе эскадры «Удет», «Мельдерс», «Зеленое сердце».

1

Возглавив отдел в «Форшунгсамте» министерства авиации, Зигфрид Коссовски ощутимо почувствовал тяжесть этой работы. В отдел поступало много информации. Ее нужно было систематизировать, перепроверять, анализировать и составлять четкие сводки для командования люфтваффе.

Коссовски со всей своей пунктуальностью и добросовестностью изучал материалы о новых видах вооружения у противника, и эти занятия оставляли мало иллюзий для уверенности в превосходстве немецкой технической мысли.

Он составил картотеку по новым исследованиям воюющих стран. Эта картотека росла по мере поступления сведений от агентов и сообщений печати. Просматривая полученные документы, Коссовски убедился в том, что и в Англии и в Америке стало известно о реактивной авиации Германии.

Фирма «Пауэр Джетс» построила турбореактивный

двигатель еще до войны и по указанию министерства авиации лихорадочно начала проектировать самолет новой конструкции. Первый самолет, получивший наименование «Глостер-40» [1], поднял в воздух летчик Сейер в мае 1941 года. В октябре двигатель и чертежи этого самолета англичане передали янки, и они построили самолет «Бэлл-Айркомет». «Глостер-40» достигал скорости 480 километров в час. Для самолета-перехватчика это был весьма скромный показатель. Поэтому англичане разработали вторую модель с двумя двигателями. Новый самолет «Глостер-Метеор» сейчас был построен и испытан, о чем сообщал Коссовски один из агентов абвера в Британии.

Не исключалась также возможность, что «летающие крепости» намеревались разбомбить испытательный аэродром, прервать немецкие работы над «Штурмфогелем».

Коссовски знал, что Мессершмитт работает над другим самолетом — бесхвостым истребителем «Ме-163 — Швальбе» с жидкостным реактивным двигателем. Но этот самолет еще не достиг стадии новорожденного, и пока ничто не заставляло беспокоиться за его судьбу.

С удивлением и огорчением узнал Коссовски и о том, что давний друг Германии Чарлз Линдберг резко изменил свое отношение к нацизму. Сам Коссовски несколько раз сопровождал этого высокого голубоглазого и чрезвычайно стеснительного американца в его поездках по Германии. Линдберг в свое время произвел мировую сенсацию: на маленьком самолете без специальных навигационных приборов и автопилота он перелетел из Америки в Европу. Он стал самым популярным человеком в мире. У себя на родине «американца номер один» преследовала беспокойная слава, толпы репортеров и зевак осаждали его дома. Трагический случай, когда гангстер Бруно Гауптман выкрал у него ребенка, потребовав невыносимый выкуп, и, не получив его, впоследствии убил мальчика, заставил Линдберга тайно, ночью, на старом грузовом пароходе перебраться с семьей в Европу.

---

[1] Этот образец самолета в настоящее время хранится в научном музее Лондона — Южный Кенсингтон.

В Германии он был покорен «новым порядком» и в печати и по радио выступал в поддержку нацизма.

Теперь же, когда США воевали с Германией и немцы разоблачили себя перед всем миром, Линдберг отказался от прежних взглядов и, как знаток немецкой военной авиации, консультировал американские авиационные фирмы, выпускающие «летающие крепости», «мустанги», «айркобры», «тандерболты».

Но что бы ни делал Коссовски, о чем бы ни думал, его мысли постоянно возвращались к Марту, который жил в Лехфельде и, наверно, продолжал действовать. После гибели Ютты, исчезновения Эриха Хайдте, ареста и казни Перро-Регенбаха функабвер больше не перехватывал радиограмм с подписью «Март». Другой контрразведчик, очевидно, успокоился бы... Март ликвидирован — им могли быть Ютта или Эрих. Но Коссовски был абсолютно уверен, что Март жив. Судя по информации, которая адресовалась Директору, Март отлично ориентировался в деятельности люфтваффе и работах Мессершмитта над новыми машинами. Досадно было, что соперничество между службами безопасности, абвера, «Форшунгсамта», иностранного ведомства Риббентропа и других родственных учреждений часто выливалось в неприкрытую конкурентную борьбу. А это ослабляло усилия разведки и контрразведки, призванных оберегать высшие интересы рейха.

Коссовски поэтому не знал, по каким каналам действует СС, тоже информированное о Марте в Лехфельде. Пока штандартенфюрер Клейн был жив, он не допускал к своим делам никого из других служб. Зейц подчинялся Клейну непосредственно. Теперь же Клейна не стало, и Коссовски решил договориться о совместных действиях с его заместителем — оберштурмбаннфюрером Вагнером.

Они условились о встрече.

Вагнер обладал рыкающим басом. У собеседника по телефону мог бы сложиться образ некоего увальня-медведя. На самом же деле Вагнер был маленького роста, изящный, ухоженный. Из-под пенсне весело поблескивали глаза. Он постоянно улыбался, но подчиненные, видимо, его боялись: ругался он, как последний портовый бродяга.

Вагнер полуобнял приехавшего к нему Коссовски,

угостил коньяком, уселся в кресло напротив, словно давно с нетерпением ждал этого визита.

— Вам, господин оберштурмбаннфюрер, разумеется, известно о некоем Марте в Лехфельде,—сказал Коссовски.— Поверьте, в его ликвидации заинтересованы и вы и мы в равной степени...

— Разумеется, майор, я всегда стою выше наших междуведомственных недоразумений,— поддакнул Вагнер, соображая, как бы получше обвести этого человека из «Форшунгсамта».

— Сейчас Март прекратил посылать телеграммы. Во всяком случае, функабверу еще не удалось нащупать новую станцию. Но Март не обезврежен.— Коссовски сделал ударение на отрицании «не».— Несомненно, он или нашел новый канал в передаче информации русским, или готовит какую-либо из ряда вон выходящую диверсию. Зейц же, по моему мнению, проявляет довольно странную пассивность...

— Э, бросьте майор. Зейц как раз не в меру энергичен,— полез в бутылку Вагнер.

— По своим каналам мы узнали о появлении в Лехфельде нового инженера — Хопфица,— продолжал Коссовски ровным голосом.— Мы договорились с Зейцем о совместных действиях. Однако сам Зейц не соизволил уведомить меня об этом.

— Возможно, у Зейца были свои соображения...

— В разговоре по телефону он сообщил, что господин Клейн незадолго до смерти послал в Лехфельд своего человека, чтобы заняться этим невидимкой Мартом.

— Да, господин Клейн, видимо, имел на это основания.

— Вот как! — удивился Коссовски.— Об этом, простите, я тоже не был информирован.

— Господин Клейн позаботился, чтобы о нем вообще никто не знал.— Вагнер, сложив руки, заиграл пальцами.

— Я не могу знать его имени?

Вагнер скосил взгляд на настольный блокнот, где был записан день, когда он разговаривал с Зейцем о Хопфице, но вслух проговорил:

— Знаете, я был в это время болен и не могу назвать этого человека.

— Но у вас, разумеется, хранится копия направления его в Лехфельд?..

— Мы, черт побери, сломали голову над бумагами покойного.

Когда Коссовски вышел, Вагнер вызвал своего адъютанта и приказал разыскать копию направления в Лехфельд этого треклятого Курта Хопфица.

Коссовски же, вернувшись к себе, начал розыски инженер-лейтенанта в списках личного состава офицерского корпуса люфтваффе.

Через несколько дней он узнал, что инженер-лейтенант Курт Иозеф Хопфиц, 1910 года рождения, выпускник высшей технической школы, служил в восьмом авиакорпусе резерва верховного командования, в третьей эскадре первой авиагруппы. После переброски корпуса с Крита и Греции под Сталинград и захвата нескольких аэродромов эскадры русскими судьба Хопфица неизвестна. Родителям в Киле — Вальдштрассе, 24 — сообщено о нем как о пропавшем без вести...

Коссовски запросил Киль, но там сказали, что отец Курта Хопфица был призван во время последней мобилизации в вермахт и направлен на фронт, мать умерла от туберкулеза в декабре прошлого года. Больше никого из родственников Хопфица в Киле не оказалось.

«И здесь что-то не то,— подумал Коссовски, бесцельно перекладывая бумаги с места на место.— Настоящий Хопфиц мог попасть к русским в плен, а вместо него в Германию проник агент, разумеется, на связь к Марту. Или Клейн сумел вырвать своего агента из окружения и действительно подключил к Зейцу с заданием обезвредить Марта?.. Все же мне надо снова выехать в Баварию».

2

Над «Штурмфогелем», по существу, работал один Зандлер. Вилли Мессершмитт давал лишь самые общие идеи. Их нельзя было недооценивать, но все же основные поиски лучших решений ложились на плечи профессора. Зандлер рассчитывал узлы и детали машины, ставя перед инженерами своего отдела более мелкие задачи.

И «Штурмфогель» летал. Правда, Вайдеман жаловался на сложность взлета и посадки, но Зандлер надеялся добиться лучшей управляемости и устойчивости в последующих испытаниях. Главное, обладая большой скоростью и сильным бортовым огнем, перехватчик быстро набирал высоту, мог успешно сражаться с «летающими крепостями».

Но вдруг из министерства авиации за подписью Геринга пришел заказ на «Штурмфогель» — бомбардировщик. Вилли Мессершмитт позвонил Зандлеру, едва сдерживая гнев.

Зандлер было заикнулся, что самолет с самого начала проектировался как истребитель-перехватчик, но главный конструктор перебил его:

— Я сам об этом говорил Мильху. Он и слышать не хочет ни о каком перехватчике. «Гитлеру нужен бомбардировщик»,— твердит он. Боюсь, что и здесь фельдмаршал ставит нам палки в колеса.

По раздраженному, доверительному тону Зандлер понял, что Мессершмитту возражать бесполезно.

— Я попробую снять пушки и испытать «Штурмфогель» с подвешенными бомбами,— спокойно сказал Зандлер.

— Делайте, профессор,— разрешил Мессершмитт.

Один из самолетов разоружили, оставив лишь мелкокалиберный пулемет, к фюзеляжу прицепили две 250-килограммовых болванки, отлитых в форме бомб. Вайдеман кричал и ругался:

— Ты что-нибудь понимаешь, Гехорсман? Это же все равно, что на скаковую лошадь надеть воловью упряжь. Чудовищно!

Механик Гехорсман помалкивал. К стоянке подъехал Зандлер, молча осмотрел самолет.

— Я бы с удовольствием сбросил эти болванки кому-нибудь на голову,— пригрозил Вайдеман.

Зандлер поморщился:

— Не наша вина, Альберт. Давайте посмотрим, с какой скоростью полетит самолет с этими штуками.

— Я не удивлюсь, если в один прекрасный момент от «Штурмфогеля» потребуют, чтобы он еще нырял,— проворчал Вайдеман, надевая парашют.

Погрохотав с минуту двигателями, Вайдеман спустил тормоза. Самолет пошел на взлет. Гехорсман

заметил, с каким большим трудом пилот выдерживал направление на разбеге. Перекачиваясь с крыла на крыло, «Штурмфогель» оторвался от земли и начал набирать высоту.

Потом с неба донесся нарастающий грохот. Вайдеман пытался разогнать «Штурмфогель» на взлетном режиме работы двигателей. Но, видимо, это ему не удавалось. Он снова набрал высоту и снова ринулся вниз, выжимая из двигателей все силы. Над старым аэродромом, где на бетонке был вычерчен квадрат, он сбросил болванки, набрал высоту, перевернулся через крыло, пронесся над Лехфельдом на огромной скорости и нацелился на посадку.

Когда он открыл фонарь и спрыгнул с крыла, Гехорсман увидел, что Вайдеман находился в состоянии сильного раздражения. Он пнул сапогом попавшую под ноги струбцину, подошел к механику:

— Где машина, черт побери?

— Вы не просили машины, господин майор,— сказал Гехорсман, опуская руки по швам.

— Так вызови же! И зачехляй самолет, больше на нем я летать не буду.

По аэродромному телефону Гехорсман вызвал машину. Она увезла Вайдемана к Зандлеру. Как и предполагал профессор, результаты испытаний показали, что легкий, стремительный «Штурмфогель» никак не мог стать бомбовозом: с подвешенными болванками он терял почти двести километров скорости.

Услышав об этом, летчики Лехфельда по-разному обсуждали новость. Только капитан Новотны высказался определенно:

— Пусть «Штурмфогель» только поступит в строевые части, а там уж найдут ему место, будьте спокойны.

3

Оберштурмбаннфюрер Вагнер приказал Зейцу установить за Куртом Хопфицем слежку, так как в архиве штандартенфюрера Клейна не удалось отыскать копии его направления в Лехфельд. Зейц извлек из сейфа подлинник направления, внимательно осмотрел лист — нет, с обратной стороны не осталось следов копирки.

Возможно, Клейн отпечатал письмо в одном экземпляре, хотя это на него не походило. Прошагав из угла в угол некоторое время, он решил исподволь расспросить Хопфица о жизни и службе, чтобы определить степень его благонадежности.

Шел апрель, на улицах было совершенно сухо. Щурясь от яркого солнца, Зейц сел в «мерседес». Машина вынесла его на магистраль, ведущую прямо к аэродрому.

Но ехать пришлось долго. Дважды колонны военнопленных из лагеря Дахау преграждали путь. Зейц из-под темных очков наблюдал за чужими солдатами. Грязные скелеты двигались стадом, бесцельно глядя под ноги. Солдаты-эсэсовцы по сравнению с ними выглядели великанами. Небрежно закинув автоматы за спину, они держали в руках плетки и иногда просто скуки ради хлестали по спинам, прикрытым невообразимым рваньем.

Зейц знал, что в лагерях пленным не сладко. Знал, что их не щадят. Но сейчас, при виде истощенных русских, он вдруг поставил себя на место одного из них. Ведь мог же он сам попасть на фронт, потом в плен, валил бы лес где-нибудь в тайге за Уралом и ел похлебку из брюквы. Каким бы бодрячком он выглядел тогда? Зейц отвернулся.

Колонны прошли.

Зейц нажал на акселератор...

Начинались полеты, и воздух сотрясался от грохота запускаемых моторов. Летчики забирались ввысь, выделывая там головокружительные фокусы. Механики, техники, инженеры возились у поршневых «Ме-109», меняли моторы, ставили новые пушки.

Солдат вскинул винтовку «на караул». Зейц козырнул и прошел в запретную часть аэродрома, опоясанную колючей проволокой. Сильно и крепко пахло лесом. Сквозь молодую зелень буков пробивалось солнце, ложилось косыми лучами на прелую землю. Зейц свернул с бетонной дорожки и пошел к стоянке напрямик, давя сапогами первые летние цветы, вдыхая чистый лесной воздух. Лес давал ему сейчас такое властное ощущение жизни, что хотелось просто идти и идти, ни о чем не думая, никого ни в чем не подозревая.

За свою жизнь Зейц убил одного человека, и то

своего. Тень подполковника Штейнерта, кости которого сгнили под Толедо, иногда посещала его. Она напоминала о себе так ощутимо, что Зейц однажды проснулся в холодном поту. Штейнерт, как и тогда в Испании, в отчаянии теребил ворот своего зеленого комбинезона и спрашивал: «Неужели вы не верите мне? Проводите меня до Омахи, и вы убедитесь в моей правдивости. Только до Омахи — это всего десять километров!» В это время слева теснила марокканцев пехота Интернациональной бригады, в лоб шли анархисты, справа заходили республиканские танкетки. «У нас нет времени провожать вас, Штейнерт»,— сказал Коссовски. «Тогда отпустите меня!» — «У нас нет оснований верить вам, Штейнерт,— сказал Коссовски. Он наклонился к Зейцу и шепнул: — Убей его». «Хорошо, идите»,— сказал тогда Зейц. Штейнерт недоверчиво поглядел на обоих. Пихт в это время делал вид, что не прислушивается к разговору. Он безучастно смотрел в бинокль на густые цепи республиканцев. Штейнерт поднялся и вдруг резво пополз по брустверу. Зейц выстрелил из пистолета всего раз. Пуля попала в затылок. Штейнерт остановился, как будто замер, и, обмякнув, свалился обратно в окоп. «Так будет спокойней»,— проговорил Коссовски, вытирая платком мокрую подкладку кепи. Эх, если бы знал тогда Зейц, что это «спокойствие» испортит ему всю жизнь!

Тогда-то и зародилась у Зейца мысль убрать Коссовски со своего пути. Рано или поздно Коссовски мог сознаться в убийстве Штейнерта. «Конечно, если когда-нибудь докопаются до этого, вам обоим не миновать виселицы»,— как-то сказал Пихт. «А тебе?» — взорвался Зейц. «Я-то в худшем случае попаду в штрафной батальон,— спокойно ответил Пихт и, помолчав, добавил: — Но на меня ты можешь положиться: я-то буду нем, хоть мне все жилы вытянут».

В Пихте Зейц не сомневался.

Приводило в бешенство Зейца и то, что Коссовски упрямо искал Марта, нащупывал какие-то нити, за которые он, Зейц, ухватиться не мог.

«Этот старый шакал думает обойти гестапо, как будто не я, а он здесь хозяин. Но погоди же, Коссовски...»

«А если Пихт...— Зейц замедлил шаги.— Если все же меня выдаст Пихт?»

Зейц вышел к ангару «Штурмфогеля». Под брезентовым навесом из деревянных брусьев был сколочен стенд. На нем стоял разобранный двигатель «Юнкерс». Хопфиц и Гехорсман молча возились с деталями. Зейц остановился и стал издали наблюдать за инженером. По тому, как ловко он действует ключом, Зейц убедился, что Хопфицу хорошо знакома техника. Изредка Хопфиц поворачивался к Гехорсману и что-то показывал механику.

Минут через десять Зейц вышел из кустарника и громко крикнул:

— Хайль Гитлер!

— Хайль! — машинально почти в один голос отозвались Хопфиц и Гехорсман, вытянув руки по швам.

«Нет, он служил в наших частях»,— подумал Зейц.

— Как вас устраивает работа, лейтенант?— спросил Зейц.

— Работа как работа, господин оберштурмфюрер.— Хопфиц пожал плечами.

— Отдохните немного, я хочу с вами поговорить,— сказал Зейц и пошел обратно к лесу.

Хопфиц догнал его, на ходу вытирая сильные длинные руки паклей.

— В чем дело, оберштурмфюрер? — проговорил он недовольно.

— Вы давно знали Клейна?

— Во всяком случае, гораздо раньше вас.

— Вы работали в люфтваффе и не порывали с ним связи?

— Я не понимаю вашего тона, Зейц. Это допрос? — Хопфиц остановился.

Зейц качнулся с пяток на носки, положил руку на кобуру парабеллума и, в упор глядя на Хопфица, раздельно проговорил:

— Я звонил Клейну. Он не знает вас и не подписывал никакого направления. Грубая игра, Хопфиц.

Зейц считал себя хорошим физиономистом. Он ждал мгновенно вспыхнувшей тревоги, страха, но в глазах Хопфица зажглись лукавые искорки.

— Слишком топорно,— проговорил инженер.— Удивляюсь примитиву.

Зейц уныло замолчал, соображая, как ему выпутаться из нелепого положения. Тогда он заставил себя раскатисто расхохотаться:

— Я пошутил, господин лейтенант. Извините меня.

— Советую шутки приберечь для дам, Зейц,— жестковато проговорил Хопфиц.

Зейц сразу стал серьезным.

— Между прочим, Клейна убили,— проговорил он.

— Вы снова шутите, Зейц?

Теперь Зейц уловил в голосе Хопфица неподдельную тревогу.

— Нет, я звонил в Берлин, и об этом мне сообщил оберштурмбаннфюрер Вагнер. Какие-то террористы привели в исполнение приговор какого-то русского суда. Ведь Клейн был на Восточном фронте в начале войны.

Хопфиц растерянно помял в руках паклю:

— И нашли террористов?

— Не знаю. А вам знаком Вагнер?

— Нет. Я всегда был связан лишь с одним Клейном.

Неожиданно у Зейца шевельнулось нечто вроде жалости к инженеру — возможно, Хопфиц возлагал на Клейна большие надежды, и теперь они рухнули.

— Да, Вагнер не знает вас,— проговорил Зейц.

— Но я надеюсь, задание останется в силе до тех пор, пока мы с вами не поймаем Марта?

— Конечно. Я очень рад, что вы обжились на аэродроме и вам хорошо работается.— Зейц закурил. В косых оранжевых лучах солнца, пробивающихся сквозь листву буков, поплыли сиреневые облачка дыма.— Кого вы подозреваете, господин лейтенант? — спросил он.

— Я познакомился в доме Зандлера с Пихтом и Вайдеманом. Если подозревать кого-то из них, то я бы остановился на первом. Он хитрее.

Зейц пошел к себе, вызвал двух надежных агентов из отряда охраны аэродрома и приказал им следить за инженером Хопфицем.

А когда Хопфиц вернулся обратно к стенду, он попросил Гехорсмана незаметно передать записку Пихту. Всего три слова: «В десять Аугсбург». На аэродроме встретиться с Пихтом он не мог. Поговорить нужно более подробно. А где, как не за городом, можно рассказать товарищу обо всем, что насторожило Зейца.

...Вечером Хопфиц заметил за собой «хвост». Он умывался в душе — агент дежурил в коридоре, в столовой человек сидел за столиком поодаль, в пивной он тоже купил «Штарбиер» и неторопливо сосал пиво из большой фарфоровой кружки. Выходя, Хопфиц задержался в дверях, и его едва не сбил с ног выскочивший следом агент.

— Поосторожней! — прикрикнул Хопфиц.

К счастью, в этот момент мимо проходило такси из Аугсбурга. Хопфиц сел в него. В зеркальце заднего обзора он увидел, как агент метнулся к телефону. Выехав за Лехфельд, Хопфиц расплатился с шофером и вышел.

Ровно в десять он увидел «фольксваген» Пихта.

...В это же время Зейц увидел, что «фольксваген» чуть притормозил и снова начал набирать скорость. Ему даже послышался стук закрывающейся дверцы. Зейц тоже нажал на газ. Как только по телефону его предупредил агент о том, что Хопфиц взял такси и по-

ехал в Аугсбург, он вскочил в свой «мерседес». Мимо него промчался на большой скорости Пихт, который тоже направился к аугсбургскому шоссе. Зейц поехал следом. Дорога перед ним едва виднелась в темноте. Фары он потушил — перед ним мигали сигнальные огоньки «фольксвагена» и помогали ориентироваться. Зейца удивили поздние прогулки Пихта, и он решил посмотреть, куда же тот поехал.

— Кажется, мы попали на глаза Зейцу,— проговорил Пихт, когда Хопфиц сел рядом и хлопнул дверцей.

— Но меня он не должен был заметить,— ответил Хопфиц.

— Это не меняет дела. Надо что-то придумать.

Помолчав, Пихт спросил по-русски:

— Как дела, Семен?

— Сегодня Зейц пытался взять меня на пушку, сказав, что Клейн не знает меня, но я уж решил играть до конца... Клейн убит. Об этом мне и сказал Зейц. Но он насторожился. Ведь копии направления сюда в Берлине нет. Видимо, ему приказали за мной следить. Сейчас я едва оторвался от «хвоста».

— Тогда надо торопиться.

— Мне придется исчезнуть отсюда раньше,— сказал Хопфиц.— Все, что нужно было мне, я уже узнал.

— Если Зейц будет мешать, я его уберу.— Пихт поглядел в зеркальце, в котором то появлялся, то исчезал силуэт «мерседеса».

— Только ты береги себя.

— Да, Сеня, разведчик нужен живой,— задумчиво проговорил Пихт.

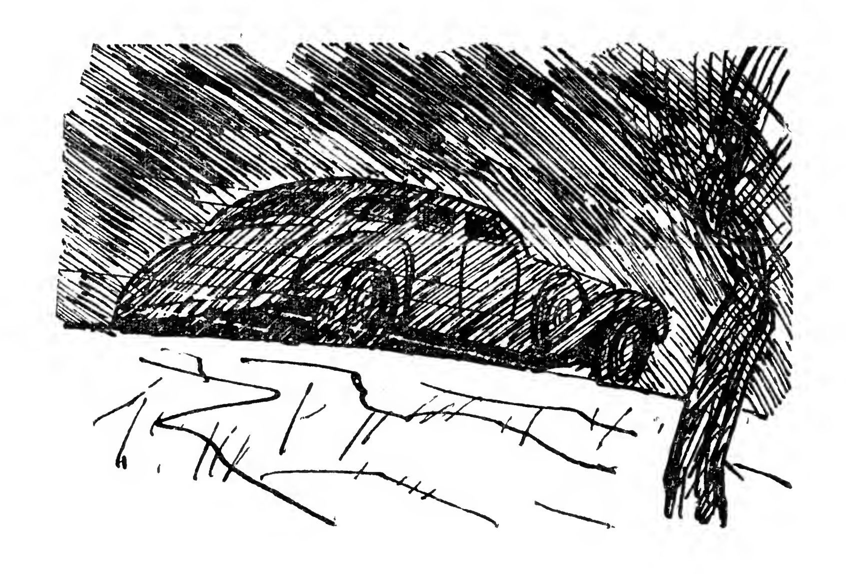
— Может, мы скоро вернемся домой? — Хопфиц дотронулся до локтя Пихта.

— Когда все же будет готов самолет? — спросил, помолчав, Пихт.

— Надеюсь, через три дня.

— Тогда надо передать Директору дату. Тянуть рискованно. Это будет двадцать седьмое.— Пихт снова взглянул в зеркальце.— Как же избавиться от Зейца? Надо сделать так, чтобы он увидел меня одного. Хотя с чего бы я стал ездить ночью один?

— А с Эрикой?

— Верно! Я быстро высажу тебя за углом, ты зайди к ней, передай, что я хочу сказать ей нечто важное, и пусть она ждет меня, например, у кафе «Таубе». А за это время я сделаю еще один кружок вместе с Зейцем.

Пихт развернулся и направил машину обратно в Лехфельд.

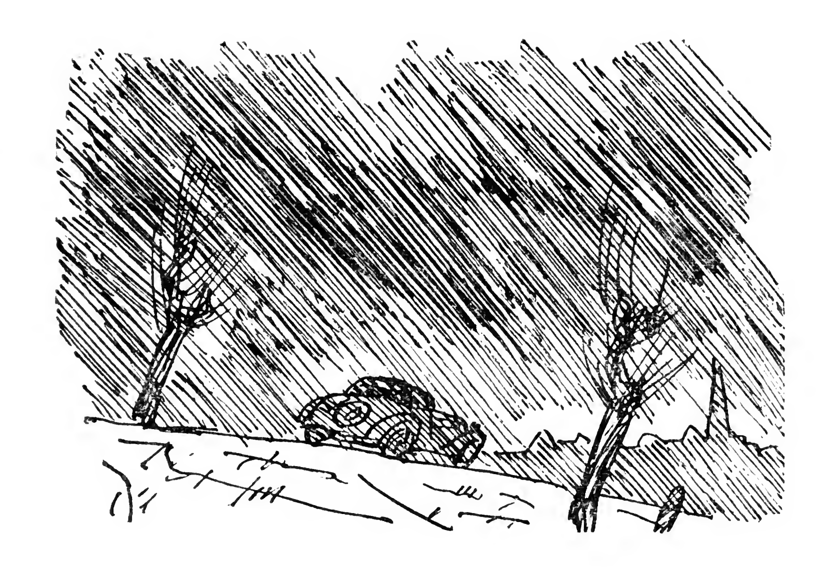
«Тоже поворачивает»,— усмехнулся он, кивнув в сторону «мерседеса».

...В Лехфельде «фольксваген» Пихта свернул за угол и на какой-то момент скрылся от Зейца. Зейц, испугавшись, что Пихт уйдет от него, на большой скорости нырнул в переулок. «Уф»,— облегченно вздохнул он, снова увидев красные огоньки. «Фольксваген» опять выбежал на магистраль и помчался к Аугсбургу.

«Похоже, Пихт водит меня за нос»,— подумал Зейц.

Через полчаса Пихт снова въехал в город.

«Что за дьявол?» — Зейц свернул к комендатуре на магистрали и приказал дежурному офицеру задержать «фольксваген».

Когда машина затормозила перед солдатами военной жандармерии, Зейц вошел в тень.

Дежурный офицер потребовал документы.

Пихт показал удостоверение.

Рядом с ним сидела Эрика Зандлер. «Тьфу, болван! — обругал себя Зейц.— Сколько времени потерял даром!»

— Почему вы кружите здесь? — спросил офицер.

— А разве это запрещено?

— Но, согласитесь, это несколько странно — среди ночи, одни...

— Нам так нравится,— вызывающе проговорила Эрика.

— Простите,— козырнул офицер.

«Фольксваген» поехал дальше. Зейц направился домой.

4

На испытательный аэродром неожиданно привезли реактивный пульсирующий двигатель. Там, где их делали, не хватало стендов, и Мессершмитт разрешил воспользоваться стендом в Лехфельде. Сопровождали

двигатель два мрачных молодых инженера с землистыми лицами и каким-то лихорадочным, испуганным блеском в глазах.

Пихт увидел их, когда они пили утренний кофе в офицерской столовой. Рядом было свободное место.

— О, какой замечательный у вас крест! — проговорил один из инженеров, показывая ложечкой на Рыцарский крест Пихта.

— Я его заработал в России,— небрежно ответил Пихт,— а этот,— он показал на Железный,— в Испании.

— Вы ас?

Пихт кивнул. Инженеры переглянулись, молчаливо посоветовались друг с другом.

— А вам нравится Лехфельд? — осторожно начал старший.

— Служба везде служба. Здесь мы делаем тоже не детские хлопушки.

— Ха, вы славный парень.— Инженер наклонился к самому уху Пихта.— А вас устраивает жалованье?

— Мне кажется, в наши времена оно никого не устраивает.

— Да, да,— поспешно согласился инженер,— но мы могли бы предложить вам хорошее дельце. Вас откомандируют на месяц-другой к нам в Пеенемюнде.

— Что ж я там должен делать?

— Доктор Браун, наш шеф и изобретатель оружия возмездия «Фау-1» и «Фау-2», просил подыскать одного или двух пилотов для испытаний этих управляемых снарядов.

— Они беспилотные, но на первых порах человек должен проконтролировать работу приборов,— пояснил второй инженер.

— Нет, я не согласен летать в качестве подопытного кролика, попробуйте поговорить с майором Вайдеманом — он отчаянный парень.— Пихт встал и откланялся.

— Разумеется, «держи язык за зубами, иначе попадешь в концлагерь»,— напомнил вдогонку инженер.

— Успокойтесь, господа, я военный человек,— полуобернувшись, проговорил Пихт.

Когда несколько реактивных двигателей отправляли из Лехфельда, Пихт догадался, что существует еще

какой-то испытательный центр. Потом немцы обстреляли побережье Англии и громогласно объявили, что отныне островное королевство они начнут стирать с лица земли самолетами-снарядами «фау». Для этих ракет они придумали даже грозное название — «оружие возмездия». Теперь Пихт знал точный адрес, где это оружие делалось.

«Значит, Пеенемюнде»,— подумал он.

Направляясь в летную комнату, он лицом к лицу встретился с Зейцем. Тот словно засветился изнутри от радости:

— Пауль, я ищу тебя по всему аэродрому, мне нужно поговорить с тобой.

— Это надолго? — спросил Пихт.

— К сожалению, надолго. Но у Вайдемана я узнал, полетов не будет, и я сказал ему, чтобы он освободил тебя на сегодня.

Зейц подошел к своему «мерседесу» и открыл дверцу:

— Садись. День обещает быть жарким. Не съездить ли нам искупаться?

— Я не против.

Купальня примыкала к замку Блоков. С одной стороны она упиралась в старый сад, закрывший по берегам воду корявыми и черными ветлами, с другой была огорожена высокими деревянными брусьями, возле которых стояли под тентами полосатые брезентовые раскладушки. Здесь же был пляж — чистый, с едва заметной желтизной песок, намытый со дна озера Фишерзее. На четырех бетонных сваях прямо над водой возвышалось кафе, где посетителям подавали кофе, водку, сосиски и пиво.

Пихт и Зейц взяли плавки и шапочки, вышли к воде. В этот час купающихся было мало.

Зейц упал на песок, раскинул руки.

— Если бы ты знал, Пауль, как тяжело мне! — пробормотал он, закрывая глаза.

— Не понимаю тебя, Вальтер.

— Мне иногда просто невыносимо ощущать свое одиночество, и так надоело копаться в грязных душах людей...

— Наверное, ты озлобился, Вальтер?

Зейц быстро поднялся на локте:

— Да, я озлобился! Я чувствую, что кругом много врагов.

— Высокие слова, сказанные высоким стилем,— усмехнулся Пихт.

— Ты знаешь, что вот уже несколько лет не дает мне покоя один человек... Март!

— Не знаю и знать не хочу.

— Так вот, к нему прибыл связной — Хопфиц!

Зейц сел и уставился на Пихта, который сквозь темные очки, как всегда, безучастно смотрел на далекие облака.

— Что же ты молчишь?

— А что мне прикажешь делать? Ловить шпионов — это по твоей части.

— Я хочу знать твое мнение, Пауль,— просительно проговорил Зейц.

«Ого, Зейц узнал немало,— подумал Пихт,— надо действовать немедленно».

— Хопфиц хороший специалист,— сказал Пихт.

— А если он русский?

— Ты правда устал, Вальтер. Возьми отпуск, отдохни.

— Какой, к дьяволу, отпуск! Мне кажется, что готовится какая-то жуткая диверсия.

Пихт поднялся и, сняв очки, с усмешкой поглядел на Зейца:

— Вальтер, я прошу тебя об одном: не ввязывай меня в свои дела, я в этом ничего не понимаю.

— Все вы чистоплюи! Если хочешь знать, то оберштурмбаннфюрер Вагнер в Берлине сейчас лихорадочно разыскивает концы Хопфица. Вполне может случиться, что русские заслали его от имени Клейна и одновременно убрали штандартенфюрера. Его направление я сдал на экспертизу. Завтра ответят, подлинное ли оно.

— Ну что ж,— помедлив, хмуро сказал Пихт,— сегодня ты откровенен, как никогда. И ты думаешь, я не знаю почему? Потому что и ты и Коссовски подозреваете меня в измене рейху. Так?

Зейц зло посмотрел Пихту в глаза:

— Я бы давно арестовал тебя...

— Тогда в первую очередь ты поставил бы под удар себя.

— Ты снова намекаешь на Испанию?

— Нет, на те двести пятьдесят тысяч марок, которые лежат в швейцарском банке.

Зейц дернулся всем телом, словно его ударили плетью.

— Ты не можешь знать этого! — У него пересохло в горле, и сказал это он с трудом — хрипло и тихо.

— У меня есть весьма надежные доказательства, Вальтер. Не вся же испанская валюта ушла в казну рейха, кое-что прилипло и к твоим рукам. Но, повторяю, мне от тебя ничего не нужно, и я не сделаю тебе ничего плохого, пока ты не встанешь на моем пути.

Зейц сделал движение к одежде, где лежал пистолет.

— Спокойно, Вальтер.— Пихт положил свою руку на его руку.— Ты меня знаешь давно, я умею шутить, но когда говорю серьезно, то это серьезно.

— Т-ты... Март! — прошептал в ужасе Зейц.

— Думаю, мы сработаемся с тобой, Вальтер,— не обращая внимания на слова Зейца, продолжал Пихт,— и если тебе дорога жизнь, постарайся уехать в ближайшие дни... в целях своей же безопасности.

Зейц уткнулся в песок, его руки дрожали.

«Пожалуй, я погорячился,— подумал Пихт,— ну, да все равно. По крайней мере, теперь я твердо уверен, что Хопфицу надо скрываться немедленно».

— Я хочу выпить,— пробормотал Зейц, поднимаясь.

— Давай лучше пойдем в воду. Говорят, плохая примета — раздеться и не искупаться.

Вода была по-весеннему холодной, даже захватывало дыхание. Зейц поплыл на середину озера. Пихт догнал его и как ни в чем не бывало воскликнул весело:

— Ах, как хорошо, Вальтер!

Зейц ушел в глубину и вынырнул у берега.

«Все же надо быть настороже,— подумал Пихт.— Мало ли что взбредет в голову этому болвану».

...Зейц пил много и не пьянел. Он опрокидывал рюмку за рюмкой и мрачно смотрел на графин. Лишь к вечеру его стало заносить. Водка сначала согрела душу, сделалось легче. Что-то он забормотал о старой дружбе, вспоминал дни молодости в Швеции. Потом плакал, потом стал кричать.

«Эх, какое еще будет похмелье...» — подумал Пихт, с трудом втащил Зейца в «мерседес» и отвез домой.

В этот же вечер он зашел к Хопфицу и рассказал обо всем, что произошло в купальне.

— Я искал тебя сегодня,— сказал Хопфиц.— Приехал Коссовски и о чем-то долго говорил с Вайдеманом.

Пихт сжал кулаки:

— Вот кого, Сеня, надо бояться больше всего... Сегодня же ты должен обязательно исчезнуть. Ты свое дело закончил.

— Даже составил кое-какие наброски.

— Письмо я передам тебе поздней. Сейчас немедленно иди к дубу у кафе «Добрый уют». Ты ведь там спрятал вещи?

Расставшись с Хопфицем, Пихт заехал за Эрикой.

Он направил машину в сторону Аугсбурга.

— У меня такое ощущение, будто скоро что-то произойдет,— сказала девушка, положив голову на плечо Пихту.

— Почему?

— Я сужу по отцу. Он совсем изнервничался. Кажется, он тайно переводит деньги в швейцарский банк.

— Ого, я был гораздо худшего мнения о твоем отце.

— Ты редко бываешь со мной!

— Сейчас много хлопот.

— Пауль,— Эрика заглянула ему в лицо,— скажи мне правду: мы победим?

— Смотря кто «мы»...

— В объединении немецких женщин все готовятся вступать в нацистскую партию. Сейчас ведь Германия переживает трудные времена?

— Нынешняя Германия — да.

— Мне кажется, женщины должны встать вместе с мужчинами на защиту родины.

— Нет, ты не связывайся с ними.

— Скажи, Пауль, ведь когда-нибудь кончится война?

— Должна.

— Тогда я тебя больше никуда не отпущу!

Пихт грустно улыбнулся. Острая жалость к девушке заставила Пихта притормозить и свободной рукой крепко обнять ее.

— Эрика, если когда-нибудь не будет меня, ты

постарайся жить по-другому — лучше, честней, что ли...

— Я и стараюсь...

— Наверное, ты переживешь это чертовски проклятое время, но всегда помни: другие люди так же страдают, любят, мечтают, радуются и так же сильно хотят покоя, как ты и я.

Пихт говорил и говорил Эрике о какой-то новой жизни, которую надо построить, и главное, суметь дожить до нее. Эта жизнь представлялась смутно, без реальностей. Он не знал еще, какая она будет, но Эрика понимала, что Пауль, как никогда, открывал перед ней душу, и слезы любви и благодарности текли по ее лицу.

5

Коссовски хорошо изучил Вайдемана. Дружеский тон он отбросил сразу же, как только вошел в общежитие. Вайдеман мог выворачиваться, увиливать от прямых ответов, если бы Коссовски снова начал разговор с давних симпатий.

— Я к вам по важному делу, майор,— сказал он, козырнув.

Вайдеман удивленно вскинул мохнатые брови и насупился.

— Если уж на «вы», то слушаю вас, господин Коссовски.

Коссовски сел напротив, так, чтобы свет от окна падал на Вайдемана.

— Вы отлично представляете себе, что в наше суровое время, когда Германия, напрягая все силы, воюет на нескольких фронтах, особенно крепок должен быть тыл,— начал он.

— Вы читаете мне азбуку, как сопляку из гитлерюгенда.

— И вы знаете, что «Форшунгсамт», так же как и гестапо, давно ищет русского агента,— не обращая внимания на реплику Вайдемана, продолжал Коссовски.

— Я его не видел и ничем не могу помочь.

— Вайдеман, мы с вами не маленькие! Я много думал, соединял вместе, казалось бы, несопоставимые со-

бытия... Я привел в систему вашу деятельность в Швеции, Голландии, Франции... да, во Франции, в том шикарном кабаке «Карусель», когда от странного и рассеянного гарсона услышал слово «март». Помните, гарсон сказал: «Мы получили вино в марте, а вы пришли в мае...»?

— Черт возьми! Я-то здесь при чем?

— Не нервничайте, Вайдеман. Выслушайте сначала меня. Я разговаривал со многими людьми, которые так или иначе касались дел люфтваффе, и особенно «Штурмфогеля». Картина деятельности этого агента проясняется. Март закрепляет свои позиции в Швеции, Испании, Польше, Франции... В «Карусели» к нему шел связной, он передал адрес другой явки вместо разгромленной... Благодаря своему прочному положению он немало знает о люфтваффе и передает ценнейшие секретные данные своим хозяевам...— Коссовски закурил сигарету и снова уперся взглядом в Вайдемана.— Ютта, радистка, связанная с коммунистическим движением, исправно передает телеграммы... Здесь мне не совсем ясна роль Эриха Хайдте. По-видимому, он был связным по линии Перро — Март — Ютта. Помимо информации, которую Март постоянно поставляет своим, он еще совершает и диверсии.

Коссовски заметил, что голова Вайдемана вдруг стала опускаться ниже и ниже.

— В Рехлине он закладывает в «Штурмфогель» магнитную или тепловую мину. Сам — заметьте — в испытаниях не участвует: погибает другой пилот, Христиан Франке...

«В чем-то Вайдеман виноват»,— подумал Коссовски, глядя на поникшего летчика.

— Наконец, он каким-то образом делает так, что секретнейший истребитель «фокке-вульф» попадает к русским, а сам спокойно возвращается обратно в свою часть...

Вайдеман вздрогнул, по лицу пошли багровые пятна.

— Разумеется, я умышленно опустил еще многие детали, так как считаю, что и этих достаточно для того, чтобы обвинить...

— Меня? — спросил, глотнув слюну, Вайдеман.

— Да,— прямо ответил Коссовски.

Вайдеман с трудом поднялся и отошел в глубь комнаты.

— Это не я, это Пихт,— выдавил он из себя.

Коссовски подумал — психическая атака удалась. «Все правильно, не ты, а Пихт — и только он — может быть Мартом. Ты, Альберт, никак не подходишь к роли разведчика, а Пихт ловко воспользовался твоей дружбой и всюду тянул тебя за собой».

— Но откуда ты знаешь, что Пихт работает на русских? — спросил Вайдеман.

Коссовски знал первые телеграммы Марта, их содержание вряд ли бы кого-нибудь интересовало, кроме русских. Но вслух он сказал уклончиво:

— У меня еще нет полной уверенности. Я хочу поймать его с поличным, применив метод его старого приятеля Эви Регенбаха — гамбит... То есть жертвую и на этот раз внезапностью.

— Пихт работает на Хейнкеля,— сказал Вайдеман.

— Вот как! — удивился Коссовски.

— Мы вместе работали на Хейнкеля, сообщая этому старому карлику о «Штурмфогеле».

— Каким образом?

— Я передавал сведения Пихту, Пихт — Хейнкелю, и от него он получал для меня деньги — тысячу марок в месяц.

— И долго ты так... работал?

Вайдеман сморщил плоский лоб:

— Не больше года... Потом я отказался. Но, поверь, Зигфрид, ради старой дружбы, я не видел в этом ничего предосудительного!

— Д-да,— в раздумье протянул Коссовски,— ты меня удивил, Альберт.

— Я всегда шел в самые рискованные переделки ради Германии. Меня нельзя обвинить в измене!

— Успокойся, Альберт, я сделаю со своей стороны все, чтобы оправдать тебя. Разумеется, о нашем разговоре...

— Конечно, Зигфрид,— перебил Вайдеман, обрадованный таким исходом.— Я буду молчать. Молчать как рыба.

Коссовски тихо прикрыл за собой дверь.

Он хотел еще встретиться с Зейцем, но так устал,

что решил поговорить с оберштурмфюрером утром. «Теперь Март от меня не уйдет»,— подумал Коссовски, засыпая.

Давно не чувствовал он себя таким спокойным, как в эту ночь. С гулом проходили по автостраде тяжелые вездеходы — уезжали в Россию новые пополнения. В огромном звездном небе было тихо — союзники не бомбили. Равнодушно шумел лес, укрывший собой то чудо, которое в скором времени ринется навстречу самолетам врагов.

Но вдруг он проснулся и почувствовал тот же липкий испуг, как и тогда, когда шел к Лахузену. Ведь если Пихт расскажет о том, что Коссовски приговорил к расстрелу связного Канариса и Франко, ему грозит тюрьма или виселица. Притом все знают, что Пихт его друг, и не преминут вообще усомниться в способностях Коссовски как контрразведчика и лояльного немца...

— Что же делать? О боже милостивый! — прошептал Коссовски, глядя в черный угол спальни.

6

В полночь Пауль подъехал к дубу у кафе «Добрый уют».

— Сеня, садись на попутную машину и уезжай. У тебя есть явки, где можно скрыться?

— Я должен добраться до партизан в Словакии. Оттуда меня вывезут на самолете к своим.

— Тем лучше. Ты успеешь. Вот мое письмо Зяблову. Оно закодировано, но все равно упрячь его подальше. В случае чего, скажи, что воевал честно. А может быть, и доведется встретиться... Если повезет.

— Я хочу, чтобы ты уцелел, Павел,— проговорил Хопфиц.

Пихт пожал плечами.

Хопфиц достал небольшую мину в форме чернильницы.

— Эта штука может разнести танк, не то что самолет. Словом, действуй и возвращайся живым.

Пихт и Хопфиц прижались друг к другу. В мужском расставании всегда бывает что-то неуклюжее.

Хопфиц заторопился выйти на дорогу, боясь, что Павел заметит слезы.

Пихт сел за руль и тронул машину с места. В предутреннем мраке долго мерцал красный огонек, а потом «фольксваген» повернул и скрылся в черноте леса.

Глава пятнадцатая

КОНЕЦ «ШТУРМФОГЕЛЯ»

На аэродромы, в районе которых развертывались гренадерские и танковые соединения вермахта, осуществляющие операцию «Цитадель», были стянуты боеспособные части со всех направлений. Кроме 4-го и 6-го воздушных флотов здесь находились также румынский королевский корпус и пять венгерских авиационных полков.

2 июня бомбардировщики люфтваффе предприняли массированный воздушный налет на Курск, в котором участвовало 550 самолетов. Советская авиация, разметав их боевые порядки, уничтожила 155 тяжелых машин.

Впервые во второй мировой войне германские войска перешли в наступление в условиях, когда люфтваффе не могли обеспечить безраздельного господства в воздухе. С каждым днем боев чаша весов все больше склонялась в пользу советских ВВС. В непрекращающихся воздушных сражениях советская авиация прочно захватила инициативу, вколотив в землю под Орлом, Курском, Белгородом и Харьковом свыше 3500 самолетов врага.

«С 1943 года,— писал впоследствии германский генерал К. Типпельскирх,— уже никакими способами невозможно было ликвидировать безраздельное господство авиации противника в воздушном пространстве над районами боевых действий».

Шел июнь 1943 года. Открытие Второго фронта затягивалось.

«Армия русских способна наверняка разбить германскую армию, если операции союзников в Европе отвлекут с Восточного фронта 50 германских дивизий,— писал военный обозреватель газеты «Франс-Америк»

В. Бенуа.— До сих пор Советский Союз ведет войну в одиночестве. Требование второго фронта, выдвигаемое Россией, вполне оправдано. Потери Англии не составляют и 5 процентов потерь Советского Союза, а потери Соединенных Штатов составляют едва ли один процент советских потерь».

Воспользовавшись благоприятной обстановкой в Европе, Гитлер отдал приказ ликвидировать Орловско-Курский выступ и захватить Москву с юга.

Потеряв какие-либо перспективы добиться перелома в войне с помощью обычного вооружения, гитлеровцы форсировали работы над «чудо-оружием» — ракетами «Фергельтундсваффе» («Оружие возмездия»), известными как «Фау-1» и «Фау-2», над многоцелевыми самолетами с турбореактивными двигателями «Хе-172» «Фольксягер» («Народный истребитель») и «Ме-262» «Штурмфогель» («Альбатрос»).

1

Зейц проснулся очень рано с тяжелой головной болью. Ныло тело. Ночная рубашка прилипла к груди. Он повернулся на другой бок и застонал — движение вызывало адскую боль. Дрожащими руками он вытащил из тумбочки бутылку коньяка и сделал большой глоток. «Что же страшного произошло вчера?» Зейц сел на кровати и долго смотрел в одну точку осоловевшими глазами. «Ах да!.. Пихт и Март...»

Зазвонил телефон. Зейц хотел было не поднимать трубку, но еще более продолжительный и требовательный звонок заставил его ответить. Говорил оберштурмбаннфюрер Вагнер:

— Зейц? Какого черта вы молчали ночью? Слушайте важную новость. В Лехфельд сегодня вылетает Герман Геринг. Он решил посмотреть ваш чудо-истребитель. Организуйте немедленно охрану. Конечно, его будут сопровождать свои парни из «Форшунгсамта» и личной охраны. Но и нам следует позаботиться о безопасности рейхсмаршала.

— Понятно,— глухо отозвался Зейц и, растирая лоб, спросил: — Какие будут приказания относительно Хопфица?

Вагнер помолчал.

— Пусть пока работает. Но вы не выпускайте его из рук и смотрите, чтобы его не выдернул у вас из-под носа Коссовски...

— А что, он тоже выехал к нам?

— Еще вчера.

Зейц положил трубку и скривился, словно от зубной боли. Все оборачивалось против него. Мир почернел. Пихт — это Март, русский агент. Теперь Зейц в этом был уверен. Но если Пихт будет разоблачен, он потянет за собой и его, Зейца. Может быть, им обоим придется вместе болтаться на одной перекладине. Коссовски?.. О, Коссовски, как всегда, выйдет сухим из воды и припишет ликвидацию Марта себе... Он расскажет и о Штейнерте и о тех деньгах в швейцарском банке, которые, как считал Зейц, он честно заработал, получая из Германии грузы с продовольствием и обменивая их на валюту и драгоценности. Голодные аристократы в обозах Франко в то время не очень-то торговались.

Но присваивать проценты — не достойно чести офицера СС. И его же коллеги, жадные, завистливые, с удовольствием засадят отступника за решетку, пошлют на смерть: «Интересы рейха превыше всего». Даже если просто конфискуют вклад и разжалуют его, все равно это будет равносильно самоубийству. И поимка Марта не спасет. А тут еще Геринг... Надо ставить на ноги всю охрану, хлопотать, бегать. От одной мысли, что сейчас, когда разламывается на части голова, надо подниматься, ехать на аэродром, Зейца снова бросило в жар.

Шатаясь, он подошел к столу, хотел написать о Пихте, но пальцы тряслись, ручка выскальзывала из рук. Он смял бумагу, вытащил из кобуры пистолет и заглянул в черное отверстие дула...

— Нет, нет! — закричал Зейц, отмахиваясь.

Тогда из аптечки он достал большую коробку люминала, высыпал таблетки в ладонь и стал их глотать одну за другой.

У него еще хватило сил выбросить коробку в уборную, добраться до постели. Странный, сладковатый привкус пришел из желудка. Зейц почувствовал, что он теряет вес и у него останавливается сердце. Он погружался в сон без боли и страха, и волна блаженной лег-

кости стала окутывать его с головы до ног. Внезапно в глазах вспыхнул какой-то яростно белый свет и долго еще метался в мертвеющем сознании.

2

Сообщение о прибытии Геринга вызвало переполох в Аугсбурге и Лехфельде. Мессершмитт сам примчался на испытательный аэродром и приказал готовить «Штурмфогель» к полету. Гехорсману в помощь была придана группа инженеров с других машин. К полудню удалось закончить сборку нового двигателя и установить его в моторную гондолу.

Мессершмитт вызвал Вайдемана:

— Господин майор. В этом полете вам нужно показать все...

Коссовски, получив телеграмму о Геринге, поехал к Зейцу, но дверь его квартиры оказалась закрытой. Тогда он поехал на аэродром.

— Я сам удивляюсь, что господина оберштурмфюрера до сих пор нет на месте: он отличается исключительной пунктуальностью,— в ответ на вопрос Коссовски сказал начальник аэродромной охраны лейтенант Мацки.

— Может быть, он заболел и не открывает?

— Разрешите мне съездить к нему на квартиру,— предложил Мацки.

— Едемте вместе.

Квартира, как и прежде, была заперта.

— Здесь что-то не так.

— Давайте, Мацки, взломаем дверь.

Когда Мацки сорвал замок и Коссовски первым прошел в кабинет Зейца, он почувствовал резкий запах коньяка. Зейц неподвижно лежал на кровати. Коссовски брезгливо стал расталкивать его — Зейц не двигался. Коссовски схватил его руку, пытаясь нащупать пульс,— пульса не было.

Коссовски побледнел.

— Скорую помощь, срочно! — тихо проговорил он, чувствуя, как слабеют ноги.— И вот еще что, Мацки,— остановил он лейтенанта.— Пока об этом никто не должен знать. Никто!

Коссовски теперь окончательно понял, что петля затянулась и на его шее. Надо любой ценой самому уничтожить Пихта. Тихо и осторожно. «Мертвые не говорят»,— вспомнил он слова Зейца, сказанные тогда, в злосчастной Испании. А перед выстрелом сказать в лицо Пихту, что он проиграл! Слишком долго он охотился за ним, Мартом, чтобы не насладиться всем существом своим, увидев в глазах врага животный страх перед неизбежным концом.

...Транспортный самолет «Ю-52», выкрашенный серебристой краской, мягко коснулся аэродрома. Мессершмитт, Зандлер, высшие служащие фирмы вытянулись у трапа, накрытого бордовым ковром. В проеме распахнутой дверцы появилась тучная фигура рейхсмаршала в бежевом мундире с тремя орденскими ленточками. Отдуваясь, Геринг спустился по трапу и сунул руку Мессершмитту, уставившись на него немигающим свинцовым взглядом.

— Очень рад встретиться с вами, Вилли,— сказал он надтреснутым, хрипловатым голосом, растягивая

тонкий, лягушечий рот в улыбке.— Показывайте же ваш феномен.

Мессершмитт махнул Вайдеману.

— Разрешите представить главного испытателя,— сказал он, подталкивая Вайдемана к Герингу.

Рейхсмаршал равнодушно скользнул по лицу Вайдемана и уперся в Рыцарский крест:

— Вы фронтовик?

— Да. Испания, Польша, Голландия, Франция, Россия,— отчеканил Вайдеман.

— Видали, каких орлов подобрал себе Вилли! — Геринг оглянулся на свою блестящую свиту.— Ну, майор, покажите, что умеет делать ваш «Штурмфогель».

Вайдеман побежал к самолету, забрался в кабину, оглянулся на Геринга и окружающих его офицеров, среди которых он заметил Коссовски. «Ну, теперь-то ты не посмеешь обвинить меня»,— обрадованно подумал он.

«Штурмфогель» рванулся по полосе, приподнял нос и круто взмыл вверх. Вайдеман набрал высоту и закрутил фигуры высшего пилотажа. От чудовищных перегрузок стекленели глаза, ломило плечи и позвоночник, но Вайдеман швырял и швырял машину по небу, выжимая из нее все, на что она была способна.

Затем появился двухмоторный истребитель «Мессершмитт-110». К его хвосту был прицеплен трос с конусом. Вайдеман бросил машину свечкой, сблизился с конусом и нажал гашетки пушек. Конус, пропитанный фосфорным составом, мгновенно вспыхнул белым огнем и растаял в воздухе. Вайдеман перевернул машину на спину и стал падать к земле. Метрах в ста он поставил «Штурмфогель» в нормальное положение и зашел на посадку.

— Максимальная скорость этого самолета около девятисот километров,— сказал Мессершмитт Герингу.— Согласитесь, что в мире еще нет ничего подобного.

На белом рыхлом лице Геринга выступили красные пятна. Рейхсмаршал, пораженный увиденным, разволновался. Мессершмитт знал, что он быстро возбуждается и так же быстро скисает. Но сейчас Геринг был неподдельно растроган.

— С этим самолетом мы покончим со всеми врагами! Поздравляю, Вилли! Вы снова сделали превосходный подарок рейху.

— Я рад служить Германии,— ответил Мессершмитт.

— Сколько у него пушек? — спросил Геринг.

— Четыре двадцатимиллиметровых... Или могут стоять одна пятидесятимиллиметровая и один пулемет.

— Превосходно, Вилли! Все «крепости» янки, томми и иванов разобьются теперь о вашу крепость.— Геринг театрально обнял костлявого Мессершмитта.

Но тут он вспомнил, что Гитлер хотел из «Штурмфогеля» сделать не перехватчик, а бомбардировщик. Сам Геринг был летчиком в первую мировую войну и, конечно, понимал, что из цапли нельзя сделать еще и курицу, но все же спросил:

— Скажите Вилли, а нельзя приспособить «Штурмфогель» под бомбардировщик? Кажется, я подписывал какой-то приказ об этом...

— Господин рейхсмаршал, мы проводили испытания с подвешенными бомбовыми болванками, и самолет терял почти двести километров скорости.

— Вот это и плохо, господин Мессершмитт,— отозвался из свиты фельдмаршал Мильх, юркий, курносый, толстенький человек с пухлым женским лицом и плутоватыми глазами, прикрытыми набрякшими веками.

— Но я с самого начала задумывал делать перехватчик. Вы сами хорошо знаете, что бомбардировщики не моя стихия, а скорее Хейнкеля,— обернулся к нему Мессершмитт.

— А если бомбы спрятать внутрь фюзеляжа? — спросил Геринг.

— Тогда придется перекомпоновать всю кабину и систему управления. Короче, строить новую модель.

— Ну что ж, я скажу фюреру о «Штурмфогеле». Надеюсь, он согласится использовать самолет как перехватчик,— сказал Геринг и подошел к вытянувшемуся Вайдеману.— Вы, майор, доставили мне большое удовольствие своим мастерством.

Черные лакированные «мерседесы» увезли Геринга в Аугсбург. Там Мессершмитт хотел показать рейхсмаршалу свои основные заводы. Зандлер, оробевший

перед столь высоким начальством, наконец пришел в себя.

— Завтра в шесть, Альберт, проведем серию последних испытаний, и, кажется, на этом наша работа закончится.

Вайдеман с состраданием посмотрел на посеревшего от утомления и болезни профессора — старик был уже не жилец на этом свете.

— Вам нужно отдохнуть,— сказал он вслух.

Зандлер махнул рукой:

— Какой тут отдых...

Он вытащил книжку и выписал чек на пятнадцать тысяч рейхсмарок.

— Вот вам за сегодняшний полет от Мессершмитта. Только, пожалуйста, не напивайтесь сегодня. Пихт ведь тоже будет сопровождать вас?

— Обещаю вам, что мы будем трезвы, как агнцы,— сказал Вайдеман, и сердце у него заныло от того, что Пихт, очевидно, полетит последний раз, если уж им заинтересовалась контрразведка.

«Неужели Пихт русский агент?» — подумал он, веря и не веря Коссовски.

3

Наутро синоптики дали обнадеживающий прогноз. Несильный ветер рассеял облачность. Еще в темноте Вайдеман, Гехорсман и Пихт приехали на аэродром. В предрассветном полумраке у машин возились дежурные техники.

По дороге на аэродром Вайдеман и словом не обмолвился о разговоре с Коссовски. Но его выдали глаза. Пихт догадался и встревожился.

«Времени нет. Значит, нужно сегодня»,— подумал Пихт.

Он посмотрел на Гехорсмана. Карл сидел, безучастно глядя на дорогу. В последний момент Пауль засомневался в том, что немец сможет взорвать «Штурмфогель», и решил это сделать сам, едва представится возможность.

В столовой за кофе ни Пихт, ни Вайдеман, ни Гехорсман не проронили ни слова. Только когда они на-

правились к своим стоянкам, Вайдеман, пряча глаза, бросил Пихту:

— Ты не подходи в воздухе близко. Можем столкнуться.

— Ладно,— ответил Пихт.

Ровно в шесть Вайдеман запустил двигатели. Пихт закрыл фонарь и тоже включил зажигание мотора.

— Прошу взлет, я «Сигнал»,— передал он.

— Прогрейте мотор, черт возьми! — крикнул Зандлер.

Через минуту Пихт был в воздухе. «Действовать, действовать! Нельзя больше ждать ни минуты. Но как? Меня же эсэсовцы не пустят на стоянку... А если когда «Штурмфогель» встанет на дозаправку?.. Тогда без помощи Карла все равно не обойтись».

О себе Пихт не заботился. Он думал сейчас о своей ближайшей задаче — взорвать «Штурмфогель».

Могуче гудел мотор. Винт золотили первые солнечные лучи. Поголубело небо, скрывая звезды в наступающем дне. В висках больно стучала кровь. Пихт посмотрел на высотомер. Семь тысяч метров показывали его короткие белые стрелки. Пихт надел кислородную маску и открыл краник. В нос ударила холодноватая струя. Он услышал свое дыхание — резкий вдох и выдох. Справа задышал вместе с ним индикатор подачи кислорода. Два белых сегмента то сбегались, то разбегались, открывая и закрывая клапан.

Пихт посмотрел вниз. «Штурмфогель» сидел на земле. Удивившись тишине в наушниках, он взглянул на регулятор рации. «Когда же я отключился? Надо быть внимательней!»

Он включил рацию и сразу же услышал крик Зандлера:

— «Сигнал», «Сигнал»! Будь ты проклят!

— Я «Сигнал». Прием.

— Почему вы молчали?

— Что-то стряслось с рацией.

— Немедленно идите на посадку!

«Неужели все пропало?»

— Что произошло?

— Какие могут быть вопросы! Немедленно на посадку!

Пихт убрал газ и двинул ручку от себя. «Мессершмитт» быстро потянуло к земле.

Пихт прошел низко над полосой. Около «Штурмфогеля» стояло много людей.

— Прошу посадку,— сказал он положенную фразу.

— Да. Сделайте одолжение,— буркнул Зандлер.

«Конечно, они что-то пронюхали».

Толкнувшись о бетонку, машина проскочила по полосе в лес и нырнула под маскировочную сеть.

Пихт откинул фонарь.

— В чем дело? — спросил он у техника.

— Отравился оберштурмфюрер. Зандлер объявил пятиминутный траур.

К Пихту подошел Вайдеман.

— Почему ты молчал в воздухе? — холодно спросил он.

— Да вот рация... Эй, ефрейтор! Позови прибориста. Пусть проверит рацию!

Вайдеман, помявшись, спросил:

— Скажи, когда тебя сбили, как тебе удалось улизнуть от русских?

— Я же писал объяснительную записку командиру эскадры. Упал вдали от окопов, на земле шел бой. Спрятался в березовой роще, и там меня поймали. Бросили в кузов машины вместе с оберштурмфюрером Циммером... Грузовик застрял...

— Знаю. Как долго ты находился в плену?

— Да каких-нибудь часа два.

— А остальные дни?

— Говорю же тебе, прятался в березовой роще.

— Трое суток?

— А что же я должен был делать? И ночью и днем ходили русские. Я решил ждать, пока фронт не откатится.

— Ну, хорошо.— Вайдеман постоял с минуту и отошел.

«Действовать, действовать»,— лихорадочно билась мысль. Пихт увидел Гехорсмана и незаметно приблизился к нему:

— Карл, когда-то ты обещал помочь мне...

— Обещал,— отозвался механик.

— Мы не должны пустить «Штурмфогель» в небо.

— Мы не в силах это сделать.
— В силах! — с ударением произнес Пауль.
— Как?
— Взорвать!
— Невозможно! Ведь это предательство!
— Предательство? Ты боишься предать Гитлера, который убил твоих детей? Если мы уничтожим опытный «Штурмфогель», мы приблизим час мира. Мы спасем тысячи людей. Ты же имеешь допуск к «Штурмфогелю»?
— А кто поможет мне?
— Когда «Штурмфогель» сядет на заправку и Вайдеман уйдет, сделай так, чтобы горючее потекло мимо горловины бака.

Гехорсман испуганно поглядел на Пихта и быстро пошел к стоянке. Время траура кончалось, начинались полеты.

Проводив «Штурмфогель» в воздух, Гехорсман почувствовал в ногах такую усталость, что сразу же лег на траву.

От земли тянуло теплом. Травинка, покачиваясь, касалась дряблой, морщинистой щеки, как будто гладила, успокаивая. В далекой синеве неба висели невесомые перышки облаков. Гехорсман вспомнил себя мальчишкой. Отец, слесарь в мастерской по ремонту паровых котлов, в выходные дни уезжал за город и брал ребятишек с собой. Братья носились по высокой траве, ловили бабочек, сшибая их прутьями. А Карл ложился на спину, вот так же, и глядел в небо. Он смотрел на облака не отрываясь, и они рисовали ему одну картину любопытней другой. То появлялся всадник, то выплывали какие-то диковинные звери, люди с длинными бородами, ладьи викингов.

«Карл вырастет отчаянным лежебокой»,— смеялся отец. «Нет, он станет изобретателем, как Эдисон и Уатт»,— возражала мать. «Поживем — увидим»,— отвечал, покашливая, отец.

Отцу удалось открыть свою мастерскую, и в четырнадцать лет Гехорсман был уже неплохим слесарем.

В первую мировую войну он попал в авиационные мастерские. Тогда самолеты были тихие и ненадежные, но летали на них отчаянные парни. Летали знаменитые асы: Иммельман, Удет, Рихтгофен, Бельке. А Геринг,

теперь вторая фигура в империи, был просто штафиркой...

После войны миллионы голодных бывших солдат бродили по улицам. Но Карлу повезло. Хотя прусская королевская авиация и была запрещена Версальским договором, но самолеты исподтишка строили, и нужда в авиамеханиках была.

Карл никогда не задумывался, что наступит такое время, когда с самолетов будут убивать людей. Это он увидел уже в Испании. Но не особенно огорчился. В конце концов, смерть от огня самолета менее страшна, чем от солдата, который целится в твою голову. Гитлер? Да хоть дьявол, лишь бы у людей была работа и им было бы что есть. Гехорсман старался на жизнь смотреть без забот. Сложности, считал он, выдумывают сами люди. Он просто спал, ел, женился, растил детей... И только когда поседела рыжая голова, когда он потерял всех детей на войне, когда в России он обжигал пальцы о раскаленный от мороза мотор и услышал о растоптанных городах, казнях, расстрелах, насилиях, лагерях, болезнях, он впервые задумался о себе и Германии. Он был ее сыном и не мог не задуматься о ней. А Германия разбойничала в России и Франции, в Голландии и Австрии, на Балканах и в Африке. Слово «немец» люди произносили как проклятие. Но среди немцев он узнал Пихта, Ютту, Эриха Хайдте... Пихт был человеком. И на фронте не раз выручал... И вдруг он предлагает взорвать «Штурмфогель»...

«Ты знаешь, на что идешь, Карл? — спросил Карл себя и кивнул.— Тебя могут схватить и пытать...»

Неужели он боится смерти? Когда не знаешь, за что умирать, тогда худо.

Итак, Вайдеман после полета пойдет пить кофе. Подъедет заправщик...

Травинка, покачиваясь, нежно гладила его дряблые, старые щеки.

Послышался свист и вой. Вайдеман шел на посадку. «Штурмфогель» тяжело опустился на шасси.

— Заправь баки, через тридцать минут я вылечу снова,— сказал Вайдеман, откинув тяжелый фонарь.

— Вы идете в столовую? — спросил Гехорсман.

Вайдеман не ответил. Сбросив парашют и комбине-

зон на траву, он несколько раз присел, разминая тело, и пошел к аэродромным баракам, где была столовая.

Гехорсман вызвал заправщик.

Вскоре приземлился и Пауль. Он торопливо выскочил из кабины и побежал к стоянке «Штурмфогеля». Через решетчатые ворота аэродромной ограды он заметил машину Коссовски. Капитан показал пропуск часовому, тот козырнул и раскрыл ворота. Машина подъехала к подъезду административного здания. Коссовски что-то сказал офицеру аэродромной охраны.

— Ты готов помочь, Карл? — спросил Пихт, подбегая к механику.

— Да,— с трудом вымолвил Гехорсман.— Сейчас подъедет заправщик, я отвлеку внимание шофера...

Краем глаза Пауль заметил, что офицер охраны свистком подозвал группу солдат.

— Хорошо, Пауль,— еще раз проговорил Карл.

— Я знал... Прощай... И попробуй сохранить себя до победы.

Солдаты во главе с Коссовски и офицером охраны пошли к взлетной полосе. На мгновение путь им преградил керосинозаправщик. Машина подъехала к «Штурмфогелю» и очень медленно, как бы нехотя стала разворачиваться задом к самолету. Шофер лениво раскрыл капот насоса, сбросил шланги.

— Да скорей же! — прикрикнул Гехорсман, заметив тревогу в глазах Пауля.

Солдаты уже были в каких-нибудь двухстах метрах. Они задержались у Вайдемана, который шел в столовую. Коссовски что-то сказал пилоту, тот оглянулся. Пауль понял, что речь идет о нем.

Гехорсман подтащил шланг к горловине баков, крикнул шоферу:

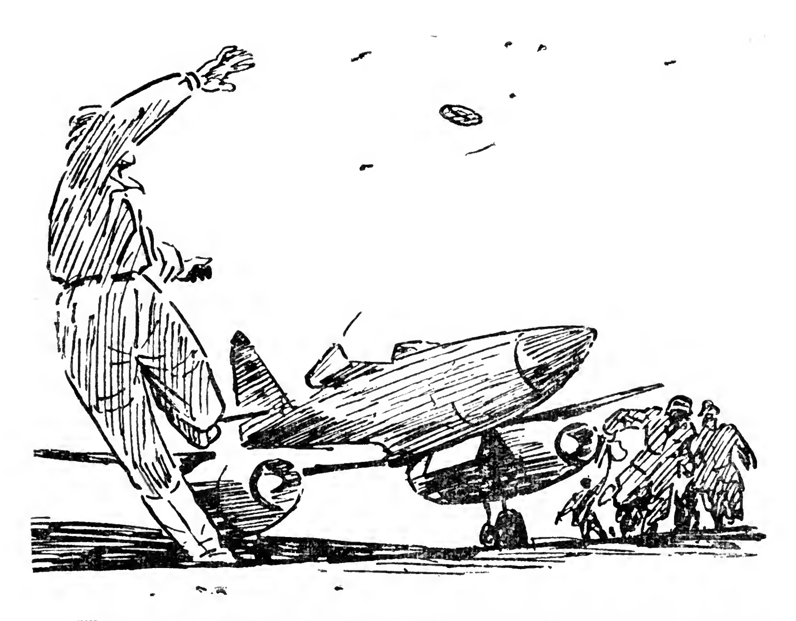
— Включай!

Толстая струя горючего растеклась по крылу, хлынула на землю.

Пауль быстро пошел к своей стоянке. Ускорили шаги и солдаты с Коссовски и Вайдеманом.

Гехорсман, сообразив, отозвал шофера в сторону, словно собираясь что-то сказать ему. Они зашли за заправщик.

Коссовски вынул пистолет, заторопил солдат. И вот он побежал.

Пауль поставил мину на мгновенный взрыв и, размахнувшись, изо всех сил швырнул ее в сторону «Штурмфогеля». Взрыв поджег разлившееся по земле горючее. Пламя хищно набросилось на самолет.

Гехорсман и шофер, нагибаясь, кинулись прочь.

Солдаты из автоматов открыли стрельбу по бегущему к своему истребителю Паулю. Завыли сирены, поднялась суматоха.

— Что случилось? Где Вайдеман? — кричал в репродуктор Зандлер.

Пихт успел добежать до своей машины, откинул фонарь, вскочил в кабину, включил зажигание двигателя. Над кабиной засвистели пули. Как назло, мотор не заводился. Одна пуля пробила плексиглас фонаря. Наконец, чихнув, заработал двигатель.

В этот момент взрыв заправщика бросил солдат, Коссовски и Вайдемана на землю. Паулю удалось вырулить на взлетную полосу.

Вайдеман приподнял голову, вскочил и бросился к стоянке «мессершмиттов». Под вой сирен прыгали в кабины пилоты, оказавшиеся поблизости.

Пихт захлопнул фонарь, почувствовал какую-то непонятную, давно утерянную легкость. Волнение прошло. Голова обрела ясность, какая бывает после сильного потрясения.

Истребитель качнулся, спустив тормоза. Фуражка, оставленная каким-то пилотом, попала в струю ветра от заработавшего винта, взлетела и, кувыркаясь, скрылась в лесу. Рыжая, обожженная трава на обочине бетонки приникла к земле от бешеного ветра. Поток взметнул пыль. Качнулись элероны на концах крыльев, будто огромная птица шевельнула перьями перед тем, как взлететь.

Солдаты во главе с Коссовски были почти рядом.

И Пихт повел машину на взлет. Самолет оторвался от земли и уперся острым носом в небо, где блуждали дымчатые облака. Потом Пауль перевернул машину через крыло и ударил изо всех пушек по самолетам, которые выруливали на взлетную полосу. Потом снова развернулся и снова стрелял, расшвыривая ползущие по земле самолеты.

Два истребителя все же успели подняться в воздух. Среди них Пихт без труда нашел тот, которым управлял Вайдеман. На форсаже[1] он лез вверх, нацеливаясь для атаки. Пихт обстрелял его, но Вайдеман ловко увильнул от трассы.

«Ну что же, давай схватимся с тобой напоследок, Альберт!» — подумал Пихт.

Вайдеман открыл огонь с дальней дистанции. Он хотел напугать Пихта, лишить уверенности. Пихт нырнул под трассу и помчался вперед, разгоняя истребитель. Другой истребитель стал заходить ему в хвост.

Вайдеман круто отвернул в сторону. Пихт успел заметить его злое лицо, встрепанную голову. «Забыл шлем впопыхах».

Земля осталась далеко внизу. Зелеными и коричневыми квадратами кружились поля, поблескивала на солнце вязь речек. Пихт потянул ручку на себя и затормозил, выпустив щитки. Истребитель, который заходил сзади, проскочил мимо. В желтом кресте прицела мелькнул его силуэт. Пихт нажал на гашетки, успел

---

[1] Форсаж — работа двигателя на повышенном режиме.

заметить, как трасса впилась ему в бок и оттуда, из черной дыры, вывалилось облако дыма.

«Но где Вайдеман?» Он окинул взглядом небо, перевалив машину с крыла на крыло. Вайдемана не было. И тут подкралось предательское чувство страха. Пихт не видел врага, но знал: он где-то рядом. Пихт сделал полупетлю и оглянулся — Вайдеман висел на хвосте.

«На этот раз промахнулся... Но почему он не стреляет?»

Пихт стал склонять машину в глубокий вираж. При перетягивании ручки на вираже «мессершмитт» срывался в штопор. Какая из машин свалится первой? Может, Вайдемана? Это была последняя надежда уцелеть. Чуть заметными толчками Пихт двигал ручку в сторону и давил на педаль. Истребитель вибрировал, рыская носом по горизонту. Пихт оглянулся. Вайдеман тоже висел на критическом развороте, пытаясь поймать в прицел его машину.

Очередь ударила по крылу, но не достала кабину. «Мессершмитт» Пихта покачнулся. Внезапно пришла простая мысль — крутнуть нисходящую бочку. Вайдеман кинется за ним, пройдет секунда. А секунда — не так уж мало в стремительном воздушном бою.

Пихт швырнул истребитель вниз и начал делать беспорядочные витки. Но Вайдеман разгадал маневр. Он понял: если кинется следом, то окажется внизу и Пихт расстреляет его. Прибавив газ, он угнал самолет в сторону и развернулся. Вышел в исходное положение для лобовой атаки и Пихт. Кто отвернет первым? У кого не выдержат нервы?

Машины с удвоенной скоростью понеслись навстречу друг другу. Никто не отворачивал. Вайдеман в какой-то миг понял: Пихт не отвернет и последним жутким усилием заставил себя не сворачивать тоже. Слишком многое их связывало в прошлом и слишком многое разделяло в это последнее мгновение...

Коссовски, сквозь пелену злых слез наблюдая за боем, увидел, как два истребителя ударились друг в друга, бело-красная вспышка расколола небо на части, расшвыряв куски металла.

Но ветер быстро развеял дым, и снова в бездне синевы показались легкие, розоватые облака...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Лехфельд содрогался от грохота тяжелых «шерманов». Заканчивалась война, самая страшная из всех войн, вместе взятых. Трясли мостовую армейские «доджи». Тяжелым шагом, вразброд шли канадские стрелки—загорелые, беззаботные, в грязных суконных куртках. Они высвистывали веселую солдатскую песенку.

А навстречу этому потоку медленно брели трое. Карл Гехорсман, Эрих Хайдте и Эрика. В сквере у городской ратуши перед замком Блоков они остановились. Старые деревья здесь были вырублены, на обочинах аллей торчали скорбные черные пни. Гехорсман поднял щит с дорожным указателем, на чистой обратной стороне химическим карандашом написал: «Здесь

в борьбе с фашистами погибли радистка Ютта Хайдте и советский боец...»

— Я не знаю, как на самом деле звали Пауля,— сказал Гехорсман.

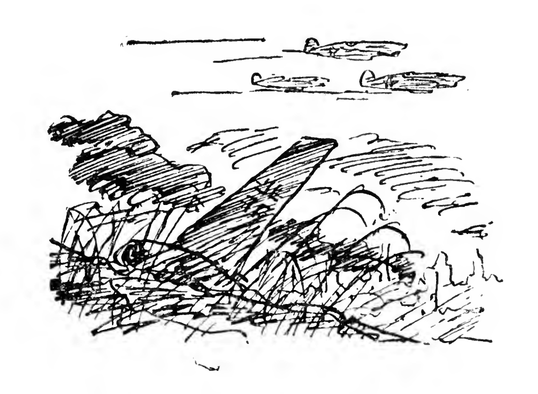
Не знал этого и Эрих Хайдте, не знала и Эрика.

Подумав, Гехорсман решительно дописал: «...по имени Март». Подошел американский солдат, помолчал, меланхолически пожевывая резинку.

— Кэмрид? — спросил он.

— Друг,— ответил Гехорсман и с размаху воткнул щит во влажную землю.

Пока не смоют надпись дожди, она будет напоминать о войне и подвиге солдат отважного и трудного фронта. В то время разведчикам еще не ставили памятников в бронзе и камне.

ОГЛАВЛЕНИЕ

☆

Для среднего
и старшего возраста

Евгений Петрович Федоровский

„ШТУРМФОГЕЛЬ" БЕЗ СВАСТИКИ

Приключенческая повесть

Ответственный редактор В. С. Мальт. Художественный редактор Т. М. Токарева. Технический редактор Н. Д. Лаукус. Корректоры В. В. Борисова и К. И. Каревская. Сдано в набор 21/VIII 1975 г. Подписано к печати 17/V 1976 г. Формат 84×108 1/32. Бум. типогр. № 2. Печ. л. 9. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 14,97. Тираж 100 000 экз. А08534. Заказ № 1452. Цена 57 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Федоровский Е. П.

Ф33 «Штурмфогель» без свастики. Приключенческая повесть. Издание второе. Рис. Б. Доля. М., «Дет. лит.», 1976.

287 с. с ил.

В повести рассказывается о советских разведчиках, препятствовавших в годы войны созданию немецкого реактивного самолета «Штурмфогель» («Альбатрос»).

Ф $\frac{70803-406}{М101(03)76}$ Без объявл. Р2

Цена 57 коп.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВСКИЙ „Штурмфогель" без свастики